

PHILOLOGY

International scientific journal

№ 2 (2), 2016

Founder and publisher:
Publishing House «Scientific survey»

The journal is founded in 2016 (January)

Volgograd, 2016

UDC 8
LBC 72

PHILOLOGY

International scientific journal, № 2 (2), 2016

The journal is founded in 2016 (January)
ISSN 2414-4452

The journal is issued 6 times a year

The journal is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Communications.

Registration Certificate: III № ФС 77 – 62764, 18 August 2015

EDITORIAL STAFF:

Head editor: Musienko Sergey Aleksandrovich

Executive editor: Manotskova Nadezhda Vasilyevna

Dmitrieva Elizaveta Igorevna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
of Department “Foreign languages - 5”

Ansimova Olga Konstantinovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
of the Chair of Russian language

Atamanova Natalia Viktorovna, Candidate of Philology, Associate Professor
of the Russian Language Department

Authors have responsibility for credibility of information set out in the articles.
Editorial opinion can be out of phase with opinion of the authors.

Address: Russia, Volgograd, Angarskaya St., 17 "G"
E-mail: sciphilology@mail.ru
Website: <http://sciphilology.ru/>

Founder and publisher: Publishing House «Scientific survey»

УДК 8
ББК 72

ФИЛОЛОГИЯ

Международный научный журнал, № 2 (2), 2016

Журнал основан в 2016 г. (январь)
ISSN 2414-4452

Журнал выходит 6 раз в год

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

**Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77 - 62764 от 18 августа 2015**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: Мусиенко Сергей Александрович
Ответственный редактор: Маноцкова Надежда Васильевна

Дмитриева Елизавета Игоревна, кандидат филологических наук, доцент кафедры "Иностранные языки - 5"

Анимова Ольга Константиновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Новосибирский государственный технический университет

Атаманова Наталья Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Адрес редакции: Россия, г. Волгоград, ул. Ангарская, 17 «Г»
E-mail: sciphilology@mail.ru
Website: <http://sciphilology.ru/>

Учредитель и издатель: Издательство «Научное обозрение»

CONTENTS

Philological Sciences

Yefimova O.V.
ON TRANSLATION METHODS OF ACRONYMS
AND ABBREVIATIONS IN TEXTS OF MANUALS 8

Rakhmanov B.R.
EVOLUTION OF “ORIENT” STORY IN THE RUSSIAN
LITERATURE OF THE XVIII – THE BEGINNING OF THE XIX CENTURIES..... 11

Tuleubaeva B.B., Zhirenschina K.A.
PROFESSIONALLY-ORIENTED TEACHING OF FOREIGN LANGUAGE 16

Frantseva E.Yu.
THE WAYS OF EXPRESSING NATIONAL
COLOUR IN *LION’S MANE*, THE NOVEL BY A.C. DOYLE..... 18

Literature of Peoples of the Foreign Countries

Pototska I.Yu.
VIRGINIA WOOLF’S MRS. DALLOWAY AND HER PARTY:
HOW WOOLF’S SHORT STORIES RELATE TO HER NOVEL 21

Linguistics

Belenov N.V.
CHARACTERISTICS OF VOLGA-BULGARIAN TOPONYMY 23

Bratashova E.V.
CHENGYU AS A PHRASEOLOGICAL UNIT 25

Rudakovskaya V.A., Zhavoronkova A.R.
LANGUAGE AND CULTURAL OBSTACLES OF MODERN TIMES 27

Safyannikova G.E.
TWO CLASSICAL TRANSLATIONS OF *HAMLET*
INTO RUSSIAN: CONTRASTIVE AND COMPARATIVE ANALYSIS 31

The Russian Language

Glushchenko O.A.
LINGUISTIC CONCEPTUALIZATION OF PHYSICAL
ATTRIBUTES OF THE OBJECT (A CASE STUDY OF KAMCHATKA’S HYDRONYMS)..... 34

Savelyeva E.A.
STEREOTYPIFICATION OF USE / HARM IN APHORISTIC DISCOURSE..... 39

Faje Fatu Diop
THEORETICAL ISSUES OF LEARNING
THE INTERCONNECTION BETWEEN LANGUAGE AND CULTURE
AT THE LEVEL OF LEXICAL CONCENTRATORS OF TEXT CONTENT 43

Languages of Peoples of the Russian Federation

<i>Novgorodov I.N.</i> ON THE LEIPZIG-JAKARTA LIST OF THE NOGAI LANGUAGE	48
---	----

Germanic Languages

<i>Baeva G.A.</i> LINGUODIDACTIC POTENTIAL OF DICTIONARY FIELD LABELS	53
--	----

<i>Ivanova M.M., Lukina A.A., Levchenko V.V.</i> USING MEDICAL TERMINOLOGY IN THE AUTHENTIC ECONOMIC ARTICLES	58
--	----

<i>Kitaeva E.M.</i> STYLISTIC MEANS OF EXPRESSING SPACE AND TIME IN CHILDREN'S LITERATURE	64
--	----

<i>Pavlenkova O.N.</i> COGNITIVE DUALISM OF THE CONCEPT OF LITOTES STYLISTIC DEVICE	67
--	----

Linguistic Theory

<i>Pakharenko S.V.</i> LEXICAL BORROWINGS IN THE RUSSIAN LANGUAGE AS A SUBJECT OF CULTURAL LINGUISTICS RESEARCH	70
---	----

Comparative Historical, Typological and Comparative Linguistics

<i>Dmitrieva E.I., Greshnyakova A.A.</i> DIACHRONIC ASPECT IN THE STUDY OF ENGLISH WORD FORMATION (QUANTITATIVE APPROACH)	73
---	----

<i>Milostiwaja A.I.</i> LEXIKALISCHE TRANSFORMATIONEN BEI DER WIEDERGABE VON KULTURONYMEN (AM BEISPIEL DER DEUTSCHEN ÜBERSETZUNG VON M. BULGAKOWS "ADAM UND EVA")	76
--	----

<i>Nikolaev A.I., Borisova S.V.</i> ISSUES OF LEARNING FOREIGN LANGUAGES UNDER THE CONDITIONS OF ARTIFICIAL MULTILINGUALISM AT THE YAKUT SCHOOL	79
---	----

<i>Spichko N.A.</i> THE USAGE PECULIARITIES OF COGNATE OBJECT IN RUSSIAN AND ENGLISH	82
---	----

Applied and Computational Linguistics

<i>Nikolaev A.I., Karataeva V.P.</i> THE PECULIARITIES OF USING REMOTE TECHNOLOGIES IN TEACHING FOREIGN LANGUAGE IN THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA)	85
---	----

СОДЕРЖАНИЕ

Филологические науки

<i>Ефимова О.В.</i> О СПОСОБАХ ПЕРЕВОДА СЛОВСОКРАЩЕНИЙ И АББРЕВИАТУР В ТЕКСТАХ-ИНСТРУКЦИЯХ	8
<i>Рахманов Б.Р.</i> ЭВОЛЮЦИЯ «ВОСТОЧНОЙ» ПОВЕСТИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII – НАЧАЛА XIX ВЕКОВ.....	11
<i>Туллубаева Б.Б., Жиренишина К.А.</i> ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ С ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТЬЮ	16
<i>Францева Е.Ю.</i> СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ НАЦИОНАЛЬНОГО КОЛОРИТА В РАССКАЗЕ А.К. ДОЙЛЯ «ЛЬВИНАЯ ГОЛОВА»	18

Литература народов стран зарубежья

<i>Потоцкая И.Ю.</i> ВИРДЖИНИЯ ВУЛФ И ВЕЧЕРИНКА МИССИС ДЭЛЛОУВЭЙ: КАК РАССКАЗЫ ВУЛФ ВЗАИМОСВЯЗАНЫ С ЕЁ РОМАНОМ	21
--	----

Языкознание

<i>Беленов Н.В.</i> ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОЛЖСКО-БУЛГАРСКОЙ ТОПОНИМИИ.....	23
<i>Браташова Э.В.</i> ЧЭНЬЮЙ – ОДИН ИЗ ВИДОВ ФРАЗЕОЛОГИИ	25
<i>Рудаковская В.А., Жаворонкова А.Р.</i> ЯЗЫКОВЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ БАРЬЕРЫ СОВРЕМЕННОСТИ	27
<i>Сафьянникова Г.Е.</i> ДВА КЛАССИЧЕСКИХ ПЕРЕВОДА «ГАМЛЕТА» НА РУССКИЙ ЯЗЫК: СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ	31

Русский язык

<i>Глуценко О.А.</i> ЯЗЫКОВАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ФИЗИЧЕСКИХ СВОЙСТВ ОБЪЕКТА (НА МАТЕРИАЛЕ ГИДРОНИМОВ КАМЧАТКИ)	34
<i>Савельева Е.А.</i> СТЕРЕОТИПИЗАЦИЯ ПОЛЬЗЫ / ВРЕДА В АФОРИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ.....	39
<i>Файе Фату Диоп</i> ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ НА УРОВНЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ КОНЦЕНТРАТОРОВ СОДЕРЖАНИЯ ТЕКСТА	43

Языки народов Российской Федерации

<i>Новгородов И.Н.</i> ОБ УСТОЙЧИВОМ СЛОВАРНОМ ФОНДЕ НОГАЙСКОГО ЯЗЫКА	48
--	----

Германские языки

<i>Баева Г.А.</i> ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СЛОВАРНЫХ ПОМЕТ	53
--	----

<i>Иванова М.М., Лукина А.А., Левченко В.В.</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В АУТЕНТИЧНЫХ СТАТЬЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ.....	58
--	----

<i>Китаева Е.М.</i> СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ В ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	64
---	----

<i>Павленкова О.Н.</i> КОГНИТИВНЫЙ ДУАЛИЗМ КОНЦЕПТА СТИЛИСТИЧЕСКОГО ПРИЕМА «ЛИТОТА».....	67
---	----

Теория языка

<i>Пахаренко С.В.</i> ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.....	70
--	----

Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание

<i>Дмитриева Е.И., Грешнякова А.А.</i> ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В ИССЛЕДОВАНИИ АНГЛИЙСКОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ (КВАНТИТАТИВНЫЙ ПОДХОД)	73
--	----

<i>Милостивая А.И.</i> ЛЕКСИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРИ ПЕРЕДАЧЕ КУЛЬТУРОНИМОВ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ПЕРЕВОДА ПЬЕСЫ М. БУЛГАКОВА «АДАМ И ЕВА»).....	76
--	----

<i>Николаев А.И., Борисова С.В.</i> ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В УСЛОВИЯХ ИСКУССТВЕННОГО МНОГОЯЗЫЧИЯ В ЯКУТСКОЙ ШКОЛЕ	79
--	----

<i>Спичко Н.А.</i> ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ РОДСТВЕННОГО ДОПОЛНЕНИЯ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ	82
---	----

Прикладная и математическая лингвистика

<i>Николаев А.И., Каратаева В.П.</i> ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ДИСТАНЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В РЕСПУБЛИКЕ САХА (ЯКУТИЯ).....	85
--	----

Philological sciences
Филологические науки

УДК 81-2

**О СПОСОБАХ ПЕРЕВОДА СЛОВСОКРАЩЕНИЙ
И АББРЕВИАТУР В ТЕКСТАХ-ИНСТРУКЦИЯХ**

О.В. Ефимова, кандидат филологических наук, доцент
Кафедра европейских языков, Институт международных отношений,
Пятигорский государственный лингвистический университет, Россия

***Аннотация.** В научно-технических текстах, особенно в текстах-инструкциях, которые стали неотъемлемой частью повседневной жизнедеятельности современного человека, употребляется значительное количество сокращенных слов и аббревиатур. Более детальное изучение структуры данных лексических единиц и способов их перевода на русский язык может способствовать их лучшему пониманию и правильному использованию высокотехнологичных девайсов и гаджетов.*

***Ключевые слова:** аббревиация, сокращения, способы перевода, научно-технические тексты, тексты-инструкции.*

Одной из очевидных тенденций современной науки о языке, а также практического функционирования лингвистических единиц, безусловно, можно назвать принцип языковой экономии. Активное развитие высокотехнологичных продуктов и устройств минимизирует необходимые для их использования словесные описания и инструкции, в связи с чем сокращенные слова, аббревиатуры различного рода и акронимы становятся весьма популярными как в устной разговорной речи, так и с точки зрения их научного изучения.

Тексты специального назначения и, в частности, научно-технические тексты в последнее время достаточно часто являются объектом пристального внимания лингвистов с точки зрения терминологии и стилистики перевода [3]. Однако, по нашему мнению, наибольший интерес и трудности для понимания и интерпретации специализированных текстов представляют сокращения и аббревиатуры. Именно поэтому тематика данного исследования представляется своевременной и актуальной, а его результаты могут иметь практическую значимость и для рядовых пользователей современных девайсов и гаджетов. Конечно, к бытовым приборам, как правило, прилагается инструкция на русском языке, тем не менее, следует признать, что качество перевода иногда небезупречно, а в некоторых случаях слова так и остаются в их оригинальном иностранном написании.

Опытному переводчику известны основные способы передачи иностранных сокращенных слов на русский язык [1]. Среди них идеальным вариантом является передача иностранного слова эквивалентным русским сокращением, утвердившимся в широком употреблении. Также широко используются такие традиционные способы, как транслитерация, или передача иностранной аббревиатуры русскими буквами, и транскрипция, подразумевающая передачу фонетического звучания иностранного слова русскими буквами. В случае отсутствия эквивалентной единицы в языке перевода специалисту придется прибегнуть к описательному переводу либо к созданию нового русского сокращения. Следует заметить, что в литературе все чаще наблюдается заимствование иностранного сокращения с сохранением его оригинального латинского написания.

В данной работе мы проанализировали основные используемые способы перевода английских сокращенных слов и аббревиатур на русский язык в научно-технических текстах, в частности, в текстах-инструкциях по эксплуатации различной бытовой техники и электроники – компьютеров, смартфонов, посудомоечных, стиральных и кофе-машин, ЖК телевизоров, холодильников и другой техники. Кроме того, были изучены лексические единицы из online-словаря английских аббревиатур и сокращений: <http://acronymfinder.com/> [4].

В нашем предыдущем экспериментальном исследовании, посвященном анализу структурно-семантических особенностей английских сокращенных слов в научно-технических текстах, нам удалось установить, что до 60 % сокращений представлены инициальными буквенными аббревиатурами типа *PP* (*peripheral processor – периферийный процессор*) или комбинацией букв и цифр – *IEEE 1394* (*интерфейс*). Вторыми по частоте употребления являются усечения различных типов, преимущественно апокопы типа *apps* (*applications – приложения*) или *ctrl* (*control – контролировать*). Популярны также графические сокращения как *cm* (*centimeter – сантиметр*) или *MB* (*megabyte – мегабайт*). Смешанные сокращения, сложносокращенные слова и акронимы входят в число наименее употребительных структур [2, с. 27-31].

Анализ экспериментальных образцов показал, что наиболее предпочтительным способом перевода аббревиатур и сокращений на русский язык в текстах-инструкциях является **заимствование иностранного сокращения** с сохранением латинского написания, их количество составило 45 %, например:

Use the product with the supplied power supply cord set, detachable type, UL listed / CSA certified, type SPT - 2, rated 7 A 125 V minimum, VDE approved. – Используйте кабель питания съемного типа, зарегистрированный в UL / CSA сертифицированный, тип SPT-2, номинал: 7А 125В минимум, утвержден VDE или равносильным органом.

It is available in Portable Document Format (PDF) and comes preloaded on your laptop. – Руководство поставляется вместе с компьютером, предварительно загруженное в него в формате PDF.

Supports connections between HDMI-connection-enabled AV devices (Set-Top Boxes, DVD players). – Поддерживает AV-устройства с возможностью подключения через интерфейс HDMI (приставки, проигрыватели DVD).

Use this when connecting to a SAMSUNG DMA (Digital Media Adapter) device through an HDMI interface and switching to DMA mode. – Используется при подключении устройства SAMSUNG DMA через интерфейс HDMI и переключении в режим DMA.

It includes USB disk drives, USB MP3 drives, USB memory card readers. – В их число входят съемные USB-приводы жесткого диска, съемные накопители с функцией USB-плеера и USB-карты памяти.

Следующим по популярности методом перевода сокращенных слов является использование **эквивалентного русского сокращения** – 30 % образцов переведены таким образом.

Maximum length should be 15 ft. (4.6 m). – Максимальная длина должна составлять 4.6 м.

This device meets RF exposure guidelines when used normally. – Это устройство отвечает требованиям нормативов по РЧ излучению при нормальной эксплуатации (РЧ – радиочастота).

Hospitals of health care facilities may be using equipment that could be sensitive to external RF transmissions. – В больницах и медучреждениях может использоваться оборудование, чувствительное к внешнему излучению РЧ-энергии.

Activate display sleep mode within 15 min of user inactivity. – Перевод дисплея в режим «Сон» через 15 мин бездействия пользователя.

Regulations & safety notices on p.74. – Правила и замечания по безопасности на стр. 74.

The PC uses lithium batteries. – Портативный компьютер ПК типа «ноутбук» использует литиевый аккумулятор.

Намного реже используется **эквивалент-лексема** – этот способ перевода зафиксирован в 10 % случаев: *Always keep the device more than 15.3 cm from the pacemaker. – Всегда держать устройство на расстоянии не менее 15,3 сантиметров от кардиостимулятора.*

This technology stimulates higher score on IQ test. – Эта технология стимулирует повышение интеллектуального коэффициента.

Наименее продуктивными способами перевода аббревиатур на русский язык является транскрипция – 6 %:

It is with IBM Corporation in New York. – Это контракт с корпорацией АйБиЭм в Нью-Йорке.

This makes WI-FI connection available. – Это обеспечивает доступ к «вай-фай».

Прием **опущения** сокращенных слов зафиксирован в 5 % случаев, а **описательный перевод** – в 4 % экспериментальных образцов, например:

HDMI device is smaller in size, has the HDCP (High Bandwidth Digital Copy Protection) coding feature installed, and supports multi-channel digital audio. – Устройство HDMI меньше по размеру, оснащено HDCP технологией защиты от незаконного копирования, а также поддерживает многоканальные цифровые аудиосигналы.

Make sure that the printer cable is connected securely to the computer's USB port. – Убедитесь, что разъем кабеля принтера надежно подсоединен к универсальной шине последовательной передачи данных компьютера.

Невостребованными способами перевода аббревиатур и сокращений в текстах-инструкциях являются **транслитерация, создание нового русского сокращения и антонимический перевод**.

Результаты данного этапа анализа отражены на следующей диаграмме:

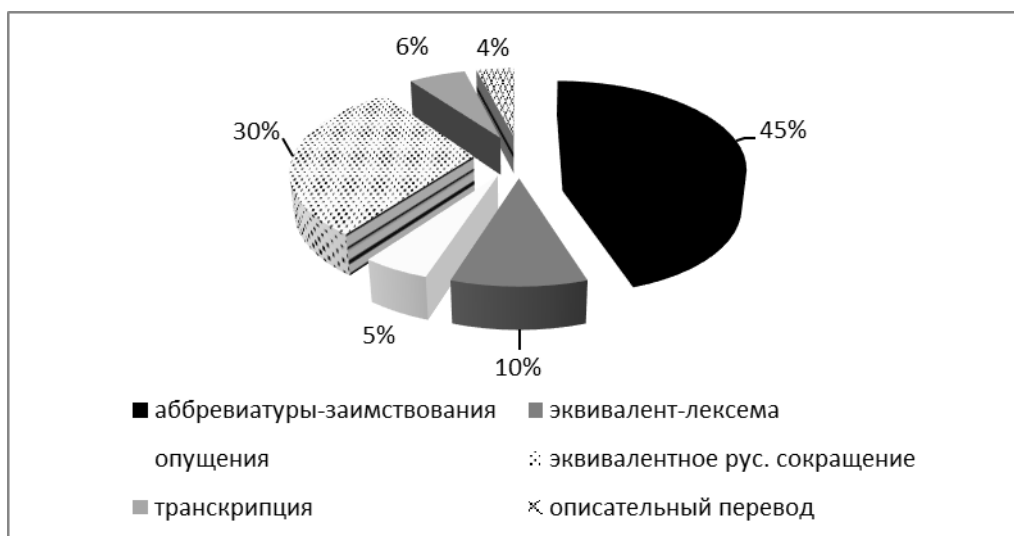


Рис. 1. Основные способы перевода английских аббревиатур и сокращений на русский язык в текстах-инструкциях

Таким образом, проведенный анализ позволил нам сделать выводы о том, что тексты-инструкции представляют собой специфический образец письменной речи, в связи с чем здесь отмечаются определенные четко выраженные отличия от других стилей текстов при переводе сокращенных слов. В большинстве случаев аббревиатура заимствуется полностью, и пользователь должен обладать определенными знаниями в данной области, чтобы правильно и адекватно понимать инструкцию.

Наиболее предпочтительным способом перевода аббревиатур и сокращений на русский язык в текстах-инструкциях является заимствование иностранного сокращения с сохранением латинского написания, следующий рекуррентный способ перевода – использование эквивалентного русского сокращения и перевод эквивалентом-лексемой. Переводческий прием опущения и описательный перевод используются достаточно редко, а самыми невостребованными способами перевода аббревиатур и сокращений в текстах-инструкциях оказались транслитерация, создание нового русского сокращения и антонимический перевод.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев, Д. И. Аббревиация в условиях научно-технической революции / Д. И. Алексеев, В. В. Борисов // Научно-техническая революция и функционирование языков мира. – М.: Наука, 1977. – 278 с.
2. Ефимова, О. В. Специфика структуры аббревиатур и сокращений в англоязычных текстах-инструкциях / О. В. Ефимова // Современные тенденции развития науки и технологий. Сборник научных трудов по материалам II Международной научно-практической конференции. – Белгород: ИП Ткачева Е.П., 2015. Часть III. С. 27-31.
3. Михиенко, С. А. Стилистика научно-технических текстов в английском языке: особенности перевода / С. А. Михиенко // Язык и культура. – Новосибирск, 2015. – №19. С.86-92.
4. Online-словарь английских аббревиатур и сокращений. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://acronymfinder.com/> (дата обращения: 13.02.2016).

Материал поступил в редакцию 15.02.16.

ON TRANSLATION METHODS OF ACRONYMS AND ABBREVIATIONS IN TEXTS OF MANUALS

O.V. Yefimova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Department of European Languages, Institute of International Studies,
Pyatigorsk State Linguistic University, Russia

Abstract. *There is a considerable amount of shortenings and abbreviations in scientific and technical texts, particularly in manuals, which became an integral part of modern everyday life. A detailed study of the structure of these lexical items and methods of translating them into Russian can contribute to a better understanding and proper use of high-technology devices and gadgets.*

Keywords: *abbreviation, acronyms, translation methods, scientific and technical texts, manuals.*

УДК 81'255.2

ЭВОЛЮЦИЯ «ВОСТОЧНОЙ» ПОВЕСТИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII – НАЧАЛА XIX ВЕКОВ

Б.Р. Рахманов, кандидат филологических наук, доцент кафедры мировой литературы
Российско-Таджикский (славянский) университет (Душанбе), Республика Таджикистан

***Аннотация.** Статья посвящена эволюции «восточной» повести в русской литературе XVIII – начала XIX веков. Рассматриваются теоретические и научные исследования В.Н. Кубачевой, Г.Д. Данильченко, Г.В. Субботиной о жанровом своеобразии «восточной» повести данного периода русской литературы и типология жанра в начале века.*

***Ключевые слова:** западно-восточные литературные связи, разновидности «восточной» повести, эволюция «восточной» повести.*

В 20 – 30-е годы XIX века происходит интенсивный рост прозаических жанров. Поэзия уступает место прозе, которая приобретает господствующее положение в литературе. Самым популярным жанром стала повесть. Романтическая повесть – историческая, фантастическая, «восточная» – способствовала значительному обогащению литературного процесса. «Писатели-романтики все более обращаются к изображению сначала этнографических, бытовых, затем социально-исторических картин жизни народа и общества» [2, 169], что приводит русскую литературу к открытию: социально-исторические обстоятельства могут быть соотнесены с характером героя, мотивировкой его поступков. Предреализм романтической повести проявился в осознании человека как продукта среды, что и наблюдается в творчестве А.С. Пушкина, О.И. Сенковского, А.А. Бестужева-Марлинского.

Поскольку исследований по проблемам типологии русской оригинальной повести пока недостаточно, и они не раскрывают полностью все вопросы о жанровом своеобразии, в частности, об особенностях жанра «восточной» повести, необходимо рассмотрение эволюции жанра «восточной» повести.

Более полным исследованием по интересующей нас проблеме является работа В.Н. Кубачевой «Восточная» повесть в русской литературе XVIII – начала XIX века» (1962), в которой автор дает общее представление о жанровом своеобразии «восточных» повестей». «Восточная повесть» пользовалась большой популярностью у русского читателя со второй половины XVIII века: «Под этим именем существовали и подлинно восточные произведения (как сказки «1001 ночь»), и подделки, и произведения, ничего общего с Востоком не имевшие» [4, 295]. В исследовании отмечен факт определенного отношения к «восточной» повести. С одной стороны, не было разграничения между оригинальным произведением и переводом, переложением. «Органичность этих произведений в русской литературе доказывается и тем, что идейный и образный строй как оригинальных, так и переводных «восточных» повестей не противоречат друг другу» [Там же, 296]. С другой стороны, отмечено, что переводились произведения идеологически востребованные, связанные с периодом своего появления: они лишь были средством изображения современных конкретных лиц и событий. В унисон В.Н. Кубачевой о многообразии форм восточной прозы и о проблеме перевода – оригинала говорит и Ю.М. Медведев. В послесловии «Летопись неистовых волшебств» к «Волшебно-богатырским повестям XVIII века» Ю. М. Медведевым отмечено: в литературном процессе XVIII века «...и для России, и для Европы понятия перевод – пересказ – оригинальное сочинение, как правило, совпадали...» [6, 484]. Там же указывается огромная роль влияния европейской «восточной» повести, а более конкретно, французской на русскую литературу: «...творцы волшебного-богатырских фантазий на тему российской и всемирной истории не скрывали, что источник их вдохновения – европейская, прежде всего французская литературная сказка эпохи Просвещения, то есть сказка, где уже господствовал причудливый мир восточных сказаний, вернее подражаний оным, достаточно упомянуть «Историю персидского султана и его визирей» (1707), «Тысячу и один день» (1710 – 1712), «1001 четверть часа, татарские сказки» (1712), «Чудесные приключения мандарина Фум-Хаома, китайские сказки» (1723), «1001 час, перуанские сказки» [Там же, 484].

Исходя из определенной тематики, идентичности идей и образов, В.Н. Кубачева условно выделяет три группы «восточных» повестей. Первая группа «восточных» повестей – морально-этические с религиозной окраской. Термин «восточная повесть» здесь воспринимается как указание на место возникновения, родину произведения. Вторая группа – повести развлекательные, авантюрно-галантные, термин «восточный» чаще «определяет лишь место действия, а в некоторых случаях – условный источник: подражание арабским или иным восточным сказкам». Третья группа – «восточные» повести просветительские: философско-сатирические и нравоучительные. «Наконец, произведения третьей группы всего дальше отстоят от первоначального значения термина «восточная повесть». Здесь могут отсутствовать даже восточные сюжеты, используются лишь имена, внешний реквизит и некоторые детали, ставшие общепринятыми признаками «восточности»» [4, 300].

«Восточные» повести нравственно-религиозного содержания (первая группа) существуют на протяжении длительного времени от древнерусской литературы до XIX века: «Они в аллегорическом, философски отвлеченном

плане решали наиболее общие вопросы: об отношении человека к вечности, о цели существования, о бренности земного и т.д.» [Там же]. Эти произведения и создавали представление читателя о «восточной» повести как философском произведении, посвященном аллегорическому изображению человеческой жизни и искушениях или препятствиях, встречающихся герою: «Они решают важные морально-этические проблемы, но с позиций философа-мудреца, аскетически отрешившегося от мирской суеты, и опираются на нормы христианской морали» [Там же, 300-301]. Экзотика и необычность, иная культура и быт привлекали внимание европейского читателя, поэтому интерес к восточному фольклору был вполне закономерен. Сам же всплеск знакомства с произведениями на восточную тему или с восточными сюжетами произошел в XVII веке. Сказки Антуана Галлана (арабские сказки) и подражания Пети де ла Круа (сказки персидские и турецкие), Тамоса-Симона Гелетта (сказки китайские, татарские, монгольские, перуанские), Шевалье Дюкло (сказки арабские и сирийские) и т.д. поразили читателя изображением фантастического мира, новыми образами, бытом и нравами неведомых народов, экзотическими картинами природы, своеобразной поэзией. «Все эти авторы создавали модное развлекательное чтение, для занимательности заимствуя элементы из произведений иного типа: авантюрно-галантного романа, пасторальной литературы, волшебного-рыцарского романа и т.п.» [Там же, 297]. Литературная обработка восточной сказки оставила костюмы, имена и заштампованные мотивы. Эта внешняя оболочка надолго останется в литературе как маскарадный костюм, укрывающий любое содержание, что приведет к новому направлению «восточной» повести – просветительской. Идеология Просвещения сказалась на литературном процессе – «восточная» повесть стала жанром идеологическим и сатирическим. Ряд обстоятельств способствовали долгому успеху просветительской повести: восточные одежды удобны по цензурным соображениям; метод «изображения западного мира через восприятие наивного восточного жителя» – «идеальный для просветителя способ анализировать явления жизни с точки зрения разумности и естественности»; «маскировка под модный жанр облегчала широкую популяризацию философских идей». «Восточная» повесть существовала в двух несовместимых видах: «один – развлекательный, ведущий начало от восточной фантастической сказки и авантюрно-галантного романа, и другой, лишь внешне сходный с ним вид – просветительская «восточная» философская повесть» [Там же, 299].

Развитие литературного процесса, разнообразные идейно-тематические искания писателей способствовали обогащению литературы новыми художественными средствами, на что указано В.Н. Кубачевой, которая отметила, что истоки «восточной» повести имеют более раннее начало. Исходя из трансформации жанра «восточной» повести, В.Н. Кубачева подчеркивает: «По всей вероятности, вначале «восточную» повесть чаще всего воспринимали у нас как нравственно-философскую притчу, отвлеченную и беспристрастную» [Там же, 301], которая состоит из притчи, толкования и нравоучения. Повествование имеет свойственную притче манеру – обобщенность и беспристрастность.

Назвав родиной «восточной» повести Францию, В.Н. Кубачева указывает, что борьба с канонами классицизма приводит писателей к поискам сюжетов, нового литературного материала, что определило обращение к фольклору.

Как было сказано, знакомство с произведениями на восточную тему или с восточными сюжетами относится к литературе периода XVIII-начала XIX века. С 1763 года печатаются на русском языке сказки «1001 ночь» и подделки или подражания им. Переводятся авантюрные повести с «восточным» содержанием. «В русскую литературу «восточное» вошло как специфическая, условная поэзия, экзотика, как материал, знакомящий читателя с изощренной литературой фантастических приключений и т.д.» [Там же, 302]. Этот поток интерпретаций сказок «1001 ночь» продолжится в 70-80 гг. XVIII века.

В другом исследовании, посвященном типологии жанра русской повести, – «Жанр русской повести конца XVIII - начала XIX века» Г.В. Субботиной (2003) – говорится об эволюции жанра повести и возникновении его модификаций, причем Г.В. Субботина констатирует факт влияния общественно-исторической обстановки на развитие русского литературного процесса конца XVIII - начала XIX века. Век Просвещения характеризуется всплеском книгопечатания, писательской и читательской активностью, заметен переход от перевода и подражания к оригинальному творчеству. Эпоха способствовала изменению формы и содержания произведений. Идеология Просвещения повлияла на развитие жанровых модификаций повести, их жанрообразующих признаков: «Масонские и просветительские взгляды нашли отражение в философской, ориентальной, сатирической и любовной повести» [7].

Говоря непосредственно о «восточной» повести, несомненно, надо учитывать художественное наследие, которое осталось в литературном процессе второй половины XVIII века. В диссертации Каримиана Фаззеха «Восточные мотивы и образы в русской прозе и драматургии II-й половины XVIII века» (2014) рассмотрены «восточные» повести с точки зрения исследователя, наиболее в идеологическом и художественном плане презентабельные: «Золотой прут. Восточная повесть» М.М. Хераскова (1782), «Надир. Восточная повесть» – анонимный текст, напечатанный в издании Н. И. Новикова «Городская и деревенская библиотека» (1783), «Каиб. Восточная повесть» И.А. Крылова (1792). Не обойдена вниманием и глава «Спаская Полесь» из «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. Имеют много общего с «восточной» повестью, как показано в исследовании, нравоучительные произведения идеологической направленности Екатерины II – «Сказка о царевиче Хлоре» (1781-1782) и «Сказка о царевиче Февее» (1792). «В произведениях вышеназванных авторов, воспользовавшихся восточными сюжетами, определяется много «близких ситуаций»: *мотивы путешествия, сна, переодевания, прозрения, аллегория зверя-чудища, атрибутика волшебства, образы восточного правителя, придворных вельмож (визирей,*

муфтий, паший), таинственной возлюбленной, *льстивых поэтов-сочинителей*» [3, 80].

Колорит «восточных» повестей для писателей зачастую был средством создания аллегии для критики самодержавно-крепостной России, отображения политического режима или философско-просветительского произведения с проповедью просвещенного абсолютизма. «Доминирующей идейной константой этих, как, впрочем, и других идентичных восточных повестей, является проблема государственного устройства общества, базирующаяся на нравственно-этических принципах воспитания власть предержащих – государя и его политических сподвижников» [Там же, 42]. В диссертационном исследовании говорится, что в период II-й половины XVIII века «восточные» повести функционировали в рамках просветительской философской литературы. Но в последующем «восточная» повесть XVIII в. не покинула литературный процесс: «Восточная тема станет самоценной в эпоху романтизма – в начале XIX века» [Там же, 156].

Необходимо отметить и взаимосвязь русской литературы с европейскими литературными тенденциями. Развитие жанров русской литературы не может рассматриваться без влияния западноевропейской литературы. «Вместе с появлением разновременных переводов западноевропейских источников в русской литературе возникают новые образы, сюжеты, поэтика» [7]. Для начала XIX века характерна трансформация повести, приобретение новых жанровых форм. Кризис идеологии Просвещения привел к исчезновению философской повести, не получила развития просветительская «восточная повесть». Сагирическая повесть меняет свое звучание, «приобретая развлекательное направление». Сохранилась историческая повесть, став ведущим жанром. Авантюрная повесть приобретает реалистическое бытописание. Любовная повесть, жанр, характерный для сентиментальной литературы, становится светской повестью, вобрав в себя произведения, раскрывающие тему любви и чувств. Зародилась и получила развитие «восточная» повесть с изображением реалистического восточного мира: «Одно из направлений «ориентальной повести» – «реалистическая» повесть, основанная и получившая широкое распространение в 30-х годах XIX столетия, продолжает свое существование вплоть до середины века, и далее в течение всего столетия писатели не раз обращаются к теме «русского Востока» – Кавказа» [Там же].

Одновременно, с 60-х годов XVIII века проявляется интерес к реальному Востоку, сведениям научного и документального характера, что говорит о познавательном и деловом интересе русского общества к различным восточным странам, граничившим с Россией. Поэтому к развлекательной и экзотичной стороне «восточных» повестей отрицательно отнесётся журналистика, видя во множестве любовных, волшебных-приключенческих и просто сказочных «восточных» повестях «антипедагогическую роль «вымышленных» произведений»: «Русская журналистика отрицательно отнеслась к засилью в литературе бессодержательных, развлекательных «восточных» сказок, повестей и историй» [4, 302]. Идеи Просвещения проявлялись в просветительской философской повести утверждением культа разума и необходимостью перестройки общества на началах разума и справедливости. Необходимо было обратить на пользу читателя бессодержательное, но популярное произведение. С этим связана и выработанная система образов: «Если учесть, что в произведениях такого рода пропагандировались самые популярные для своего времени идеи, которые часто превращались в общее место, то станет понятным, почему в процессе развития жанра выработались трафаретные образы: скучающий «от веселостей» государь, время от времени изъявляющий желание «знать истину» о положении своего народа; визирь, за благородство ненавидимый придворными; его антагонист – корыстный муфтий или кадий; дервиш; добродетельный поселянин и т.д.» [Там же, 304]. В рассмотренном выше исследовании Каримиана Фаззеха «Восточные мотивы и образы в русской прозе и драматургии II-й половины XVIII века» уже говорилось о «восточной» просветительской повести как аллегии для критики или философско-просветительского произведения, с проповедью просвещенного абсолютизма.

С развитием общества, с уходом идей Просвещения из литературного процесса, далее говорится в исследовании В.Н. Кубачевой, рассматриваемый нами жанр «восточной» философской и нравоучительной повести стал неактуальным и сошел с литературной арены: «Он был целиком связан с рационалистической философией просветительства и с литературными принципами классицизма» [Там же, 314].

Новая эпоха требовала новых литературных идей и форм воплощения. Так, были попытки «использовать «восточную» повесть для проповеди идей сентиментализма, но все они оказались неудачны». Смена идеалов не затрагивала область литературной формы, «а старая форма была недостаточна для нового содержания и чужда ему» [Там же, 315]. Так, например, в начале XIX века «восточная» повесть становилась аллегорической: «Прием аллегии позволял развивать те же идеи, отступая от традиционных образов и избирая оригинальный сюжет» – хотя повести и были интересны для чтения, они не содержали новых мыслей.

Не обойдена вниманием исследователей самобытность русской литературы. В русской литературе, в отличие от европейской, «восточная» повесть имеет более сложную основу – ранние переводы, знания реального близкого Востока, влияние эстетики европейского ориентализма, современные переводы и оригинальные произведения, которые составляли пеструю картину: «В нее вошли произведения более ранней эпохи, дошедшие к нам через Византию, новые переводы истинно восточного фольклора, переводы французских подделок и модной ориентальной литературы и, наконец, оригинальные произведения» [Там же, 299].

Развитию жанра «восточной» повести в XIX веке посвящено диссертационное исследование Г.Д. Данильченко «Романтический ориентализм в русской литературе первой половины XIX века» (1999), поскольку именно в эпоху романтизма она получила очередное развитие. Причиной интереса романтиков к Востоку были поиски новых, лежащих вне античности, эстетических идеалов. Следуя по этому пути, романтики пришли к

идеалу культуры не менее древней и современной, чем античная – культуры восточной, сыгравшей в романтизме роль своего рода «античности». Отсюда и мнение А. Бестужева-Марлинского, В. Кюхельбекера и К. Рылеева о том, что *своим появлением русский романтизм обязан восточному предмету*.

Таким образом при рассуждениях о проблемах ориентализма в русской литературе необходимо отметить, что она прошла определенный путь развития: Просветительство – романтизм – реализм. Не отвергая художественных достижений прошлого, ориентализм романтизма, меняясь, вбирает в себя и элементы реализма. «Литературные отношения России и Востока включали восточные темы, образы, использование русскими писателями восточного фольклора, различных восточных аналогий и реминисценций, переводы литературных памятников народов Востока как с оригинальных языков, так и с языков-посредников, личные контакты русских писателей с представителями восточных народов, типологические связи и т.д.» [1]. С одной стороны, ориентализм романтизма связан с необычным и экзотическим, с другой стороны, – это этнографический реалистический материал. Восприятие и влияние восточного материала русской литературой начала XIX века, свойственное эпохе романтизма, характеризуется переходом к реализму: «Именно в этот период Восток как бы становится пограничной зоной, где происходят сложные процессы взаимодействия романтического и реалистического мировосприятия» [Там же]. В противовес эстетике классицизма, романтики, следуя принципам индивидуальности и самобытности, призывали писателей за темами и образами обращаться к фольклорному материалу.

Рассмотрев в исследовании русский ориентализм как систему философских, эстетических и жанровых стилистических исканий русской литературы первой половины XIX в., Г.Д. Данильченко говорит о характерном романтизму поиске новых художественных форм. Это и воплотилось в жанровом составе русской литературы. Одним из примеров является «восточная» повесть, «которая способствовала не только глубинному постижению Востока, его философии и культуры, но и на восточном материале отшлифовала форму жанра романтической поэмы вообще» (А. С. Пушкин «Руслан и Людмила», «Бахчисарайский фонтан», М.Ю. Лермонтов «Мцыри»). «Восточная» повесть явилась следующим этапом в освоении Востока, как прозаический жанр, позволявший представить широкий охват событий. «Светская, историческая, фантастическая повести русского романтизма были насыщены ориентальной проблематикой» [Там же], что способствовало обогащению русской литературы восточными образами, темами, сюжетами и способствовало поиску новых форм раскрытия идеи.

При рассуждениях о русско-восточных литературных связях, отмечает Г.Д. Данильченко, надо указать отличительную их особенность – филоориентализм. «Под «филоориентализмом» понимаются представления восточного мира в литературе, использование восточной символики и восточного экзотизма в их внешних представлениях в соответствии с созданным на Западе миром восточной жизни» [Там же]. Для России Восток и ориентальный мир был ее частью, и европейские взгляды в ряде случаев не были применимы к русскому литературному процессу. «И в силу этого филоориентализм в его западноевропейском понимании и в представлении начального периода романтического направления в русской литературе претерпевал значительную трансформацию, приобретал новые черты, формировался как органическая естественная часть российского литературного процесса» [Там же].

Писатели-романтики, воссоздавая местный колорит, «стремились к достоверности в изображении нравов, обычаев, быта и природы тех восточных народов, о которых писали», что привело к зарождению реалистических тенденций в романтизме. Этому способствовало и использование фольклорных тем и мотивов. «Это не только создавало местный колорит, но и способствовало более глубокому проникновению в сущность восточных культур, в особенности мировоззрения восточных народов» [Там же].

Подводит итог исследованию мысль Г.Д. Данильченко о том, что «и идея местного колорита, и использование иноязычного фольклора, и проблема синтеза Запада и Востока, присущие русскому романтическому ориентализму, не только составили идейно-художественное своеобразие русского романтизма, но и подготовили пути для утверждения русского реализма, поставившего тему Востока на новый уровень постижения чужой культуры...» [Там же].

В начале XIX века О.И. Сенковский, Д.П. Ознобишин, А.А. Бестужев-Марлинский, Ф.В. Булгарин и другие русские писатели обращаются в своем творчестве к «восточной» повести. Одни писатели сохранили традиционную развлекательную направленность. Мы видим переводы и переложения фольклорных сюжетов и мотивов – Д. П. Ознобишин из сказок «1001 ночь» и макама (новелл) Абу Мухаммеда аль-Харири; О. И. Сенковский – из арабских муаллака, сказок «1001 ночь», макама аль-Харири, из сборника сказок «Тути-наме» (книги по-пугая) Зияуддина Нахшаби. «Восточную» повесть как философское произведение, аллегорически изображавшее жизнь, или произведение, имевшее назидательную направленность, мы наблюдаем в творчестве Фаддея Венедиктовича Булгарина – в сказках и апологах, в повестях, которым характерна дидактическая направленность. «Русская «восточная» повесть, уходящая корнями в фольклор и являющаяся наиболее крупным литературным жанром в общем ряду дидактико-аллегорических жанров, синтезировала в себе их малые формы, создав и воплотив просветительские философско-этические идеи прогрессивного общественно-литературного движения первой трети XIX столетия» [5].

Но в то же время следует отметить отличие романтической «восточной» повести от «восточной» просветительской и философской: богатый восточный колорит – быт, нравы и обычаи, менталитет, описания, приближенные к реалиям. «Переводы с арабского, турецкого, персидского свидетельствовали о творческой разносторонности интересов русских романтиков, о все более возрастающем внимании к реальному Востоку» [Там же]. Это

характерно для переводов и переложений О.И. Сенковского «Вор» (1828), «Бедуин» (1823), «Деревянная красавица» (1825) и Д.П. Ознобишина «Посещение» (1827), «Соперничество шести невольниц» (1841), «Спор» (1826).

Другая ступень развития, после этапа переводов – переложений, к примеру, «восточные» повести О.И. Сенковского «Смерть Шанфария» и «Антар», которые демонстрируют творческое осмысление восточного материала. В одном случае, мы имеем дело со свободной трактовкой общеизвестного для исследователей материала, мистификацией, заставляющей читателя внимательно следить за судьбами и основанной на конкретном этнографическом материале («Смерть Шанфария»); в другом случае – оригинальной восточной повестью о поэте-бродяге, поэте-фарисе («Антар»). Сохранилась сатирическая «восточная» повесть (О.И. Сенковский), которая позволяет писателям говорить завуалировано о насущных проблемах общественной и литературной жизни. Но ориентализм сатирической повести – всего лишь фон, вспомогательный материал для воплощения художественного замысла.

Дальнейшее развитие «восточной» повести наблюдается в творчестве А.А. Бестужева-Марлинского – повести «Мулла-Нур» и «Аммалат-бек». Отметим личное знакомство писателя с героями произведения Мулла-Нуром и Искандер-беком и реальность происшествий с Аммалат-беком. Реальность событий позволила писателю дать определение произведению «Кавказская быль», которая по жанровым признакам восходит к «восточной» повести.

Поэтика романтической прозы Бестужева-Марлинского предопределила дальнейшее развитие эпических форм в изображении «жизни страстей», мельчайших оттенков чувств и мироощущения личности в соотношении с её идеалами, в воссоздании национальной стихии и истории, судьбы героя на фоне исторических событий и самого исторического события как предмета изображения. Словом, романтическая эстетика, требовавшая интенсивного действия и движения событий и лиц, приводила романтиков к значительным художественным завоеваниям. Одним из них было умение связать воедино поступки героев, дав им в законченной последовательности. Поставив героя, как явление социальной среды, в зависимость от жизненной ситуации, романтики сделали таким образом шаг в литературном процессе к реализму.

В дальнейшем же «восточная» повесть во всех разновидностях не покинет литературной арены, к ней будут обращаться писатели второй половины XIX века. И по-прежнему она будет обладать своими специфическими художественными чертами: экзотичностью и развлекательностью, философичностью и дидактизмом (Н.Г. Чернышевский «Сорок кяфиров», И.С. Тургенев «Песнь торжествующей любви», «Восточная легенда», Л.Н. Толстой «Визирь Абдул», «Царь и сокол»).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Данильченко, Г. Д. Романтический ориентализм в русской литературе первой половины XIX века. Автореф. дис. канд. филол. наук: 10.01.01 / Г. Д. Данильченко. – Бишкек, 1999. <http://www.dissertcat.com/content/romanticheskii-orientalizm-v-russkoi-literature-pervoi-poloviny-xix-veka#ixzz3VxxZDkV>.
2. История романтизма в русской литературе. Романтизм в русской литературе 20-30 годов XIX в. (1825-1840). – М.: Наука, 1979. – 326 с.
3. Каримиан Фаэзех. Восточные мотивы и образы в русской прозе и драматургии II-й половины XVIII века. Дис. канд. филол. наук: 10.01.01 / Фаэзех Каримиан. – М., 2014. – 171 с.
4. Кубачева, В. Н. «Восточная» повесть в русской литературе XVIII-начала XIX века / В. Н. Кубачева // XVIII век, сб. 5. – М., – Л., 1962, – С. 295-315.
5. Мурадова, Ф. Р. Восточная тематика в литературных альманахах 20-30-х годов XIX века. Автореф. дис. канд. филол. наук: 10.01.01 / Ф. Р. Мурадова. – Баку, 1990. <http://cheloveknauka.com/vostochnaya-tematika-v-literaturnyh-almanahah-20-30-h-godov-xix-veka>.
6. Старинные диковинки. Волшебные-богатырские повести XVIII века. Библиотека русской фантастики в 20 томах. Т.3, книга II / Сост., послесл. и примеч. Ю. М. Медведева. – М., 1992, – 512 с.
7. Субботина, Г. В. Жанр русской повести конца XVIII-начала XIX века. Автореф. дис. канд. филол. наук: 10.01.01 / Г. В. Субботина. – Москва, 2003. <http://cheloveknauka.com/zhanr-russkoy-pesti-kontsa-hviii-nachala-xix-veka>.

Материал поступил в редакцию 14.01.16.

EVOLUTION OF “ORIENT” STORY IN THE RUSSIAN LITERATURE OF THE XVIII – THE BEGINNING OF THE XIX CENTURIES

B.R. Rakhmanov, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the World Literature Department Russian-Tajik Slavonic University (Dushanbe), Republic of Tajikistan

Abstract. The article is devoted to the evolution of “orient” story in the Russian literature of the XVIII – the beginning of the XIX centuries. Theoretical and scientific studies on genre originality of “orient” story in given period of Russian literature by V. N. Kubacheva, G. D. Danilchenko and G. V. Subbotina and the issues of genre typology at the beginning of the century are considered.

Keywords: western and eastern literary connections, kinds of “orient” story, evolution of “orient” story.

УДК 802.0:378.4

ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ С ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТЬЮ

Б.Б. Тулеубаева¹, К.А. Жиреншина²

^{1, 2} старший преподаватель

Кафедра иностранных языков,

Казахский Национальный Университет имени аль-Фараби (Алматы), Казахстан

***Аннотация.** В данной статье речь идет о работе над текстом по специальности, цель которой заключается в том, чтобы научить студентов извлекать из оригинальной литературы нужную информацию для своей научно-исследовательской работы. Также подчеркивается важность связи работы, проводимой кафедрой иностранных языков, с работой профилирующих кафедр. Под таким обоюдным руководством студенты смогут успешно вести исследования по своей специальности на материале русского и иностранного языков: делать переводы, реферировать статьи, писать аннотации.*

***Ключевые слова:** профессиональная направленность, оригинальная литература по специальности, специальная терминология, научная информация, контрольные работы.*

В настоящее время преподавание иностранного языка ставит перед собой основной целью практическое использование иностранных языков в разных сферах общения – профессиональной, культурной, туристической, бытовой. Исходя из этого, многие неязыковые вузы и факультеты университетов стремятся к тому, чтобы обучение иностранному языку было не только эффективным, но имело профессиональную направленность. Перед преподавателями стоит задача – научить студентов читать оригинальную литературу по специальности с целью извлечения нужной информации для использования ее в своей научно-исследовательской работе.

Обучение иностранному языку с профессиональной направленностью в вузах связано с проведением серьезного исследования, в ходе которого необходимо решать такие задачи, как:

- отбор учебного материала, который включает в себя отбор лексики в рамках намеченной тематики;
- установление тенденции использования грамматических конструкций в специальной литературе;
- установление уровней трудностей для разных этапов обучения.

Так, при составлении методических разработок по биологии, мы обращаем внимание на последовательное прохождение тем с возможностью повторения лексического и грамматического материала, необходимого для раскрытия той или иной темы. Вначале берутся такие тексты, как: «Клетка», «Ткани», затем тексты: «Органы и система органов» – это «Дыхательная система», «Выделительная система» и так далее. Тексты эти небольшие по объему, но насыщенные специальной терминологией, основанные на простых грамматических структурах. На последующих же этапах обучения тексты усложнены в грамматическом и лексическом отношениях. Размеры текстов не превышают 2000 печатных знаков.

На заключительном этапе за основу берутся статьи из зарубежных журналов по специальности. Некоторые тексты способствуют расширению кругозора студентов. На основе нового познавательного материала завязывается беседа, которая дает возможность развивать навыки устной речи. Лексический запас студентов в значительной мере обогащается специальной терминологией.

Работа над текстами в аудитории начинается с отработки произношения специальных слов и словосочетаний с выполнением ряда лексических упражнений. Более трудным являются упражнения с так называемыми “wrong statements”. Этими упражнениями, разумеется, не исчерпываются приемы по овладению лексикой. Большую роль для понимания текста и для раскрытия значения слов играет иллюстративный материал, который является неотъемлемой частью при чтении специальных текстов. Это схемы, рисунки, фотографии, картины. Использование только слуховой наглядности на данном этапе не дает должного эффекта. Для обучения студентов умению передать содержание текста на иностранном языке целесообразно начинать с того, что преподаватель задает вопросы, раскрывающие содержание текста. Здесь важно отметить, что нельзя превращать чтение в сплошной контроль понимания прочитанного в форме ответов на вопросы, не требующие осмысления содержания. Чтение должно сопровождаться действиями (физическими или умственными) по выполнению поставленных задач социальной, профессиональной или индивидуальной значимости. Вопросы могут быть специальные, общие, альтернативные. Постановка вопросов дает возможность имитировать интонацию и давать на них полные и краткие ответы. К последующим текстам студенты самостоятельно готовят все типы вопросов. Вопросно-ответная форма работы подготавливает студентов к воспроизведению диалога. После этого пересказать текст не будет составлять большого труда. Вообще слово «пересказ» необходимо заменить следующим образом: что я узнал из этого текста или что я помню? Чтобы не повторяться и избежать заучивания наизусть, задаются дополнительные вопросы к тексту. При ответе на них студенты должны естественно оперировать сво-

им знанием предмета, давая дополнительную информацию. Нужно приучать их не бояться свободно говорить, пусть с ошибками; не прерывая, выслушивать до конца, а иногда и помогать высказывать им свою мысль, «подбрасывая» нужные слова и выражения. Что касается перевода как самостоятельного приема работы, мы прибегаем к нему в том случае, если содержание текста не понято студентами. Преподаватель и студенты внимательно следят за качеством перевода, а затем в конце работы делают свои замечания о допущенных ошибках.

Качество усвоения материала проверяется в форме устного опроса и проверочных диктантов. Контроль усвоения новой терминологии проходит путем перевода предложений с русского языка на английский язык.

Для лучшего восприятия изучаемой лексики достаточно эффективным является составление карточек на слова и словосочетания, встречающиеся в тексте. На каждой карточке вначале выписывается по одному слову или словосочетанию с его транскрипцией и переводом в одном, двух главных значениях. Затем, по мере работы над другими текстами, в карточки вписываются родственные слова, и таким образом, образуются целые гнезда слов: например, “swallow; throat”.

Контрольные работы являются не только средством контроля, они носят обучающий характер, обеспечивают участие зрительной и моторной памяти. В качестве контрольных работ можно рекомендовать письменное воспроизведение ранее прочитанного текста или выполнение грамматических упражнений в письменной форме. Это может быть определение видовременных форм, ответы на вопросы по содержанию текста и другие. С их помощью контролируется усвоение материала всеми учащимися, выявляются их особенности (внимание, память), и преподаватель может вести с ними индивидуальную работу.

В практике обучения иностранному языку контрольные работы – явление сравнительно редкое, т.к. принято считать, что это простая трата времени, хотя, на самом деле, это большая экономия времени. Студенты, выполняющие контрольные работы регулярно, продвигаются вперед гораздо быстрее, чем те, которые этого не делают.

Известно, что все кафедры проводят работу по линии НСО, поэтому работа, проводимая кафедрой иностранных языков, должна быть тесно связана с работой профилирующих кафедр. Под таким обоюдным руководством студенты смогут успешно вести исследования по своей специальности на материале русского и иностранного языков, а именно: делать переводы, реферировать статьи, писать аннотации. Это очень актуально для будущих специалистов, поскольку ценную научную информацию они могут получить из соответствующей специализированной литературы на иностранных языках, углубляя тем самым свои знания по специальности и иностранному языку. Отсюда возрастает роль переводческой деятельности студента, студент получает максимальное удовлетворение, убеждается в её полезности. Ведь квалификация специалистов зависит в большей степени от умения пользоваться ценной научной информацией.

К сожалению, большинство научных работников – вчерашних наших студентов испытывают затруднения в составлении аннотаций, тезисов, которые они посылают в зарубежные издания. Поэтому желательно уделять большее внимание работе со специализированной литературой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андрияшкина, Н. М. Проблемы обучения иноязычному общению в преподавании иностранного языка как специальности / Н. М. Андрияшкина // Обучение иностранным языкам в школе и вузе. – СПб.: 2001.
2. Гуль, Н. В. Подготовка студентов к чтению неадаптированной литературы / Н. В. Гуль // Лингводидактические проблемы обучения иностранному языку. – СПб., 2001.
3. Сенько, Ю. В. Гуманитарные основы педагогического образования / Ю. В. Сенько. – М., 2000.

Материал поступил в редакцию 29.02.16.

PROFESSIONALLY-ORIENTED TEACHING OF FOREIGN LANGUAGE

B.B. Tuleubaeva¹, K.A. Zhirenshina²

^{1,2} Senior Teacher,

Department of Foreign Languages,

Al-Farabi Kazakh National University (Almaty), Kazakhstan

Abstract. *The article deals with the issue of working on specialized texts in order to teach students acquire useful information from original literature for their research activities. The importance of cooperation between the Department of Foreign Languages and major subject departments is underlined. Under such combined supervision, students can carry out a successful research within their specialties based on the material in Russian and foreign languages: make translations, review and annotate articles.*

Keywords: *professional orientation, specialized original literature, special terminology, scientific data, tests.*

УДК 80

СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ НАЦИОНАЛЬНОГО КОЛОРИТА В РАССКАЗЕ А.К. ДОЙЛЯ «ЛЬВИНАЯ ГОЛОВА»

Е.Ю. Францева, студент магистратуры

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия (Самара), Россия

***Аннотация.** В данной работе рассматривается проблема передачи национального колорита на примере рассказа А.К. Дойля «Львиная голова». Цель данного исследования заключается в выявлении и описании существующих методов сохранения национального колорита художественного текста. Отсюда объектом исследования выступает текст, а предметом исследования – приемы передачи национального колорита художественного текста. Национальный колорит в тексте рассказа в основном представлен именами собственными, топонимами, а также названиями компаний, для передачи которых переводчики использовали такие приемы, как транскрипция, родовидовая замена и замена реалий ИЯ реалиями ПЯ.*

***Ключевые слова:** категория национального колорита, художественный текст, лингвокультурологический анализ, методы перевода, А.К. Дойль «Львиная голова».*

Невозможно представить себе текст, не содержащий в себе образы мира, окружающего автора. Анализ подобных содержательных структур художественного текста способствует более полному восприятию прочитанного, а также раскрытию культурно-специфического смысла, заложенного автором оригинального текста.

Любой текст можно рассматривать как форму диалога автора с читателем. При этом для того, чтобы были достигнуты поставленные писателем цели, очень важно, чтобы читатель понимал как внутренний, так и внешний контекст произведения. Под внутренним контекстом понимаются все фоновые знания, ценностные установки, культурная идентичность и характерные особенности индивида [3, с. 28]. К сожалению, при межкультурной коммуникации у читателя могут возникать некоторые проблемы, так как он может быть незнаком с реалиями чужой страны или какими-то ее характерными особенностями.

Важно учитывать тот факт, что национальное своеобразие произведения (или национальный колорит) проявляется в целом ряде факторов: сюжете, характерах и ситуациях, специфике языка. Именно поэтому переводчику художественных текстов так важно уметь распознать национально окрашенную лексику и знать способы её перевода на родной язык. В рамках когнитивного подхода, ориентированного на изучение того, как человек постигает мир и закрепляет знания о мире в языке, толкование этого понятия как факультативной текстовой категории возможно в связи с понятием лингвокультурного кода. Термин «код» обычно обозначает знаковую систему в одном из ее аспектов, в нашем случае в качестве генератора текстов и регенератора смыслов. Кодифицируя свое знание о мире, автор произведения обращается к совокупности образов, которые выполняют знаковую функцию в процессе общения, образуя культурные коды. В качестве культурного кода может выступать любая чувственно воспринимаемая часть действительности: явления природы, флора и фауна, техника, человек и т.д. Единицы культурных кодов – отдельные образы – имеют свой план выражения, воплощаемый в различных материальных носителях [3, с. 100].

Во-вторых, между единицами культурных кодов и единицами естественного языка, т.е. словами, нет взаимно-однозначного соответствия. Так, например, один и тот же образ может быть выражен по-разному – одним словом, словосочетанием или предложением. Помимо этого, лингвокультурные коды обладают национально-культурной спецификой, отражают особенности культуры использующего их языка. Отсюда национальный колорит художественного текста можно определить как совокупность элементов культурных кодов, способных создать его национальное своеобразие и выраженных средствами языка, моделирующими когнитивное пространство автора. [3, с. 100].

Рассмотрим перевод рассказа А.К. Дойля «Львиная грива», сделанный Ю. Жуковой и М. Баранович [4], и изучим использованные в них приемы передачи национального колорита.

Стоит начать с перевода названий компаний, имен собственных и топонимов, которые представляют собой реалии и являются неотъемлемой частью романа, их присутствие в повествовании позволяет придать национальную окраску произведению. Все действие рассказа происходит в Англии, что подчеркивают упомянутые в текстах названия местностей, а также имена персонажей:

- village of Fulworth – деревня Фулворт
- Harold Stackhurst – Гарольд Стэкхерст
- McPherson – Макферсон
- Dartmoor – Дартмур
- King's Pyland – Кингс-Пайленд

В качестве наиболее подходящего приема было выбрано транскрибирование. Действительно, имена собственные в рассказах наряду с остальными реалиями являются теми немногими элементами перевода, которые сохраняют определенное национальное своеобразие в своей словесно-звуковой форме, даже будучи записанными кириллицей.

Однако некоторые переводчики могут не согласиться с данным высказыванием, аргументируя это тем, что имена собственные не имеют своей семантики в современном языке, а, следовательно, по отношению к ним вопрос о переводе, естественно, не встает, но аналогия с формами передачи реалий здесь не прекращается. В степени подчеркивания их иноязычной формы и приспособления к морфологической норме русского языка сказываются отчасти те же тенденции к подчеркиванию или ослаблению иноязычной характеристики, какие проявляются и в способах передачи реалий.

На первый взгляд может показаться, что перевод имен собственных действительно не представляет особых трудностей. Даже переводом это называется весьма условно: ведь, как правило, имена собственные транскрибируются или транслитерируются. Необходимо уточнить, что имя собственное – всегда реалия. В речи оно называет действительно существующий или выдуманный объект мысли, лицо или место, единственные в своем роде и неповторимые [2, с. 150]. В каждом таком имени обычно содержится информация о локальной и национальной принадлежности обозначаемого им объекта.

Однако и при переводе имен собственных могут осуществляться другие формы их интерпретации:

My villa is situated upon the southern slope of the downs, commanding a great view of the Channel [5, с. 86].

Моя вилла расположена на южном склоне возвышенности Даунз, с которой открывается широкий вид на Ла-Манш [4].

В данном примере мы видим, что переводчик произвел замену реалий реалиями языка перевода. Но если пара the Channel – Ла-Манш является интернациональной реалией, а, следовательно, более понятной для читателя и предпочтительной для перевода, то в отношении «возвышенности Даунз» выбор приема перевода был обусловлен другим фактором. В связи с тем, что незнание данных иностранных слов читателями не ведет к смысловым потерям, М. Баранович посредством транскрибирования сохраняет английское слово, однако переводит его облик русскими буквами.

Еще одним примером использования замены реалии может служить следующее предложение:

The constable replaced it in the card-case and returned it with the other things to the pockets of the Burberry [5, с. 89].

Констебль вложил записку обратно в бумажник и вместе с прочими вещами водворил в карман макинтоша [4].

В данном примере мы видим, что переводчик заменил слово “Burberry” на «макинтош», употребив прием генерализации. По своей семантике, как и по назначению, оба эти слова очень близки. Однако «макинтош» будет являться скорее нейтральным эквивалентом английского слова, так как в нем заложено меньше информации. Так, “burberry” представляет собой не только определенный вид верхней одежды, в этом слове также заложена информация о цвете и о благосостоянии владельца данного туалета.

Рассмотрим еще один пример предложения:

Stackhurst was, of course, still there, and Ian Murdoch had just arrived with Anderson, the village constable, a big, ginger-moustached man of the slow, solid Sussex breed—a breed which covers much good sense under a heavy, silent exterior [5, с. 92].

Тут же находился, конечно, и Стэкхерст, и только что подоспевший Ян Мэрдок в сопровождении сельского констебля Андерсона – толстяка с рыжими усами, низкорослой суссекской породы, наделенной под неповоротливой, угрюмой внешностью незаурядным здравым смыслом [4].

Из приведенного выше примера очевидно, что транскрипция не всегда раскрывает читателю, незнакомому с иностранным языком, значение транскрибированного слова или словосочетания. Именно поэтому довольно часто автор сам поясняет значение того или иного иностранного слова в ходе повествования. Используемый им описательный метод представляет собой способ передачи значения лексической единицы иностранного языка при помощи развернутых словосочетаний, раскрывающих существенные признаки обозначаемого данной лексической единицей явления [1, с. 112]. По этой причине переводчику нет необходимости дополнительно пояснять данную реалию, предоставив читателям перевод текста автора.

Кроме уже рассмотренных приемов, можно выделить также родовидовую замену:

“No, no, I was late this morning. I was not on the beach at all. I have come straight from The Gables. What can I do?” [5, с.92]”

– Нет, нет, я поздно встал сегодня. И еще не купался. Я только иду из школы. Чем я могу быть вам полезен? [4].

В данном отрывке мы видим, что переводчик заменил “The Gables” на «школа». Возможно, данная генерализация произошла из-за того, что у человека, незнакомого с английской культурой, при прочтении транскрибированного слова “The Gables” появились бы сложности с восприятием текста, поэтому М. Баранович решил убрать незнакомую русскому читателю реалию. Однако нельзя рассматривать подобные решения как однозначно правильные. Несмотря на то, что для сюжета и понимания произведения в целом потеря данного слова (или части значения слова, как в предыдущем примере) не играет существенной роли, опущение данных слов как слов автора ведет к снижению показанного в тексте национального колорита.

Таким образом, способы передачи национального колорита весьма разнообразны, зависят от контекста и картины мира переводчика.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бархударов, Л. С. Язык и перевод / Л. С. Бархударов. – М., 1975. – С.240.
2. Виноградов, В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В. С. Виноградов. – М.: Изд. института общего среднего образования РАО, 2001. – С.224.
3. Гусева, Е. В. Художественный текст в аспекте его категорий / Е. В. Гусева. – 2012. – С.125.
4. Дойль, А. К. Львиная голова / А. К. Дойль. – URL: http://www.lib.ru/AKONANDOJL/sh_leon.txt (дата обращения: 20.01.2015).
5. Doyle, A. C. The Complete Sherlock Holmes / A. C. Doyle. – London. Barnes & Noble. 2009. – С. 82–103.

Материал поступил в редакцию 11.02.16.

**THE WAYS OF EXPRESSING NATIONAL COLOUR
IN *LION'S MANE*, THE NOVEL BY A.C. DOYLE**

E.Yu. Frantseva, Candidate for a Master's Degree
Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Russia

Abstract. *The study touches upon the issue of expressing national colour on the example of Lion's mane, A.C. Doyle's novel. The study aims at disclosing and describing available ways of preservation of national colour in a literary text. Hence, the target of research is text, and the scope of research includes techniques of expressing national colour of literary text. In a literary text, national colour is mainly represented with proper names, toponyms and company names, whose translation is done through transcription, gender and aspect re-placement or substitution of culture-bound terms of source language through culture-bound terms of target language.*

Keywords: *category of national colour, literary text, linguoculturological analysis, translation methods, Lion's Mane by A.C. Doyle.*

Literature of Peoples of the Foreign Countries
Литература народов стран зарубежья

UDC 821.111

**VIRGINIA WOOLF'S MRS. DALLOWAY AND HER PARTY:
HOW WOOLF'S SHORT STORIES RELATE TO HER NOVEL**

I.Yu. Pototska, Ph.D. Candidate of Foreign Literature Department
Dnipropetrovsk National Oles' Honchar University, Ukraine

***Abstract.** Virginia Woolf is well-known as a great novelist, but her short stories are often overlooked by both critics and wider readership. We believe that Woolf's novels and her minor prose should be analyzed in close connection. When you start treating her minor prose as an essential part of her writing without disregarding it as less significant compared to Woolf's novels, you get a better understanding of her writing techniques and her development as an artist. This article dwells on the connection that exists between Virginia Woolf's short stories and her novels, in particular a set of seven short stories that were published under the title "Mrs. Dalloway's Party". Woolf created this sequence of short stories when she was experimenting with new narration techniques. This article pays close attention to the poetics of separate short stories of this collection. There has been no in-depth research devoted to this topic in Ukraine.*

Keywords: modernism, English literature, Woolf, short stories, "Mrs. Dalloway".

Virginia Woolf began authoring essays and critical reviews in 1904. In 1907 she had produced some initial drafts for what would become her first novel. The first title was "Melymbrosia", but later it was changed to "The Voyage Out". Virginia Woolf continued writing. In 1917 she and her husband Leonard Woolf founded the Hogarth Press with the publication of the co-authored "Two Stories" [1, p. 10].

Many literary critics say that Virginia Woolf produced her finest works in the period from 1925 to 1931. Among them were her well-known and highly experimental novels "The Waves," "Orlando," and "Mrs. Dalloway" [2, p. 7].

At the same time, she had proven herself to be a rather successful short story writer and essayist. As with many other authors it is important to understand how different genres of her writings interacted and what kind of influence her experiments in minor prose had on the later development of her novels.

"Mrs. Dalloway" and seven short stories that are connected with this novel by their plot and characters present a particularly good example of such interaction. These short stories are: "Mrs. Dalloway in Bond Street," "The Man Who Loved His Kind," "The Introduction," "Ancestors," "Together and Apart," "The New Dress," and "A Summing Up". "Mrs. Dalloway in Bond Street" is often mentioned whenever somebody is trying to look into this connection, but other stories that also refer to the same novel are usually overlooked – not only by critics, but also by the wider readership.

Nevertheless, it is essential that all Woolf's works should be seen as a part of a unique system of views that is characteristic of the author's individuality. It would appear that taking a closer look at the poetics and semantics of these short stories might help to improve one's understanding of what sets Virginia Woolf apart from her contemporaries.

Virginia Woolf published "Mrs. Dalloway in Bond Street" in "The Dial" in 1923. Leonard Woolf included four stories in "A Haunted House and other stories: The complete shorter fiction" in 1943, two years after her death; the remaining two stories were unpublished until 2010. For the very first time all these short stories were published together in a book edited by Stella McNichol in 2010. These short stories can be read without referring to "Mrs. Dalloway," but together they form a very interesting whole that enlarges one's understanding of Virginia Woolf's works. Stella McNichol notes that "Mrs. Dalloway in Bond Street" and "The New Dress" are most likely directly connected with the genesis of the novel, whereas the other five stories were written afterwards and may be seen as a form of epilogue to it [1, p. 14].

As a modernist, Virginia Woolf exhibits a deep interest in the psychology of a moment, the inner workings of the human mind, and the nature of emotions and social interactions. Quite often in her works she thoroughly investigates her character's single emotion, no matter how small and insignificant it may seem. By doing so she follows Proust, for he also believed that every second of our existence can potentially be connected with all the previous experience that we have and all the future feelings that are awaiting us.

More importantly, Woolf tends to direct her attention not to the events of the evening, not to the party itself. Nothing is actually happening; the plot of all these short stories is not centered on a particular situation, but rather on a set of emotions.

Woolf's interest always lies in the subjective, not objective sphere. Woolf realizes that the same situation can potentially result in a number of unique reactions that will differ from person to person.

These short stories are meant to reveal how a social occasion (a party that Mrs. Dalloway is throwing at her house) can resonate in the minds and souls of different people (the socially awkward and snobbish Prickett Ellis in "The Man Who Loved His Kind," the shy and self-judging Lily Everit from "The Introduction," Mrs. Vallace from "Ancestors," pre-occupied with her family tree, and Clarissa Dalloway herself).

But why a party? What makes this social event an ideal ground for her psychological insights? She explains it herself in her diary on 27 of April 1925, stating that in her opinion: "people have any number of states of consciousness," and that she feels an urge to investigate a particular type of it that she calls "a party consciousness." She sees it as a perfect opportunity to show how something artificial and even somewhat "staged," as an event where all people rely on their social roles as if wearing a mask can, nevertheless, reveal the true feelings and anxieties of a person [3, p. 73].

Woolf's characters themselves disagree with what a party is. Mabel (from "The New Dress") thinks it has an ability to reveal the truth about life, to make things either much more real or much less real, but Mrs. Vallace does not see much sense in being inside of the "noisy bright chattering crowd" [1, p. 46].

Woolf explores loneliness – least being alone, being separated from the rest in a group of people. At this party, people find themselves completely alone despite being in the midst of a lively gathering. They relate to each other, but apart from physical location (Mrs. Dalloway's house) and common time-space, they appear to have nothing in common.

In these short stories Woolf does what she always does in her novels – creates a mosaic of sorts wherein each character is a unique piece. To see all of them is to see "the big picture," but it is not what she attempts to show us.

It is a single piece that fascinates her, because she is guided by the idea that every sentient being is a world in itself.

These seven short stories do not fully form an organic whole that can be compared to any of Virginia Woolf's major works, but they perfectly fit together as a grouping that has a certain inner logic, thoroughly exploring the psychology of a particular occasion. They also offer a valuable insight into the genesis of "Mrs. Dalloway" and other novels of Woolf's in relation to her minor prose.

REFERENCES

1. Mrs. Dalloway's party: a short story sequence by Virginia Woolf / ed. by Stella McNicol. – London: Vintage Books, 2010. – 70 p.
2. Saloman, R. Virginia Woolf's essayism / R. Saloman. – Edinburgh University Press: 2012. – 184 p.
3. Virginia Woolf: A Writer's Diary / ed. by Leonard Woolf. – New York: Harvest/HJB Book: 2003. – 355 p.
4. Zwerdling, A. V. Woolf and the Real World / A. V. Zwerdling. – University of California Press: 1986. – 374 p.

Материал поступил в редакцию 01.03.16.

ВИРДЖИНИА ВУЛФ И ВЕЧЕРИНКА МИССИС ДЭЛЛОУЭЙ: КАК РАССКАЗЫ ВУЛФ ВЗАИМОСВЯЗАНЫ С ЕЁ РОМАНОМ

И.Ю. Потоцкая, аспирант кафедры зарубежной литературы
Днепропетровский национальный университет им. О. Гончара, Украина

***Аннотация.** О Вирджинии Вулф критики наиболее часто говорят как о романисте, в то время как её малая проза зачастую не получает должного внимания со стороны литературоведов. Мы считаем ошибочным подход, который предполагает рассмотрение романистики Вулф в отрыве от произведений её малой прозы. Если отнестись к рассказам Вулф с той же серьезностью, что и к её романам, они открываются с совершенно новой стороны и могут многое поведать о её экспериментах с повествованием и её становлении как писателя. Данная статья рассматривает взаимосвязь, существующую между рассказами Вулф и её романами на примере сборника из семи рассказов, связанного с романом «Миссис Дэллоуэй». В статье также предпринимается попытка анализа поэтики отдельных рассказов сборника. Новаторство статьи определяется недостаточной изученностью малой прозы Вулф в современном украинском литературоведении.*

***Ключевые слова:** модернизм, английская литература, Вулф, рассказы, «Миссис Дэллоуэй».*

УДК 94(09)(=17/=7)

ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОЛЖСКО-БУЛГАРСКОЙ ТОПОНИМИИ

Н.В. Беленов, кандидат педагогических наук, доцент
 Самарский государственный социально-педагогический университет, Россия

***Аннотация.** В статье представлены основные выводы по характерным особенностям волжско-булгарской топонимии, сделанные на основании исследования болгарского топонимического материала, содержащегося в исторических источниках (русских, венгерских, византийских, закавказских и арабо-персидских), архивных документах, а также в фольклоре поволжских народов. Анализируются причины возникновения данных особенностей, а также намечаются возможные пути дальнейших исследований волжско-булгарской топонимии.*

Ключевые слова: топонимия, Волжская Булгария, ойконимия, гидронимия.

Данная статья является, в некотором смысле, квинтэссенцией длительной работы автора по изучению топонимии территории, на которой до монгольского нашествия располагалась Волжская Булгария.

В процессе развития топонимической науки, с одной стороны, установлен тот факт, что формирование топонимической номенклатуры различных территорий Земного шара подчинено определённым общим закономерностям, основывающимися, по-видимому, на общечеловеческой логике номинации географических объектов. С другой стороны, очевидно, что топонимия каждого этнокультурного региона имеет свои отличительные, характерные только для неё особенности, которые и приводят к тому топонимическому разнообразию, которое мы наблюдаем к настоящему моменту в мире.

Безусловно, такими характерными отличительными чертами обладает и волжско-булгарская топонимия, что обусловлено как этноязыковой принадлежностью различных групп населения бывшей Волжской Булгарии, так и особенностями её исторического развития.

Итак, по нашему мнению, надёжно установленные на данном этапе исследования характерные признаки волжско-булгарской топонимии суть следующие:

1. Номинация крупнейших городов Волжской Булгарии на раннем этапе истории болгар на Волге определялась этнонимом основывающего их племени, либо же племени, центром области которого являлся город. Надо заметить, что данное явление относится к категории редко встречающихся в топонимике, а, учитывая количество подобных ойконимов в пределах одного этнокультурного пространства, вообще может быть признано уникальным. Следует отметить, что на тех территориях, где подобные примеры всё же встречаются, они, в подавляющем числе случаев, появляются при резкой смене аборигенного населения пришлым, когда вновь пришедшие народы основывают новые города на землях предыдущих насельников и называют населённые пункты и административные единицы своими этнонимами. Такая ситуация, в частности, наблюдалась в Северной Америке периода колонизации её европейскими переселенцами [5]. Вторым условием возникновения данного явления следует назвать неоднородный в этническом отношении состав переселенцев. Оба условия имели место при формировании топонимической номенклатуры Волжской Булгарии: болгары переселились в Поволжье из различных регионов своего прежнего расселения (Приазовье, Подонье, Северный Кавказ) и представляли собой конгломерат различных в этническом и языковом отношении племён. Факт формирования этнонимичной ойконимии у болгар в Поволжье мы считаем одним из главных аргументов в пользу точки зрения о неоднородности в этническом отношении населения Волжской Булгарии.

2. Практически каждому крупному ойкониму Волжской Булгарии сопутствует одноименный гидроним, как правило, относящийся к небольшой реке или ручью. Здесь отметим, что такие ситуации в топонимике нередки, даже можно сказать, закономерны. Однако, надо заметить, что формируется подобная топонимия в тех регионах, где существует давняя градостроительная традиция. В качестве подтверждающих примеров можно привести связь средневековых ойконимов и гидронимов Белоруссии, Украины, Прибалтики [4].

3. Гидронимия местности, обозначенной нами условным термином «булгарская периферия» (к северу от правого берега Камы – к югу от левого берега Большого Черемшана) относительно часто включает в себя названия, образованные от болгарских этнонимов. По нашему мнению, они появились после монгольского нашествия и маркируют переселение различных болгарских этногрупп из разорённого центра болгарских земель на окраины.

Если принять нашу точку зрения, это ведёт к важному этноисторическому выводу о сохранении этнической дифференциации в болгарском обществе до нашествия монголов. Если же считать, что исходными здесь являются не этнонимы, а ойконимы городов, откуда бежали переселенцы, то это даёт в руки исследователя ещё один метод определения названий неизвестных болгарских населённых пунктов, пусть и без чёткой локализации последних. Тот факт, что жителями здешних мест в золотоордынский период были именно болгары, достоверно подтверждается данными археологии, а в пользу именно болгарской гидронимии свидетельствует характер заселения территории в тот период, обозначенный археологами как «прибрежно-речной» [3]. Болгарское население, расселившееся к югу от Большого Черемшана, судя по археологическим данным, достаточно многочисленное, оправившись после монгольского погрома, пережило своеобразный расцвет. Об этом, в частности, говорят археологические материалы таких памятников, как Сухореченское селище, поселение Большой Шихан и ряд других. Так, на Сухореченском селище выявлены следы гончарного, кузнечного, бронзолитейного и ювелирного производства [2].

4. Обилие гидронимов, имеющих в основе болгарские этнонимы – даже если исключить все случаи, когда они могут восходить к названиям болгарских городов, таковых гидронимов и тогда остаётся значительное количество – позволяет сформулировать для волжско-болгарской топонимии гипотезу, имеющую аналогию с гипотезой Л. Хижняка, применительно к гидронимии Саратовского Поволжья. Скорее всего, такие гидронимы маркировали межплеменные границы на каких-то этапах истории волжских болгар. Возможно, необходимость в таком разграничении возникла на различных исторических этапах, наиболее вероятно: после прихода разноплеменной болгарской орды на Среднюю Волгу и после разгрома болгарских земель монголами. В Самарском Поволжье, на Левобережье, также есть ряд гидронимов, которые, возможно, восходят к болгарским этнонимам, причём к наиболее ранним из известных [1].

В связи с обозначенными выше характерными особенностями волжско-болгарской топонимии, считаем целесообразным наметить следующие перспективные пути дальнейших исследований топонимии Волжской Булгарии:

- продолжить сбор топонимической номенклатуры на территориях, прилегающих к крупным археологическим памятникам волжских болгар. Особенное внимание при этом обратить на гидронимы, даже самые незначительные по размеру – так как именно они, как правило, и могут сохранить в себе форму ойконима близлежащего памятника;

- из предыдущего пункта вытекает настоящий: провести архивные изыскания с указанным акцентом, так как многие из водных объектов, сохраняющих названия болгарских городов, в настоящее время исчезли вместе со своими наименованиями;

- крайне желательно привлечение к топонимическим изысканиям специалистов-арабистов с целью установить формы встречающихся в источниках топонимов с максимальной точностью. В настоящее время мы имеем для Волжской Булгарии и прилегающих территорий достаточно много топонимов-дубликантов, и при этом неясно, являются ли они таковыми по сути, или мы в данном случае являемся заложниками неточного перевода или прочтения названия в источнике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беленов, Н. В. Историко-топонимический словарь Самарского Поволжья / Н. В. Беленов. – Самара, 2014.
2. Васильев, И. Б. У истоков истории Самарского Поволжья / И. Б. Васильев, Г. И. Матвеева. – Куйбышев, 1986.
3. Древние культуры и этносы Самарского Поволжья / Под ред. Турецкого М. А. – Самара, 2007.
4. Жучкевич, В. А. Общая топонимика / В. А. Жучкевич. – Минск, 1968.
5. Никонов, В. А. Введение в топонимику / В. А. Никонов. – М., 2011.

Материал поступил в редакцию 29.02.16.

CHARACTERISTICS OF VOLGA-BULGARIAN TOPONYMY

N.V. Belenov, Candidate of Pedagogic Sciences, Associate Professor
Samara State Social and Pedagogical University, Russia

Abstract. *The article presents the key findings of the research on characteristics of Volga-Bulgarian toponymy made on the basis of Bulgarian toponymic material contained in historical records (Russian, Hungarian, Byzantine, Transcaucasian and Arab-Persian), archival documents as well as Volga region folklore. The causes of the establishment of such characteristics are analyzed, possible directions of further research of Volga-Bulgarian toponymy are suggested.*

Keywords: *toponymy, Volga Bulgaria, oikonymy, hydronymy.*

ЧЭНЬЮЙ – ОДИН ИЗ ВИДОВ ФРАЗЕОЛОГИИ

Э.В. Браташова, ассистент кафедры второго иностранного языка
Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия

***Аннотация.** В данной статье мы рассматриваем фразеологизмы китайского языка, а конкретно, идиомы – чэньюй, их происхождение и разновидности. Цель работы – подробный разбор одного из основных разрядов фразеологизмов. В статье приводятся примеры из классических произведений и примеры, связанные с важными историческими событиями. Описываются основные признаки и особенности чэньюй. Рассматривается роль чэньюй в обществе.*

***Ключевые слова:** фразеологизмы, чэньюй, признаки и особенности, конструкции чэньюй.*

Известно, что фразеология во всех языках – это ценное наследие, в котором отражаются обычаи, фантазии, национальная культура и юмор, а также история народа. Фразеологизмы – это устойчивые обороты речи, они всегда остаются такими, какими закрепились в языковой практике. Происхождение фразеологизмов китайского языка кроется в глубине веков, а источником многих фразеологизмов является народная и классическая литература Китая. По мнению лингвиста Ма Гофань (马国凡), фразеологизмы китайского языка делятся на пять основных разрядов: чэньюй (成语 [chéngyǔ] – идиомы), гуаньюньюй (惯用语 [guànyòngyǔ] – фразеологические сочетания), яньюй (谚语 [yányǔ] – пословицы), сехоуяй (歇后语 [xiēhòuyǔ] – недоворки-иносказания), суюй (俗语 [súyǔ] – поговорки).

В данной статье мы более подробно рассмотрим китайские идиомы чэньюй. Анализ имеющейся литературы по идиоматике китайского языка позволяет сделать заключение, что чэньюй – это фразеологически связанные, устойчивые лексико-синтаксические единицы современного китайского языка, которые в краткой форме четырехсложных ритмических словосочетаний и предложений ярко и выразительно отображают различные понятия реальной действительности китайского этноса.

Чэньюй, чхэньюй (кит. трад. 成语 упр. 成语 пиньинь [chéngyǔ], буквально «готовое выражение») – это устойчивое фразеологическое словосочетание, которое построено по нормам древнекитайского языка вэньяня, семантически монолитное, имеющее обобщенное переносное значение. Для понимания чэньюй необходим не только их перевод на современный китайский язык, но и дополнительные смысловые комментарии. В Китае даже издаются специальные словари чэньюй, в которых не только объясняется их смысл, но и приводятся первоисточники. Знание самых распространенных чэньюй является признаком образованного китайца, к более употребляемым относятся 3000 чэньюй, в китайских словарях чэньюй содержится около 18 000 оборотов, а всего насчитывается более 50 000 выражений.

В качестве одного из признаков чэньюй можно выделить архаичность лексики. Авторы первых работ по чэньюй отмечают, что компоненты этих идиом, в основном, – односложные слова древнего языка. Помимо этого, некоторые чэньюй сохранили особенности старой грамматики и старого произношения; все эти специфические черты, с позиции диахронического развития китайского языка, обусловлены исторически. В теории основными источниками чэньюй являются фольклор, древняя устная речь, исторические события, произведения многих китайских философов и известных писателей.

Специфика чэньюй спровоцирована логической маркированностью культуры, их своеобразие объясняется социо- и этнокультурологической приверженностью, таким образом, они напрямую сопрягаются с национальным колоритом, с особым менталитетом и традициями древности Китая.

Главной особенностью чэньюй является экспрессивная окрашенность, благодаря этой особенности они доступны для восприятия человека. Чэньюй называют синтезом всевозможных стилистических фигур, например, повторов, сравнений, параллелизмов и многих других. При использовании чэньюй текст приобретает эмоциональную окраску благодаря лаконичности и идиоматической насыщенности чэньюй.

Чэньюй параллельной конструкции образуются по принципу параллельного соотношения частей и состоят из четырех слогов и четырех морфем, каждая из которых обычно бывает словом. К примеру, 水落石出 [shuǐluòshíchū] – «вода спала – камни обнажились», русский вариант – «все тайное становится явным».

Чэньюй непараллельной конструкции нередко представляют собой четырехсложные образования, но иногда встречаются и с иным составом. В данной конструкции допускаются служебные слова, союзы и многое другое. Например, чэньюй, 不劳而获 [bùláo érhuò] – «не трудиться, но получать», «пользоваться плодами чужого труда», русское соответствие – «чужими руками жар загребать».

Идиомы являются богатейшим источником познания языка, истории и культуры Китая, они заслуживают особого внимания при изучении китайского языка, так как могут раскрыть много интересных явлений не только в языке, но и в духовной культуре народа.

Идиомы китайского языка подобны идиомам русского языка: они представляют собой неразложимые

фразеологические сращения или «крылатые выражения». В течение долгого времени такие выражения бытуют во всех языках, неизменно сохраняя свою самобытную форму и яркую своеобразную национальную окраску. Это позволяет нам сделать вывод о том, что чэньюй тесно связаны с историей языков. Мы знаем, что история Китая, богатая событиями, выдающимися личностями и тяжелыми испытаниями, не могла не оставить заметный след в языке и лингвистических особенностях. К числу самых древних идиом относятся чэньюй из периода Борющихся царств (475-221 гг. до н.э.). Отсюда и яркая самобытность фразеологических сращиваний, к примеру, 破釜沉舟 [pò fǔ chén zhōu] – «разбить котлы, потопить лодки», русские варианты – «стоять насмерть», «отрезать себе путь к отступлению», «сжечь мосты», «не отступать», «не сдаваться».

Культура языков и народов, в данном случае Китая, и фразеологизмы взаимосвязаны. Религиозные верования, обычаи и образ жизни, а также нравы оставляли и оставляют свой след в образовании идиом. Возьмем, к примеру, древний обычай приготовления пищи. В первобытные времена в Китае использовали специальный металлический треножник 鼎 dǐng, впоследствии этот иероглиф вошел в чэньюй с такими словами – 钟鸣鼎食 [zhōng míng dǐngshí], что означает «есть из треножников под звон колоколов» и имеет значение «жить богато».

Помимо тесной связи чэньюй с историей, есть еще связь с классической китайской литературой. Большинство фразеологизмов дошли до нас из притч, легенд, басен, а также поучительных историй: «пририсовать змее ноги» 画蛇添足 [huà shé tiān zú], «тянуть всходы, помогая им расти» 拔苗助长 [bá miáo zhù zhǎng], «сделать зарубку на лодке, чтобы найти меч» 刻舟求剑 [kè zhōu qiú jiàn] происходят из одноименных рассказов. Еще один чэньюй про дракона 画龙点睛 [huà lóng diǎn jīng] подчеркивает самое существенное: дословный перевод – «выделить глаза, когда рисуешь дракона». 东施效颦 [dōng shī xiào pín] – «уродливая Дун Ши подражает движению бровей красавицы Си Ши», в данном чэньюй высмеивается жалкое подражание и неумелое обезьянничество.

Все китайские пословицы, фразеологизмы, поговорки остроумны, выразительны и своеобразны, они просты, лаконичны, но ясны и доходчивы. Здесь отражается особенность повседневной живой речи народа с ее необычной и яркой лексикой, гармоничными оборотами. Большинство китайских пословиц и поговорок близки к русским: к примеру, «яйца курицу не учат» (на китайском это будет выглядеть так: 班门弄斧 [bān mén nòng fǔ]).

Китайцы часто употребляют пословицы и поговорки в лаконичном, усеченном виде, чтобы подчеркнуть высокую выразительность. Такие пословицы и поговорки представляют собой намек, подсказывающий значение всего целого.

Итак, подведем итог нашего исследования.

Идиомы чэньюй – это своеобразные и важные артефакты культуры Китая, содержащие в себе всю философскую мудрость китайского народа, многовековую историю с неповторимыми национально-культурными чертами.

Основной признак чэньюй – архаичность лексики. Компоненты идиом – односложные слова древнего языка. Часть чэньюй имеет особенности старой грамматики и произношения.

Особенность чэньюй – экспрессивная окрашенность. Чэньюй легко доступны для восприятия людей.

Чэньюй тесно связаны с историей и классической китайской литературой. Они поучительны, остроумны и своеобразны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранова, З. И. Чэньюй как разряд фразеологизмов китайского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук / З. И. Баранова. – М., 1969 г.
2. Корнилов, О. А. Жемчужины китайской фразеологии / О. А. Корнилов. – М.: ЧеРо, 2005. – 336 с.
3. Педагогический институт [Электронный ресурс] Режим доступа: www.igpu.ru.
4. 马国凡 1983, 林为进 1959.
5. 张英文 1991, 成静故事

Материал поступил в редакцию 01.03.16.

CHENGYU AS A PHRASEOLOGICAL UNIT

E. V. Bratashova, Teaching Assistant of the Department of Second Foreign Language
Belgorod National Research University, Russia

Abstract. In this article, we examine fixed phrases in Chinese, particularly chengyu idioms, their origin and varieties. The aim of the study is to take an up-close look at one of the main classes of fixed phrases. The article includes some examples from classical works and ones related to significant historical events. The main attributes and features of chengyu are described. The role of chengyu in society is considered.

Keywords: fixed phrases, chengyu, attributes and features, chengyu constructions.

УДК 81

ЯЗЫКОВЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ БАРЬЕРЫ СОВРЕМЕННОСТИ

В.А. Рудаковская¹, А.Р. Жаворонкова²

^{1, 2} старший преподаватель

Национально-Исследовательский Университет «Высшая Школа Экономики» (Москва), Россия

***Аннотация.** Данная статья затрагивает ряд вопросов, связанных с культурно-языковыми барьерами современности в межкультурной коммуникации. Целью статьи является попытка разобраться причины возможных культурно-языковых конфликтов на фоне взаимопроникновения культур – почему разнообразие языков и культур порой несет в себе деструктивные элементы и создает препятствия к взаимопониманию между их носителями.*

***Ключевые слова:** язык, культура, культурно-языковые барьеры, межкультурная коммуникация.*

В эпоху глобализации население нашей планеты получило уникальную возможность международного общения, когда представители разных культур могут, казалось бы, беспрепятственно и свободно общаться – ведь технический прогресс позволяет нам в мгновение ока, посредством интернета, увидеть и заговорить с незнакомцем с другого континента. И, на первый взгляд, трудность заключается только в языке общения. Однако, одно лишь владение иностранным языком оказывается недостаточным для полноценного и плодотворного международного сотрудничества и общения.

И хотя глобализация – процесс превращения мирового сообщества в «единую глобальную деревню» – в конечном итоге должна способствовать единству мировых культур, то есть поощрять наличие и многообразие национальных культур при их постоянном диалоге, на деле происходит совершенно противоположный процесс. В последнее время наблюдается не стремление к взаимообогащению и взаимопроникновению культур, а, наоборот, постоянный и все нарастающий конфликт культур, причиной которого являются языковой и культурный барьеры.

Увеличение количества международных контактов во всех сферах нашей жизни требует понимания того, что будет способствовать развитию диалога, а что – препятствовать. Данная статья – попытка разобраться в том, какой именно барьер – языковой или культурный – больше препятствует успешному межкультурному общению, и почему.

Не вызывает сомнения тот факт, что при межкультурном общении как языковой, так и культурный барьер может создавать и создает определенные трудности в общении представителей разных культур. Так, по словам С.Г. Тер-Минасовой, «возможность сотрудничать в глобальной деревне тормозится человеческим фактором – разницей языков и культур» [2].

Как было отмечено, часто причиной конфликта культур являются языковой и культурный барьеры. Однако первый создает гораздо меньше сложностей, вызывает меньшее раздражение и вряд ли способен привести к конфликту, в отличие от последнего. Чтобы понять корни и истоки конфликта культур, необходимо разобраться, почему же языковой барьер гораздо менее опасен, чем барьер культурный.

Для этого рассмотрим сначала, что же такое язык и культура, и как эти два явления связаны друг с другом.

Культура, одним из элементов которой является язык, представляет собой сложное и многогранное понятие. Как отмечал В.И. Даль, человек – это гражданин той страны и представитель той нации, на языке которой он разговаривает. Любой человек обязательно принадлежит к какой-либо культуре, и его язык, его восприятие и оценивание неотделимы от норм и ценностей этой культуры. Соответственно, культура и общество неразделимы. Культура определяет национальное сознание, национальный характер. Культура всегда национальна, а, следовательно, уникальна.

Структура языка определяет мышление и способ познания реальности, в этом проявляется зависимость между национальным языком и национальным сознанием. И знание чужого языка (или нескольких) не означает знания, понимания и притяния этой чужой культуры. Человек все равно останется представителем и носителем той культуры, в которой он родился, и язык которой является для него родным.

Язык создает картину мира. И для каждого индивида она различается в зависимости от его происхождения, культурно-языковых норм и традиций, а также устоявшейся системы ценностей. Язык – не просто зеркало индивидуальной души, более того, он передает информацию об уникальном мире, культуре целого народа. «Язык – зеркало культуры, в нем отражается не только реальный мир, окружающий человека, не только реальные условия его жизни, но и общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, система ценностей, видение мира» [1].

Так, младенец, слыша первые слова, обращенные к нему, собирает в свою копилку знаний сведения об окружающем его мире из звуков и слов матери. Эти сведения впоследствии и становятся той основой, той куль-

турной и языковой нормой, которую человек, представитель своей нации, этноса пронесет через всю свою жизнь.

Языковая норма все же более «подвижна», чем культурная. Неверно выбранное слово или нарушение грамматической структуры предложения при иноязычном общении с представителем чужой культуры в худшем случае может привести к недопониманию или к непониманию. В большинстве же случаев, при языковом барьере понимание все же будет достигнуто, несмотря на наличие и даже обилие лексико-грамматических ошибок. Фраза на ломаном английском “How go to cinema?” все равно будет понятна. Использование слова “trip” (вместо “journey”) для описания путешествия на океанском лайнере, например, не вызовет у англоговорящего партнера никаких отрицательных эмоций или неприятия «неграмотного» собеседника. Тем более сомнительно, что подобный «казус» может привести к конфликту сторон. Языковой барьер, как правило, не влечет за собой сколько-нибудь значимых негативных последствий.

Тем не менее, разница языков и культур создает определенные рамки и препятствия к взаимопониманию между различными носителями, и это проявляется в повседневной жизни. Например, типичный англичанин на вопрос: «Как дела?» (“How are you?”) ответит: “Fine, thanks. And you?” («Все в порядке. А у тебя?»), и было бы не очень вежливо ответить длинной тирадой, поделившись с ним всеми своими проблемами. В то же время, у русских довольно распространено «изливать душу» даже совершенно посторонним людям, что отражает культурную разницу между двумя народами как нельзя лучше.

Многие русские, длительное время работающие с коллегами – иностранцами, часто отмечают этот факт. Одна из любимых шуток англичан или американцев звучит так: «Спросите русского о его делах, и он вам о них действительно расскажет». Подобное восприятие не меняется даже после длительного пребывания в отличной от родной культурной среде. Один англичанин, проживший в России более десяти лет, женившийся на русской девушке и живущий под одной крышей с ее мамой, хорошо понимает смысл всех русских анекдотов про тещу, хотя известно, что нюансы юмора труднее всего перевести на другой язык. Но на вопрос: «Как дела?» он по-прежнему ответит очень приветливо: «Все в порядке, а у тебя?». И не будет подробно передавать детали проведенного выходного дня или неожиданной встречи со старым приятелем накануне.

Такой стиль общения, порой кажущийся русским чопорным и неискренним, не настолько свойственен, например, канадцам или французам. По наблюдениям коллег, французы, длительное время прожившие в России, все равно остаются французами. Но на вопрос: «Как дела?» предпочитают все же более развернутый ответ.

Такая культура общения впитана с молоком матери, и даже когда человек переезжает в другую страну, наследие своей культуры, понимание, что есть норма в его обществе, осознанно или неосознанно, он оставит прежним. На нашем примере видно, что мимолетный порыв «широкой русской души», готовность поведать о всех своих делах встречают непонимание, что отражается в межкультурном общении. Таким образом, различие в культурных нормах и традициях может, при других обстоятельствах, стать основой, спусковым механизмом для конфликта культур.

Очевидно, что язык и культура диктуют нормы поведения человека, отношение к людям, обуславливают его мировоззрение. Это проявляется во всех сферах жизни человека: от литературы до сферы воспитания детей. Так, например, подход к воспитанию детей в Нидерландах базируется на свободе. Там ребенок – это личность, которой мало что запрещается. Свое мнение родитель не навязывает, телесные наказания запрещены законом.

В России всегда была «установка на воспитание», и в большей степени это относилось к воспитанию души. В нашей стране исторически складывалось, что в семье родители имеют неукоснительный авторитет, они отвечают за материальную и духовную жизнь детей. Это отразилось и в многочисленных поговорках: «кто родителей почитает, тому Бог помогает», «послушному сыну отцов приказ не ломит спину», «отца с матерью не почитаешь, никого не уважаешь», «нет такого дружка, как родимая матушка».

Русская культура воспитания вмещает весь спектр чувств и свойств – от отзывчивости и жертвенности до страстной непримиримости и суровости. Наши мамы могут в сердцах накричать на ребенка, в душе переживая за него. В культуре общества Нидерландов это было бы нарушением нормы – такое поведение идет вразрез со всей системой ценностей данного общества. Если бы представитель этой нации попал в нашу среду, то, скорее всего, без предварительной подготовки, испытал бы культурный шок, а никак не ожидаемое удивление от многообразия и богатства русской души.

Таким образом, непонимание или незнание культурно-языковых норм, отражающих многовековую историю народа, может привести к ошибкам в интерпретации того, что на самом деле говорят и что хотят выразить его носители.

Разница культур проявляется не только в воспитании и восприятии, но и в различных традициях и обычаях, некоторые из которых вызовут недоумение у представителя иной культуры. Например, в Малайзии можно увидеть людей в рубашках, надетых наизнанку. Не стоит удивляться. Дело в том, что малазийцы боятся запачкаться в дороге. Поэтому перед выходом они выворачивают рубашку наизнанку. В России принято дарить букеты с нечетным количеством цветов, а в Японии и Норвегии, наоборот, количество цветов в букете должно быть четным. Считается, что при нечетном числе оставшемуся без пары цветочку будет одиноко. А в Стамбуле дарят венки из живых и искусственных цветов не в знак скорби, а в честь праздника. Этим демонстрируется любовь и симпатия. Жители Стамбула всегда при входе в дом снимают обувь. А при входе в дом в Мексике не принято разуваться, независимо от того, сухая ли в это время погода на улице, или идет дождь.

Любопытны также особенности восприятия цвета в зависимости от национальной принадлежности. Например, во многих странах (в том числе и в России) траурный цвет – это черный, а в Японии траур символизирует белый цвет. Желтый цвет в Бразилии – символ отчаяния, для мусульман Сирии – символ смерти, а в Китае он наиболее популярен после красного, являясь символом империи, великолетия и сияния. Интересна и разница в восприятии разными культурами зеленого цвета. Во многих культурах зеленым принято считать здоровье, выносливость, этот цвет расслабляет нервную систему, широко используется в дипломатии для выражения баланса, безопасности и умеренной щедрости. В западных культурах он символизирует молодость, рост, свежесть. Для мусульман зеленый цвет – это цвет, объединяющий людей данного вероисповедания. В англосаксонских странах зеленый означает жадность, амбиции и престиж. В англоязычных странах он ассоциируется с завистью («Позеленел от жадности» – “To be green with envy”). Для Китая зеленый – предательство и изгнание, в Америке – безопасность, во Франции этот цвет символизирует преступность.

Во многих культурах есть «животные» метафоры, и не только они сами, но и ассоциации, связанные с ними, будут разными в зависимости от культуры. Например, сравнение человека с овцой в китайской культуре является комплиментом, в отличие от русской, где вряд ли найдется кто-то, кто при подобном сравнении испытывает положительные эмоции. В Японии, при желании выразить восхищение внешностью женщины, говорят, что она похожа на змею. Завершая тему «животных» метафор, приведем «лошадиный» пример. Он будет уместен не только в теме различных эмоционально-оценочных ассоциаций, связанных с образом животного в разных культурах, но и проиллюстрирует переводческий аспект. Так, существительное “horse” на русский язык можно перевести как мужским родом: «конь», так и женским: «лошадь». В английской традиции “horse” – образ, как правило, связанный с положительными оценками, например, «породистый», «здоровый», «грациозный». В русской же культуре эта метафора преимущественно сопровождается иными, а иногда и противоположными ассоциациями: «сильный», «грубый», «здоровенный». Эти ассоциации особенно четко прослеживаются при соотнесении с женщиной: «кобыла» – это большая, сильная, некрасивая женщина.

Если рассматривать межкультурную коммуникацию не на бытовом уровне, а, например, в сфере бизнеса, то в этой области незнание культурных различий и норм делового этикета другой страны могут не просто вызвать недоумение и непонимание, но и нанести серьезный ущерб сотрудничеству. Национальные различия серьезно влияют на ведение бизнеса. Несмотря на глобализацию, бизнес-сообщество неоднородно, и национальные традиции – важный фактор, который сказывается на формах и методах ведения бизнеса. Например, английские традиции предписывают сдержанность в суждениях как знак уважения к собеседнику. Британцы склонны к выжиданию и неторопливым поискам компромисса. На честное слово англичан можно положиться. Что отражено языком, как зеркалом культуры: “Honesty is the best policy” – «Честность – лучшая политика». И если в разговоре с американским бизнесменом можно обсудить политические вопросы, то в разговоре с арабскими собеседниками таких тем следует избегать. В арабском мире слишком много различных политических, этно-национальных, религиозных, культурных различий, без знания которых можно обидеть или даже оскорбить собеседника.

Разница культур, в отличие от разницы языков, может и часто приводит к конфликту культур. Иначе как объяснить тот факт, что и при существующем сегодня «глобальном языке общения», не только не утихают, но, напротив, все с большей силой по всему миру вспыхивают и разгораются конфликты представителей разных этносов? Первопричина этого кроется не в языковом, а в культурном барьере, и, в конечном итоге, приводит к конфликту культур, что особенно остро проявляется в последнее время в области геополитики. Виною тому – культурные различия, различия в воспитании, менталитете, религии, традициях. Конфликты в Ирландии, войны на Ближнем Востоке, а теперь и противостояния в Европе между арабскими иммигрантами и европейцами – все это яркие примеры столкновения культур.

В 1993 году в журнале “Foreign Affairs” вышла статья гарвардского профессора Сэмюэла Хантингтона «Столкновение цивилизаций?». Статья С. Хантингтона начинается со следующего предположения: «Я полагаю, что в нарождающемся мире основным источником конфликтов будет уже не идеология и не экономика. Важнейшие границы, разделяющие человечество, и преобладающие источники конфликтов будут определяться культурой» [5].

Это видно на примере взаимоотношений иммигрантов из Ближнего Востока и коренных жителей Европы. Последние события в Кельне вызвали резонанс в Европейском сообществе: в новогоднюю ночь многие женщины города подверглись насилию со стороны мужчин арабского происхождения. Напряженная геополитическая обстановка была накалена заявлением имамом мечети в Кельне, в котором он говорит о свободных нравах Европы, что, в свою очередь, вводит в заблуждение и провоцирует представителей арабской культуры на такое же вольное с ними обращение [3].

Таким образом, разногласия стран, особенно на фоне нестабильной политической ситуации и мирового экономического кризиса, имеют в своей основе не только и, возможно, даже не столько политические и экономические интересы, сколько именно межкультурные различия, когда стороны не могут понять друг друга именно в силу разницы в восприятии и оценке одного и того же события.

В заключение, стоит еще раз отметить, что любой народ и любая страна являются уникальными, везде присутствуют свой язык, традиции, обычаи и национальный стиль. Другими словами, любая нация обладает уникальной культурой и культурными нормами, что отражается на особенностях мышления, восприятия и моделях

поведения. И хотя нельзя говорить о том, что все эти отличительные черты каждой культуры непременно будут характерны для всех ее представителей, однако, они будут типичными для них. Соответственно, преодоление барьеров – то есть, знание языка и особенностей другой культуры, – может существенно облегчить задачу межкультурной коммуникации в разных областях жизни и деятельности. Сегодня многие барьеры уже преодолены, во всем мире интерес к языкам и культурам разных стран только повышается, обозначилось стремление представителей многих стран к поддержке межкультурной коммуникации. Появилось новое видение проблемы языков и культур – стало ясно, что необходимо научиться не столько понимать чужой язык, сколько понимать, принимать и уважать чужую культуру.

Как говорил Рабиндранат Тагор: «Я не хочу обносить стенами свой дом или заколачивать свои окна. Я хочу, чтобы дух культуры различных стран как можно свободнее веял повсюду: не надо лишь, чтобы он сбил меня с ног» [4].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова // С. 13. [Электронный ресурс] Режим доступа: www.ffl.msu.ru/research/publications/ter-minasova-lang-and-icc/ter-minasova-yazik-i-mkk-BOOK.pdf (дата обращения 29.02.16).
2. Тер-Минасова, С. Г. Язык и национальная безопасность. Взгляд из России / С. Г. Тер-Минасова // Сборник научных трудов международной конференции «Россия: история и язык». – Печский Университет, 2012. С.7–8.
3. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://ren.tv/novosti/2016-01-23/imam-iz-kyolna-predupredil-cto-massovaya-seks-ohota-na-nemok-mozhet-povtoritsya> (дата обращения: 29.02.2016).
4. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.moudrost.ru/avtor/rabindranat-tagor.html> (дата обращения: 02.02.2016).
5. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций? / С. Хантингтон // «Полис». – № 1, 1994. С. 33–48. [Электронный ресурс] Geopolitica.ru: информационно-аналитический портал. Режим доступа: <http://www.geopolitica.ru/article/stolknovenie-ili-dialog-civilizaciy#.VrNxiPmLTdc> (дата обращения: 02.02.2016).

Материал поступил в редакцию 01.03.16.

LANGUAGE AND CULTURAL OBSTACLES OF MODERN TIMES

V.A. Rudakovskaya¹, A.R. Zhavoronkova²

^{1,2} Senior Lecturer

National Research University “Higher School of Economics” (Moscow), Russia

Abstract. *This article touches upon a number of issues related to modern-time language and cultural barriers in intercultural communication. The purpose of the article is the attempt to identify the causes of possible language and cultural conflicts in terms of cross-cultural interaction - why diversity of languages and cultures occasionally involves destructive elements and sets obstacles in the way of understanding between their bearers.*

Keywords: *language, culture, language and cultural divides, intercultural communication.*

УДК 81'25(045)

ДВА КЛАССИЧЕСКИХ ПЕРЕВОДА «ГАМЛЕТА» НА РУССКИЙ ЯЗЫК: СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Г.Е. Сафьянникова, ассистент кафедры русского языка и методики преподавания русского языка
Мордовский государственный педагогический институт имени М.Е. Евсевьева (Саранск), Россия

***Аннотация.** Статья посвящена сравнительному анализу двух переводов на русский язык трагедии В. Шекспира «Гамлет, принц Датский», которые по сей день считаются в литературоведении классическими: переводам М.Л. Лозинского и Б.Л. Пастернака. Автор рассматривает основные переводческие приемы, выявляет стилистические черты каждого из двух текстов с целью их сопоставления. В статье описываются особенности перевода М.Л. Лозинским и Б.Л. Пастернаком тех выражений из трагедии, которые стали крылатыми.*

***Ключевые слова:** перевод, Шекспир, Лозинский, Пастернак.*

Переводы на русский язык шекспировских произведений стали появляться на рубеже XVIII-XIX веков. Ранее пьесы В. Шекспира печатались и шли на российской сцене «в виде вольных переделок по французским и немецким образцам» [1]. Первым этапом усвоения русской литературой европейского опыта были подражания. В течение всего XVIII и вплоть до начала XIX века русские драматурги (например, А.П. Сумароков) учились у мастеров французского классицизма.

Первый перевод «Гамлета», датируемый 1828 г., с которого и начинается знакомство русской публики с В. Шекспиром, принадлежит М.П. Вронченко. Нельзя переоценить важность этого перевода, несмотря на «гирьки, привешенные к каждому его стиху», как сказал об этом А.С. Пушкин [3, с. 234]. В 1837 году появляется вольный перевод Н.А. Полевого.

XX век отмечен четырьмя переводами трагедии: Н.П. Россова (1907), М.Л. Лозинского (1933), А.Д. Радловой (1937), Б.Л. Пастернака (1940). Перевод М.Л. Лозинского Б.Л. Пастернак оценил как идеальный и особо отметил: «Это и театральная книга, и книга для чтения» [2, с. 128]. Эти два перевода по сей день считаются каноническими.

М.Л. Лозинский следовал теории «объективного» перевода. Он заставил героев В. Шекспира говорить современным по синтаксическим конструкциям и ритмической напряженности, но архаизированным по лексике языком («этот бранный и прекрасный облик», «Заклинаю, молви!», «одним смеясь, другим кручинясь оком», «нельзя же день за днем, потупя взор, почившего отца искать во прахе», «ни скверна, ни лукавство не пятнают его благих желаний», «сие посланье», «меж нами цвeсть» [4]). Такие конструкции, безусловно, украшают текст, делают его выразительнее, но в то же время затрудняют чтение пьесы, ее устное восприятие.

Б.Л. Пастернак, «оттолкнувшись» от М.Л. Лозинского, перешел на позиции сознательной борьбы с переводческим буквализмом: «Современные переводы В. Шекспира... знакомят со словесным составом шекспировских текстов, с его лексиконом» [2, с. 135]. Борис Леонидович отмечал, что дословные переводы обычно тяжелы и лишь в редких случаях понятны.

Б.Л. Пастернак стремился создать новый вариант бессмертной трагедии на русском языке в первую очередь для постановки на сцене. Его перевод не является абсолютно дословным, как перевод М. Л. Лозинского:

W. Shakespeare

Marcellus: Holla! Bernardo!
Bernardo: Say, what, is Horatio there?
Horatio: A piece of him [5].

М.Л. Лозинский

Марцелл: Эй, Бернардо!
Бернардо: Что, Горацио с тобой?
Горацио: Кусок его.

Б.Л. Пастернак

Марцелл: Эй, Бернардо!
Бернардо: Говори, Гораций здесь?
Горацио: Да, в некотором роде [6].

Б.Л. Пастернак сохраняет смысл высказывания, избегая дословного перевода: *a piece* – кусок (англ.). Он избегает буквализма при переводе и следующего высказывания:

W. Shakespeare

Hamlet: O, that this too too solid flesh would melt
Thaw and resolve itself into a dew!

М.Л. Лозинский

Гамлет: О, если б этот плотный сгусток мяса
Растаял, сгинул, изошел росой!

Б.Л. Пастернак

Гамлет: О, тяжкий груз из мяса и костей,
Когда б ты мог исчезнуть, испариться!

Пьесу «Гамлет, принц Датский» разобрали на цитаты: “To be or not to be” – фраза, ставшая крылатой, одинаково переводимая всеми; что касается остальных идиом, то здесь наблюдаются вариации: “Frailty, thy name is woman!” (W. Shakespeare): «Бренность, ты зовешься: женщина!» (М.Л. Лозинский); «О, женщины, вам имя – вероломство!» (Б.Л. Пастернак); “What a piece of work is a man!” (W. Shakespeare): «Что за мастерское создание – человек!» (М.Л. Лозинский); «Какое чудо природы человек!» (Б.Л. Пастернак); “There are more things in heaven and earth, Horatio, than are dreamt of in your philosophy” (W. Shakespeare): «И в небе, и в земле сокрыто больше, чем снится вашей мудрости, Горацио!» (М.Л. Лозинский); «Есть в мире тьма, Гораций, кой-чего, что вашей философии не снилось» (Б.Л. Пастернак). Очевидно, что перевод Б.Л. Пастернака менее бросок и риторичен, но при этом более легок; «высокий» стиль, выбранный М.Л. Лозинским, более звучен и ярк, но при этом сложен и тяжеловат.

М.Л. Лозинский стремится заменить нейтральные слова устаревшими, подчас полностью вышедшими из употребления:

W. Shakespeare

Ophelia: My lord, he hath importuned me with love
In honorable fashion.

М.Л. Лозинский

Офелия: Он о своей любви твердил всегда
С отменным вежеством.

Б.Л. Пастернак

Офелия: Отец, он предлагал свою любовь с учтивостью.

Вряд ли нам удастся найти слово «вежество» в каком-либо современном словаре, в отличие от слова «учтивость», однако «вежество» звучит необычно и довольно эффектно.

Примечательно, что один и тот же текст В. Шекспира М.Л. Лозинский и Б.Л. Пастернак часто переводят совершенно по-разному, отчего у русскоязычных читателей, в зависимости от того, с чьим переводом они знакомятся, могут сформироваться различные мнения о стиле английского драматурга. Б.Л. Пастернак иногда несколько «облагораживает» текст, используя переводческий прием сокращения, либо полностью опускает определенные строки. М.Л. Лозинский старается не упустить ни одного слова, красиво и художественно перевести не совсем «благородные» по своему содержанию фрагменты. Так, песня Офелии о Валентинове дне в переводе Б.Л. Пастернака представлена не полностью. В. Шекспир жил и творил в Англии начала XVII века, когда царили особые традиции, обычаи и нравы. Исполнение с театральных подмостков песен, подобных песне этой шекспировской героини, в те далекие времена считалось нормальным. В XX веке публика иначе оценила бы такой текст. Вероятно, именно этим объясняется тот факт, что Б. Л. Пастернак не включил в свой перевод последние восемь строк песни. Что касается М.Л. Лозинского, то он приводит текст песни полностью.

В четвертой сцене четвертого действия Лаэрт Б.Л. Пастернака довольно краток:

W. Shakespeare

Laertes: That drop of blood that's calm proclaims me bastard,
Cries cuckold to my father, brands the harlot
Even here, between the chaste unsmirched brow
Of my true mother.

Б.Л. Пастернак

Лаэрт: Найдись во мне спокойствия хоть капля,
И я стыдом покрою всех: себя, отца и мать.

М. Л. Лозинский безукоризненно следует за В. Шекспиром:

Лаэрт: Когда хоть капля крови
Во мне спокойна, пусть зовусь ублюдком;
Пусть мой отец почтется рогачом
И мать моя здесь, на челе безгрешном
Несет клеймо блудницы.

Можно сказать, что подход к переводу «Гамлета», предложенный Михаилом Лозинским, оказался стилизованно-романтическим: именно эта имитация романтизма, намеренная старомодность явилась залогом долговечности текста. Стиль Бориса Пастернака выразился в намеренном отходе переводчика как от романтизма, так и от слишком претенциозного экспрессионизма. Стих Б.Л. Пастернака в переводе трагедии В. Шекспира «Гамлет» был лишен, с одной стороны, изыска, риторичности, с другой – броскости и экспрессивности. Главные черты переводческого стиля Б.Л. Пастернака – легкость, пластичность, воздушная хлесткость формулировок, не претендующих на цитатность.

Оба текста – как М.Л. Лозинского, так и Б.Л. Пастернака – имеют свои плюсы и минусы, но, как бы там ни было, именно они по сей день остаются образцовыми и классическими.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Левин, Ю. Д. Русские переводы В. Шекспира / Ю. Д. Левин // Мастерство перевода. Сб. 9. М.: Наука, 1973. – С. 10.
2. Пастернак, Б. Л. Полн. собр. соч. в 5 т. Т. 4 / Б. Л. Пастернак. – М.: Художественная литература, 1991. 672 с.
3. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. в 10 т. Т. 2 / А. С. Пушкин. – Л.: Наука, 1978. 384 с.
4. Шекспир, В. Гамлет, принц датский / В. Шекспир. – СПб.: Азбука, 2000. 60 с.
5. Шекспир, В. Гамлет: трагедия; на англ. яз. English Fiction Collection / В. Шекспир. Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2010. 170 с.
6. Шекспир, В. Трагедии / В. Шекспир. – М.: Эксмо, 2011. 704 с.

Материал поступил в редакцию 18.01.16.

TWO CLASSICAL TRANSLATIONS OF *HAMLET* INTO RUSSIAN: CONTRASTIVE AND COMPARATIVE ANALYSIS

G.E. Safyannikova, Teaching Assistant

Department of Russian Language and Teaching Methodology of Russian Language,
M.E. Evseyev Mordovia State Pedagogical University (Saransk), Russia

Abstract. *The article deals with the comparative analysis of two Russian translations of “The Tragedy of Hamlet, Prince of Denmark” by W. Shakespeare. To this day, the translations by M.L. Lozinsky and B.L. Pasternak are considered classical in literary studies. The author examines the main translation techniques, brings to light stylistic features of each text in order to contrast them. The article describes the peculiarities of both M.L. Lozinsky’s and B.L. Pasternak’s translations of the phrases from the tragedy, which became winged words.*

Keywords: *translation, Shakespeare, Lozinsky, Pasternak.*

УДК 81.373.215

**ЯЗЫКОВАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ФИЗИЧЕСКИХ
СВОЙСТВ ОБЪЕКТА (НА МАТЕРИАЛЕ ГИДРОНИМОВ КАМЧАТКИ)**

О.А. Глущенко, доктор филологических наук, доцент кафедры филологии и журналистики
Северо-Западный институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте Российской Федерации» (Санкт-Петербург), Россия

***Аннотация.** Проанализирована внутренняя форма свыше 500 славянских и неславянских топонимов, в семантике которых нашли отражение разнообразные аспекты физических свойств обозначаемых водных объектов Камчатки, описаны системные отношения между словами. Объект исследования в структурно-семантическом плане рассмотрен впервые. Выявлены основные стратегии именования, сопоставлены параметры применения стратегий для славянских и аборигенных топонимов.*

***Ключевые слова:** топонимика, гидроним, семантика, номинация, внутренняя форма, метафоризация.*

Современная система топонимических обозначений водных объектов Камчатки хорошо развита и богата, что обусловлено в том числе экстралингвистическими причинами: реки, озера и иные водные объекты определяли многие аспекты жизнедеятельности и в целом выживание человека в условиях Крайнего Севера. Кроме того, в истории освоения Камчатки сформировалось несколько систем гидронимов, которые бытовали синхронно в течение последних веков, и в настоящее время фрагменты этих систем употребляются параллельно (для одного и того же водного объекта одновременно актуальны корякские и славянские именованья) [1].

Принцип именования водного объекта по его физическим особенностям реализуется во всех 4-х исторических топонимических системах Камчатки (корякская, ительменская, славянская и эвенская). Мы проанализировали внутреннюю форму свыше 500 топонимов, которые были извлечены путем сплошной выборки из Топонимического словаря Северо-Востока СССР [2], а также собраны автором лично во время диалектологических экспедиций на Камчатке и работе в картотеке этнолингвистической лаборатории Камчатского государственного университета имени Витуса Беринга.

В семантике исследуемых топонимов нашли отражение разнообразные аспекты физических свойств обозначаемых водных объектов. В рамках исследования мы также описали системные отношения между словами. Для данного класса слов свойственна множественность стратегий номинации, которые обнаруживаются в каждой исторической топонимической системе Камчатки: 1) именование объекта в рамках трехмерной системы координат; 2) непосредственное именование объекта по физическим параметрам; 3) опосредованное метафорическое именование объекта.

Первая стратегия именования (по трехмерной системе координат) опирается на понятия глубины (вертикальное измерение), ширины (первое горизонтальное измерение) и длины (второе горизонтальное измерение). Система обозначений в этом случае представлена исключительно антонимичными топонимами, т.е. противоположны наименования глубоких и мелких, длинных и коротких водных объектов, широких и узких рек и ручьев. Как правило, наименования в системе вертикальных координат (по глубине) образуют антонимичную смысловую оппозицию по градируемому признаку. Приведем некоторые примеры: бухта *Глубокая* – названа в 1885 г. Ф.К. Геком из-за значительных в сравнении с другими бухтами глубин: на входе – 30 м., в середине бухты – 100 м; р. *Коочь, Коачь (Еловка, Матёрая²)* – от коряк.-чукот. «глубокая река»; залив *Мелководный*; оз. *Арбунат* – от эвен. «мелкое»; руч. *Чимичкиваям* – от коряк. «мелкая река».

Русские наименования являются однокоренными с корнями *глуб* – *мелк*, аборигенные же топонимы образованы от разных корней, но бесспорна частотность корякского корня *куол, коол, куул* («глубокая речка»). Большинство топонимов являются непосредственными наименованиями-модификациями понятия глубины. Мотивировано представлением о конкретном размере только славянское наименование *лагуна Шестифутовое Озеро*: в 1885 г. Ф.К. Гек назвал лагуну Шестифутовым Озером, т.к. максимальные глубины в ней были до 6 футов; фут – единица измерения, равная 30,48 см, следовательно, примерная глубина лагуны составила менее 2 метров.

В системе двух горизонтальных координат (ширина и длина) противоположны наименования больших и малых, длинных и коротких водных объектов. Наименования, в отличие от предшествующих примеров, отражают

полярную антонимию: *р. Большая¹ (Быстрая³, Кыкша¹, Кукуша, Плахан)*; *р. Матёрая¹ (Воямполка¹, Воямпылын, Качгынчоваям, Хилчингеваям)* – слово в сибирском говоре означает «большая, огромная»; *р. Кеуваям* – от коряк. «большая река»; *руч. Юлговаам (Ивылвеем)* – от эвен.-коряк. «длинная река»; *оз. Илийтиль* – от коряк. «маленький»; *р. Икымваям* – от коряк. «короткая река»; *гейзер Большой; гейзер Малый, р. Узкая; р. Широкая*.

В целом самой актуальной в рамках первой номинативной стратегии является тактика именования водных объектов по степени глубины.

Вторая генеральная стратегия именования опирается на физические свойства объектов, которые выявлены в процессе практикоориентированного познания и имеют важное значение для жизнедеятельности сообщества. Выявленное в процессе познания свойство водного объекта закрепляется в именовании непосредственно, без ассоциации-посредника.

1. Наименования даны по признаку температуры воды водного объекта. В данном подклассе отчетливо противопоставляются наименования рек с высокой температурой воды и холодных рек: *р. Каральваям (Вильгильвеем)* – от коряк. «холодная река»; *р. Кичига, Кичигин (Корамыткуна)* – коряк., вероятно, «студеная, холодная»; *р. Холодная; р. Студеная* (калька с корякского *Хоялгынвээм*). Высокая температура воды в реке или ручье объясняется близостью к термальным источникам: *р. Акакатын* – от коряк., палан. диал. «горячая река»; *р. Гильмимильваям* – от коряк.-чукот. «река с теплой водой», *р. Горячая*.

2. Наименования даны по признаку объема водных масс и уровня воды в водном объекте. В подклассе противопоставлены исключительно корякские названия полноводных и обмелевших рек, ручьев, озер: *р. Амкиммываям* – коряк. «полноводная река»; *руч. Неувеем* – коряк. «переполненная река». Водные объекты с недостаточным уровнем воды образованы преимущественно от корякских корней *-на* (*наа, най, ниа, няя*) и *-ват*: *оз. Вататгитгин* – чукот.-коряк. «истощаться, высыхать + озеро»; *р. Паваям¹* – чукот.-коряк. «пересыхающая речка».

3. Наименования даны по признаку общего санитарного состояния и степени чистоты воды. В подклассе противоположны названия чистых и грязных рек, например: *руч. Чистый*. Чистая река или ручей называется питьевой у коряков и эвенов по принципу применения: *руч. Айминываям* – коряк. «питьевая река»; *р. Умана* – возможно, эвен. «питьевая». Реки и озера, вода в которых непригодна для питья, именуются в корякском языке грязными. Как правило, вода в этом случае мутная, поэтому во внутренней форме сопряжены признаки «грязный» и «мутный»: *оз. Леквагытгын* – коряк. «грязное озеро»; *р. Имьяваям (Мутная¹)* – коряк. «мутная река»; *р. Грязнушка*.

4. Наименования даны по признаку цвета воды. Самым многочисленным является ряд названий водных объектов, вода в которых черного цвета и оставляет впечатление грязной: *залив Уала* – коряк. «черная болотистая земля»; *р. Йыквээм (Черная¹)* – коряк. «грязная черная река»; *р. Лухля* – коряк. «черная». Все русские наименования однокоренные: *р. Черная, руч. Черный*.

Данным гидронимам можно ассоциативно противопоставить названия «белых» рек и ручьев. Все русские наименования являются омонимами: четыре омонима *р. Белая¹*, два омонима *руч. Белый¹* и др. В корякском языке признак белизны представлен как близкий к «молочному»: *р. Лекуваям* – коряк. «река с водой молочного цвета». Также осмыслены иные цвета: *руч. Розовый, оз. Зеленое* (в кратере Троицкого на вулкане Малый Семячик).

5. Наименования даны по признаку вкуса или запаха воды. В подклассе «пахнущих» рек нет оппозиций мотивировочных признаков, поскольку в корякском и эвенском языках поименованы только водные объекты с неприятным запахом, например: *р. Акаткевеем* – коряк. «плохо пахнущая река»; *р. Носичан* – эвен. «вонючая».

В кругу корякских наименований по вкусовым особенностям воды противопоставлены наименования «сладких» и «горьких» или «соленых» водных объектов: *руч. Чакакуоль* – коряк. «сладкая речка»; *р. Качгимоваям¹ (Намятваям)* – коряк., алют. диал. «соленая, горькая река»; *оз. Намятгитгин* – коряк.-чукот., возможно, «озеро с горькой водой».

6. Наименования даны по признаку скорости течения воды. Внутри подкласса противопоставлены названия быстрых и медленных рек. Русские гидронимы образованы от корня *быстр-* и *буй-*: *р. Быстрая¹ (Хайрюзовка, Инх, Конад, Тулахли), руч. Бурный¹*. Аборигенные наименования: *р. Гиравеем* – коряк.-чукот. «быстрая река»; *р. Энычаваям* – коряк. «быстрая река».

Медленная скорость течения отличает такие водные объекты, как *р. Тихая (Хайрюзова, Хаирус, Харузова, Харезова, Балыгинган, ительм. Тулаган, Тулэхан), р. Имневеем* – коряк.-чукот. «медленная река» и др.

7. Наименования даны по конфигурации (форме, очертаниям) водного объекта. Основное противопоставление номинативных признаков – это «прямая – извилистая река»: *р. Ветгиваям* – коряк. «прямая река» и др.

Существенно больше наименований извилистых рек и ручьев. Первый ряд образуют гидронимы с корякским корневым элементом *гальм* (*галм, гельм, гильм*), который передает общий смысл «извилистый»: *р. Галмиваям; руч. Галмын*. Второй ряд образуют гидронимы с корякским корневым элементом *кан, канг, кань, кэн, хан* (кривой): *р. Кананон; р. Канолкин; р. Ханивай*. Русские гидронимы мотивированы синонимичными признаками – кривой, извилистый: *руч. Извилистый, руч. Кривой*. Третий ряд образуют названия водных объектов, которые поименованы по резкому повороту в течении, загибу: *р. Комлильлюльхываям* – коряк. «круговая, поворачивающаяся река»; *руч. Камлил* – коряк. «круг». Четвертый ряд образуют наименования водных объектов (рек и ручьев), у которых есть притоки, ответвления: *р. Лалокиваям* – коряк., возможно, «река, имеющая

притоки). Русские наименования водных объектов, как правило, основаны на мотивировочном признаке «наличие притока» или «раздвоение, раздел»: *руч. Приток*; *руч. Двойной*. Русские землепроходцы ряду рек и ручьев присвоили одинаковые наименования, образованные от русского слова *рассоха* – «развилка, развилина»: три омонима *р. Рассошина*. Река без притоков осмыслиется как цельный объект: *р. Эмиваям (Иваика, Панкара, Нунгын, Миваннын)* – коряк., возможно, «цельная, единая река».

Другой аспект формы водного объекта, получивший номинативное закрепление в камчатской топонимике, – это особенности устья водного объекта: *р. Пильгилукуул* – коряк. «река, нашедшая устье»; *р. Подкагерная (Подхагирва, Подкатирная, Подкагин)* – возможно, коряк. «второе устье», «двухустевая». Другие наименования водных объектов, мотивированные особенностями формы: *оз. Овальное, оз. Плоское* и др.

8. Наименования даны по специфике тока воды, особенностям течения воды. Наименования водных объектов данной подгруппы отражают такие особенности воды, как наличие порогов или заводей внутри водного объекта, направление водных струй. Реки с порогами названы корякскими, эвенскими и русскими гидронимами: *р. Калхева* – коряк., возможно, «река с порогами»; *р. Уксичан* – эвен. «небольшой порог» и др. Направление течения отражено во внутренней форме следующих топонимов: *р. Нинтиркууль* – коряк., возможно, «поднимающаяся протока»; *гейзер Горизонтальный*.

Противоположность порожистым рекам составляют реки с заводами, запрудами, култуками (заимствовано из татарского – «тупик», «угол», «мелкий залив»), бродом, в которых скорость движения водных масс ниже скорости основного течения. Такие реки поименованы в русском и корякском языках: *р. Култучная, Култушная (Илир, Илирь)*; *р. Луэрваям* – от коряк., возможно, «река с настоящим бродом»; *р. Куэчен (Фчун)* – коряк. «имеющая заводи, култуки».

9. Наименования даны по признаку структуры дна и берегов водного объекта. Первый ряд слов, самый многочисленный, называет водные объекты с каменистым дном или берегами: *р. Гавыченвзем* – коряк., палан. диал. «каменистая река»; *руч. Гугенкууль* – коряк. «каменистая река», «река среди больших камней»; *р. Вывенка (Лютора, Олютора, Алютора, Энпиваям)* – коряк., алют. диал. «камень», *р. Галдавить* – эвен. «каменистый», *бухта Каменистая*. Отдельно выделим ряд однокоренных эвенских топонимов, именующих реки и ручьи со скалистыми берегами и глыбами, валунами: *р. Ньолкажи Первая, Вторая, руч. Нюлки*.

Каменистое дно и каменистые берега реки формируют представления о реке с твердым и неровным дном, без песка: *р. Ачайваям* – коряк., чавчув. диал. «без песка река»; *р. Ктыдкываям* – коряк. «река с твердым дном». Напротив, мягкий грунт и песчаная структура берегов отражены в следующих топонимах: *бухта Песчаная (Басовская), р. Ковран (Кавран, Коуран)* – коряк. «мягкий камень», по берегам реки есть песчанник.

Второй ряд слов называет водные объекты с глинистыми берегами и представлен корякскими топонимами: *оз. Тылго-Гытхын* – коряк. «глинистое озеро»; *р. Рёваям* – чукот.-коряк. «глинистая река».

Высокие берега становятся номинативным признаком для многих топонимов: *р. Гвильэньелькуваям* – коряк. «река с крутыми берегами, трудная для переправы»; *руч. Крутобереговой, р. Юнкетваям* – коряк., возможно, «обрывистая река» и др.

10. Наименования по специфике поверхности воды. Признак холодной температуры воды сопряжен с ярким визуальным признаком «лед или снег на поверхности реки», «река протекает среди снегов и наледей» в следующих корякских и эвенских гидронимах: *р. Аниваям* – от коряк., возможно, «покрытая мягким снегом река»; *р. Иткваям* – от коряк. «река с тонким льдом»; *р. Энминды* – от эвен. «наледь».

11. Наименования по свойствам и состояниям водных масс. Поверхность воды в реке блестит, сама вода пенится, плещет, журчит и т.д. – все эти физические свойства воды мотивируют ряд топонимов: *р. Вилвиалваям* – коряк. «отражающая река»; *гейзер Бурлящий (долина р. Гейзерная)*; *р. Кучьваям* – от коряк., возможно, «пенистая река». Издаваемой текущей водой шум составляет основу номинативного признака в следующих гидронимах: *р. Шумная, руч. Гремучий*.

В целом подсистема практически ориентированных и гносеологически обусловленных наименований является самой разработанной в гидронимике Камчатки.

Третья генеральная стратегия именовании опирается на образно-оценочное осмысление большинства физических параметров водного объекта. Внутреннюю форму топонима формирует развернутая или сжатая метафора, образ выступает посредником при формировании слова.

1. Метафоризация признака объема водных масс и уровня воды. Образное осмысление полноводной реки отражено в корякских названиях «прожорливых» рек: *р. Неюювээм, р. Неююкуул* – коряк. «прожорливая речка». Компонент образности представлен в гидронимах, во внутренней форме которых появляется сравнение с кишками или процессом «исчерпать себя», «прерваться», «истощиться»: *р. Кываваям* – коряк. «сухая река», река сравнивается с сухими жареными кишками. Русские названия пересыхающих рек основаны на сравнении понятий влажного, мокрого (о полноводной реке) и сухого: два омонима *р. Сухарики*; омонимы *р. Сухая Речка¹* (см. *Козыревская²*) и *р. Сухая Речка² (Тэннэйваям)*; два омонима *р. Сухая*. Изменение уровня воды в реке порождает образное антропоцентричное наименование: *р. Эюквин* (правый приток р. Импеvзем, бас. р. Пенжина) – коряк. «ожившая».

2. Метафоризация признака санитарного состояния воды в реке воплощена в метафорическом наименовании: *руч. Поганка (Гремучий, Гремучка)*.

3. Метафоризация признака цвета реализуется через сравнение цвета воды с окраской металла, стекла и жемчуга: *руч. Золотой; руч. Серебристый, руч. Хрустальный, руч. Медный; оз. Жемчужное*.

4. Метафоризация признака скорости. Антропоцентрическое образное осмысление признака скорости и перенос свойств человека на водный объект лежит в основе следующих наименований быстрых рек: *руч. Шустрый, руч. Лихой; руч. Апаыльгин* – коряк., возможно, «беспокойный».

5. Метафоризация конфигурации водного объекта. Во-первых, образное антропоцентрическое осмысление получает размер водного объекта в системе трехмерных координат: *бухта Фальшивая* – названа в середине XIX века. Низменная долина р. Фальшивая, впадающей в бухту, с моря выглядит как бухта, сильно вдающаяся в берег, на самом деле бухта очень невелика; *бухта Сомнения* – названа в 1885 г. Ф.К. Геком, т.к. он бухту не осматривал и не был уверен в том, что это бухта, а не выемка; *р. Луловая* – коряк., чавчув. диал. «река коротких торбазов», потому что река очень мелкая, и можно перейти в коротких торбазах (луллат).

Во-вторых, очертания извилистых рек и ручьев именуется через сравнение. Так, признак кривизны сопряжен со сравнением с изогнутым предметом (ножом) или деформированным предметом в семантике следующих топонимов: *р. Каныхваль* – коряк. «изогнутый нож», коса узкая, изогнутая и по своей форме похожа на нож»; *р. Пекульвеем* – чукот. «женский нож-река». Множественные изгибы в течении реки мотивируют ее сравнение с кишкой: *р. Майни Алевьевая* – коряк. «большая Гэлэвйивая «кишка-река». Специфика изогнутой формы водного объекта объясняет появление сравнений реки или ручья с кружкой, трубкой, свернутым ремнем, загнутыми частями нарты, седлом, ручкой от кастрюли, лопаткой, челюстью, бровью, шеей: *р. Концавеем* – коряк. «трубка-река»; *р. Четловари* – коряк., возможно, четло – «седло»; *р. Рильвириная* – коряк.-чукот. «река опустившихся бровей»; *р. Уалкавая¹ (Кутина)* – коряк. «челюсть-река». Отметим также, что топонимы с этимологией «челюсть-река» называли такие реки, на берегах которых аборигены ставили жертвенные столбы из челюстей морских животных.

В-третьих, образное именование получают реки с индивидуальными особенностями формы. Название рождается через сравнение с бытовым предметом: *гейзер Большая Печка* – назван Т.И. Устиновой в 1945 г., потому что выход гейзера напоминает большую русскую печь; *гейзер Жемчужный* – назван в 1945 г. Т.И. Устиновой по отложениям гейзера, напоминающим своим внешним видом и формой жемчуг; *источник Ванна* – назван в 1945 г. Т.И. Устиновой в связи с формой источника, похожей на ванну; *р. Хайко* – возможно, коряк. «маленький котел». Реже в основе наименования водного объекта лежит сравнение с природным растительным объектом: *лагуна Каукт* – коряк., алют. диал. «нарост на дереве»; *оз. Груша*. Флористическая метафора отражена в омонимичных наименованиях: два омонима *руч. Ветвистый*. Опосредованная представлениями о фауне метафора отражена в названии *руч. Розатый*. Способность реки образовывать притоки метафорически представлена во внутренней форме топонима: *р. Хай Вамтувая* – коряк. «река зачатия» (исток рождения реки).

Обычно форма реки с ответвлениями получает образное осмысление в корякском языке, поэтому реку называют усатой, ушастой, расколовшейся, треснувшей, номинаторы приписывают ей руки, сравнивают с парным или двойным объектом (например, штаны): *р. Люловая* – коряк. «усатая река»; *р. Вилюнейвеем (Тимиткина)* – коряк. «ушастая»; *р. Навкервая* – коряк. «женские штаны». Река без притоков воспринимается как редкое, аномальное явление, поэтому сравнивается с бескрылой птицей: *р. Эршилывая* – коряк., возможно, «бескрылая река» (нет крыльев птиц).

Другой особенностью конфигурации водного объекта, отраженной в языковом сознании через топонимы, является наличие озера у истока реки или образование озера при реке. В названии такой реки метафорически обыгрывается образ глаз, как у человека: *р. Лиланто* – коряк. «вышедшие глаза», названа по истоку из озер, которые находятся высоко в горах; *р. Лыланывая* – коряк. «река, имеющая глаза».

6. Метафоризация особенностей течения воды. Наличие воронок в реке позволяет приписать ей свойство поглощать воду: *р. Пновуая* – коряк., возможно, «всасывающая (воду) река». Уход воды в воронки порождает образ дырявой реки: *р. Качимовая, Касигмовая* – коряк. «дырявая река». Неспokoйная река образно именуется в корякском языке сильной или упорной рекой, ей приписываются антропоцентрические свойства: *р. Катывая*; *р. Иввая* – чукот.-коряк. «настойчивая, упорная река». Порожистая река сравнивается со скачущим существом, что отражено в корякских и эвенских образных гидронимах: *р. Кургучан* – эвен., возможно, «прыгающая», «скачущая по перекатам»; *р. Пахиткувая* – коряк. «скачущая река».

7. Метафоризация свойств водных масс. Образно осмысливается только одно свойство воды – способность рождать звуки, например: *р. Майнаканкана* – коряк., возможно, «большой колокольчик». Издаваемые водными массами звуки сравниваются с речью: *р. Ванявая* – возможно, от коряк. «журчащая, говорящая река».

Мы не встретили метафорических наименований, которые отражают такие физические свойства воды, как температура, вкус и запах воды, структура дна и берегов, специфика поверхности воды.

В целом в анализируемом классе топонимов численно преобладают наименования, отвечающие второй стратегии именованию. Множественность применяемых стратегий именованию отражает контаминированное восприятие действительности в наивной картине мира тех людей, которые исконно жили на полуострове или закреплялись на нем в период прирастания земель России территориями Сибири и Дальнего Востока.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Глущенко, О. А. Топонимика Камчатки: семасиологический аспект: учеб. Пособие / О. А. Глущенко. Петропавловск-Камчатский: КамГУ им. Витуса Беринга, 2014.
2. Леонтьев, В. В. Топонимический словарь Северо-Востока СССР / Науч. ред. Г. А. Меновщиков / В. В. Леонтьев, К. А. Новикова. – Магадан: Магаданское. кн. изд-во, 1989.

Материал поступил в редакцию 24.02.16.

**LINGUISTIC CONCEPTUALIZATION OF PHYSICAL ATTRIBUTES
OF THE OBJECT (A CASE STUDY OF KAMCHATKA'S HYDRONYMS)**

O.A. Glushchenko, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor of Philology and Journalism Department
North-Western Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public
Administration (Saint-Petersburg), Russia

***Abstract.** The inner forms of over 500 Slavic and non-Slavic toponyms are analysed, semantics of which reflects different aspects of physical attributes of Kamchatka's water objects signified, the system relationship between words is described. The study provides a first consideration of the object of research in the context of structural semantics. Basic strategies of naming are specified, the parameters of using the strategies for Slavic and aboriginal toponyms are compared.*

***Keywords:** toponymy, hydronym, semantics, nomination, inner form, metaphorization.*

УДК 81

СТЕРЕОТИПИЗАЦИЯ ПОЛЬЗЫ / ВРЕДА В АФОРИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Е.А. Савельева, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии
ФГБОУ ВО «Югорский государственный университет» (Ханты-Мансийск), Россия

Аннотация. Данная статья предполагает рассмотрение специфики современных афористических текстов, отражающих актуальную окружающую ментально-языковую действительность, с точки зрения стереотипизации пользы / вреда.

Ключевые слова: афоризм, афористический дискурс, стереотип, фрейм, рефрейминг, утилитарные ценности.

В современной российской филологии нет общепринятого определения понятия «афоризм», точных критериев отнесения высказывания к афористическому типу. Так, О.А. Рехлова говорит о том, что в исследованиях наблюдаются разногласия по таким параметрам, как наличие авторства, парадоксальность, бездоказательность. Тем не менее, как отмечает автор, бесспорными и общепризнанными являются такие качества афоризма, как лаконичность, обобщённость, высокая независимость от контекста, отточенность [12, с. 142-144]. Н.А. Карлик предлагает следующие критерии отнесения текста к афористическому типу: «законченность, образность, оценочность и прагматическая направленность (последние признаки могут быть завуалированы), наличие механизмов конденсирования опыта до универсалий и его обратного развёртывания до n-множества частных примеров, равных количеству реципиентов» [7, с. 5]. Т.А. Гридина, А.В. Кубасов выделяют жанрообразующие признаки афоризма по степени их репрезентативности: лаконичность, наличие авторства, общезначимость выражаемого смысла, парадоксальность, наличие мнемонической функции, образность и стиливая изощрённость, логическая, синтаксическая и ритмическая упорядоченность, аксиологичность [1, с. 354-355]. Афоризм, являясь ядром креативной мысли, создаётся на основе языковой игры, которая «моделирует нестандартный ассоциативный контекст восприятия и интерпретации вербальных знаков и адресована читателю, способному к декодированию игровых импликатур» [3]. Резюмируя, заметим, что для афоризма как типа текста существенны зафиксированная в лаконичной форме мысль, неоднократная воспроизводимость, общезначимость, оригинальность, законченность, образность, оценочность. Под афористическим дискурсом, вслед за И.А. Наличниковой, будем понимать «особый подвид бытийного дискурса, компоненты которого характеризуются жанровой спецификой, определённой тематической отнесённостью, а также функционально-прагматическими особенностями» [11, с. 4].

Афоризмы являются результатом практического наблюдения, жизненного опыта и могут выступать в качестве «координатора» деятельности человека. Охватывая все сферы жизнедеятельности человека: от бытовых и личных отношений до сферы науки и политики, они содержат поведенческие и ментальные стереотипы. Последнее замечено лингвистами: «многократно доказывалось положение о том, что афоризмы <...> выражают стереотипы и нормы поведения людей» [8, с. 15]. Таким образом, актуальным становится рассмотрение афористического текста с точки зрения стереотипизации пользы / вреда. Под стереотипом, вслед за В. А. Красных, будем понимать «структуру ментально-лингвального комплекса, формируемую инвариантной совокупностью валентных связей, приписываемых данной единице и репрезентирующих образ-представление феномена, стоящего за данной единицей, в его [образа-представления] национально-культурной маркированности при определенной предсказуемости направленных ассоциативных связей (векторов ассоциаций)» [9, с. 232].

Ментальный стереотип имеет сходство с фреймом: оба понятия отражают наиболее запечатленные в сознании человека общие, типизированные признаки чего-либо, принадлежащего действительному миру. В основе создания афоризма зачастую лежит приём так называемого рефрейминга, «доминанты современных дискурсивных практик» [4, с. 58]. Суть рефрейминга заключается в «отрицании базового фрейма («это не то, что вы думаете») и эффекте обманутого ожидания» [5, 108]. Поскольку афоризм выражает некий стереотип, в процесс рефрейминга входит парадокс, коммуникативная стратегия которого, по мнению В. И. Карасика, «заключается в разрушении стереотипных взглядов, бытующих в обществе» [6]. Указанная специфика афористических текстов обуславливает анализ материала с опорой на понятия стереотипа, фрейма, рефрейминга.

Особый интерес для изучения представляют современные афоризмы, отражающие актуальную окружающую ментально-языковую действительность. Материалом исследования стали афористические тексты, включающие лексемы с основами *польз-* (*полезн-*) / *вред-* (*вредн-*), опубликованные в словарях и сборниках афоризмов [13-17], а также на Интернет-сайте <http://www.aphorism.ru>.

Ниже будет прокомментирована серия примеров рефрейминга для фрейма 'алкоголь, курение – вред', и названы стереотипы, которые легли в основу афоризмов. Представляя другие фреймы, ограничимся приведением примеров. Механизмы рефрейминга во всех афоризмах одни те же: введение импликатур, дестереотипизация (эффект обманутого ожидания), паралогичность. На языковом уровне, как правило, происходит разрушение устойчивых

выражений, актуализация в сознании невыраженных идиом, эксплуатация многозначности и омонимии.

Фрейм: алкоголь, курение – вред

Представления («собственно представления, образы и понятия, а также связанные с ними оценки и коннотации») [9, с. 53]) о вреде курения и употребления алкоголя прочно сформировались в сознании человека и общества в целом.

В афоризме «Алкоголь в малых дозах безвреден в любом количестве» стереотипное положение о том, что алкоголь безопасен, если им не злоупотреблять, разрушается за счёт парадоксального окончания текста, логически противоречащего его началу.

В афоризме «Все эти выпивки настолько вредны, что входят в привычку» речевое ожидание не удовлетворяется, так как текст построен на языковой игре, которая отсылает к словосочетанию «вредные привычки».

Языковая игра, построенная на основе тавтологии, приводит к комическому эффекту в высказывании «У меня есть вредные привычки, и я к ним привык». Импликатура ‘смирился с вредными привычками’ в данном афоризме приводит к дестереотипизации идеи о необходимости борьбы с ними.

Стереотипы ‘от вредных привычек трудно избавиться’, ‘чужие привычки критиковать гораздо легче, чем оставить собственные’, представлены в выражении «Обычно вредные привычки бросают легче, чем свои».

О пагубности вредных привычек в первую очередь для здоровья говорит афоризм «Вредные привычки – ерунда, было бы здоровье». Кажущаяся «несерьёзность» вредных привычек, о которой говорит автор, сталкивается с ирреальным наклонением второй части текста «было бы здоровье».

Беседы о вредных привычках, споры о том, что вредно и в какой степени, породили различные шуточные замечания типа «Жить вообще вредно», средоточием которых стал афоризм Ежи Леца «Жизнь – вредная штука: от неё умирают». Эффект обманутого ожидания ярко представлен в афоризме «Никотин сокращает жизнь всем, кто узнал о его вреде»: здесь стереотип об «убийственности» никотина, содержащегося в табачной продукции, разрушается посредством введения в текст имплицатуры ‘человек мнителен’.

Игра слов с трёхступенчатым изменением речевых ожиданий представлена в афоризме «Ваше курение приносит пользу вашим конкурентам»: а) фрейм ‘курение – вред’; б) рефрейминг ‘курение приносит пользу’; в) импликатура ‘вред здоровью, причиняемый курением самому себе, будет на руку вашим соперникам’.

Стереотип о пассивном курении, происходящем при близком нахождении рядом с курящим человеком, положен в основу афоризма «Как часто некурящие вредят здоровью окружающих одним своим присутствием!», где субъектом, «носителем» вреда, становится человек некурящий, но способный при этом причинить вред.

Фреймы: переедание – вред, диета – польза

Одним из самых распространенных стереотипов о еде, безусловно, является стереотип ‘всё вкусное вредно’, который лёг в основу комического эффекта в высказывании «Первое правило диеты: если это вкусно, значит, это вредно для вас». Бытовой стереотип ‘вредно есть перед сном’ лёг в основу бытийного, философского осмысления жизни в афоризмах «На сон грядущий вредно наесться жизнью» и «Полезней уходить из жизни, не надеясь перед вечным сном». О вреде переедания и однообразии диетического питания говорят афоризмы «Много есть вредно, а мало – скучно», «Конечно, объедаться вредно, но недоедать – однообразно», в которых не отрицается вред чревоугодия, однако взгляд на сдержанность в еде не с позиции пользы предполагает неожиданный выбор. О том, что голодание не приносит пользы, говорит выражение «Полезнее всего голодать на сытый желудок» в котором языковая игра строится на оппозиции «голодать» / «сытый». Средством быстрого избавления от лишнего веса в настоящее время является липосакция, которая известна ещё и высокой стоимостью, что послужило поводом для создания афоризма «От липосакции двойная польза: худеет не только тело, но и кошелёк»: прямое значение лексемы «худеет» совпадает с метафорическим значением в сочетании с существительным «кошелёк».

Фрейм: туристы причиняют вред природе

Выражение «куда не ступала нога человека» неизменно вызывает в сознании стереотип «куда ни ступала нога человека, природе – смерть». В афоризме «Дикой природе наибольший вред наносят дикие туристы» за счёт обыгрывания многозначности прилагательного *дикий* ‘некультивируемый, независимый от человека’ и ‘некультурный’ происходит ассоциативное наложение (по Т. А. Гридиной, «одновременное восприятие прямого и переносного смыслов» [2]), что создаёт эффект неоднозначности.

Фрейм: спор с женщиной бесполезен

Стереотипы ‘женская логика непостижима для мужчин’ и ‘женщины скандальны’, заключены в афористическом высказывании «С женщиной спорить бесполезно, ибо нет смысла с ней ссориться». Подоплёкой данного афоризма является мысль о том, что любой спор с женщиной неминуемо влечёт за собой ссору.

Фрейм: хобби, отдых не приносят материальной пользы

Совмещать приятное с полезным – настоящее искусство, поэтому достичь такого сочетания получается крайне редко. Подобный стереотип подкрепляется афоризмами типа «Любимое дело редко бывает полезным». В обществе бытует мнение, что работа, основанная на получении материальной выгоды, не может приносить удовольствие. Представление об отдыхе, ситуации расслабленности исключает присутствие утилитарности: «Как я люблю сочетание приятного с бесполезным»; «Намёк на пользу может травить любое времяпровождение».

Фрейм: глупые люди вредны

Представление о том, что глупые люди («дураки») бесполезны для общества, в афоризмах также подвергается рефреймингу. Однако здесь приём служит лишь для того, чтобы подчеркнуть «никчёмность» объекта оценки. Так, дураки служат средством реализации и самоутверждения для других: «*Дурные люди полезны, как трамплин*» (об этом говорит сравнение с трамплином как с «опорой, исходным пунктом» [10]). Импликатурой афоризма «*Единственная польза от дураков – они создают рабочие места для мошенников*» является смысл «дураки способствуют развитию мошенничества». Языковая игра, основанная на омонимии двух значений «*круглый*», легла в основу афоризма «*От круглого дурака польза может быть лишь в кегельбане*». Здесь произошло наложение буквального и переносного значений: круглый дурак сравнивается с шаром для боулинга, который годится только для «сбивания кеглей».

Фрейм: мечтать, хотеть не вредно

В разговорной речи давно бытуют такие выражения, как «*мечтать не вредно*» (в значении «о мечтах, не имеющих отношения к реальности») и «*хотеть не вредно*» (в значении «о неосуществимом желании»). Однако в квазиафоризмах «*Мечтать не вредно, вредно воплощать мечты*» и «*Хотеть не вредно – вредно воплощать желаемое*» с добавлением второй части высказывания реализуется иное значение: выражение опасения в связи с ситуацией, когда чьё-то желание будет реализовано.

Материал показывает, что утилитарные ценности и оценки подвергаются стереотипизации, так как афоризмы построены именно на отталкивании от стереотипов. Выявлены следующие стереотипы: а) алкоголь, курение – вред; б) переизбыток – вред, диета – польза; в) туристы причиняют вред природе; г) хобби, отдых не приносят материальной пользы; д) глупые люди вредны; е) мечтать, хотеть не вредно. Афоризмы меняют знак оценки на противоположный, низводя ценность до антиценности и, наоборот, возводя антиценность в ранг ценности. В коллективном языковом сознании польза и вред связываются прежде всего со здоровьем, а среди объектов оценки доминируют вредные привычки – употребление алкоголя и курение. Субъект оценки (он же субъект речи) рационален: осуществляя рефрейминг, он ведёт интеллектуальную игру с адресатом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гридина, Т. А. Лингвокреативная техника создания игрового парадокса в афоризмах С. Д. Кржижановского / Т. А. Гридина, А. В. Кубасов // Лингвистика креатива – 2: коллективная моногр. Под общей ред. проф. Т. А. Гридиной. 2-е изд. – Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2012 – С. 354 – 376.
2. Гридина, Т. А. Языковая игра в жанре политического прикола / Т. А. Гридина // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2011. – № 4 (38). – С. 47-51.
3. Гридина, Т. А. Языковая игра в художественном тексте: монография / Т. А. Гридина – 2-е изд., испр. и доп.; ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». Екатеринбург, 2012. – 253 с.
4. Иссерс, О. С. Дискурсивная практика: к определению понятия / О. С. Иссерс // Современная речевая коммуникация: новые дискурсивные практики: монография. Отв. ред. О. С. Иссерс. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2011.
5. Иссерс, О. С. Лингвокреативные игры в пространстве Интернета: от смешного до серьёзного / О. С. Иссерс // Лингвистика креатива – 2: коллективная моногр. Под общей ред. проф. Т. А. Гридиной. 2-е изд. – Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2012 – С. 101 – 120.
6. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
7. Карлик, Н. А. Теоретические основы выявления суггестивного потенциала малоформатных афористических текстов: [Электрон. ресурс]: автореф. дис. ... д-ра филолог. наук: 10.02.19 / Н. А. Карлик. – СПб., 2013. – 28 с. – Режим доступа: Электронная библиотека диссертаций РГБ.
8. Королькова, А. В. Русская афористика: монография / А. В. Королькова. – М.: Флинта: Наука, 2005 – 344 с.
9. Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375с.
10. Кузнецов, С. А. Большой толковый словарь русского языка. – 1-е изд-е / С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998 [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://enc-dic.com/kuzhescov>.
11. Наличникова, И. А. Когнитивно-прагматические особенности афористического дискурса: [Электрон. ресурс]: дис. ... канд. филолог. наук: 10.02.04 / И. А. Наличникова. – Уфа, 2010. – 204 с. – Режим доступа: Электронная библиотека диссертаций РГБ.
12. Рехлова, О. А. К вопросу определения афоризма в современной российской филологии / О. А. Рехлова // Речевое общение: специализированный вестник. Краснояр. гос. ун-т; под ред. А. П. Сквородникова. Красноярск, 2004. – Вып. 5-6 (13-14). – С. 142 – 146.
13. Векшин, Н. Л. Постсоветские афоризмы / Н. Л. Векшин. (сост.) – Пушкино, ООО «Фотон-век», 2008. – 114 с.
14. Душенко, К. В. Мысли, афоризмы и шутки знаменитых мужчин: от Адама до Обамы / К. В. Душенко. – Эксмо, 2011. – 5665 с.
15. Кашеев, Е. А. Афоризмы от Кашея / Е. А. Кашеев. – Пушкино: Фотон-век, 2006 – 124 с.
16. Кожевников, А. Ю. Умом Россию не понять. Словарь приколов / А. Ю. Кожевников, Т. Б. Тихонова. – СПб.: Издательский Дом «Нева», 2006. – 512 с.
17. Малкин, Г. Е. Умнеть надо незаметно. Классика современного афоризма / Г. Е. Малкин. – М.: Рипол Классик, 2008. – 832 с.
18. <http://www.aphorism.ru>.

STEREOTYPIFICATION OF USE / HARM IN APHORISTIC DISCOURSE

E.A. Savelyeva, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Philology
Yugra State University (Khanty-Mansiysk), Russia

***Abstract.** The peculiarities of modern aphoristic texts reflecting actual mental and lingual reality are considered in the context of stereotypification of use / harm frames.*

***Keywords:** aphorism, aphoristic discourse, stereotype, frame, reframing, utilitarian values.*

УДК 80

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ НА УРОВНЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ КОНЦЕНТРАТОРОВ СОДЕРЖАНИЯ ТЕКСТА

Файе Фату Диоп, аспирант

Российский университет дружбы народов (Москва), Россия

Аннотация. В статье анализируются проблемы лексических концентраторов содержания текста и, в частности, концептуально значимой лексики и лингвокультурных универсалий с точки зрения лингвистической теории. Одной из самых важных проблем современной лингвокультурологии выступает выявление носителя культурного смысла в живой речи и письменном тексте. Актуальность данного вопроса диктуется самой сущностью лингвокультурологии как направления в лингвистике, изучающего механизмы взаимодействия языка и культуры. В качестве носителя культурного смысла текста в лингвокультурологии чаще всего используется понятие концепта.

Ключевые слова: текст, лексические концентраторы, концепт, лингвокультурные универсалии, информационная насыщенность.

Целью создания любого текста, как известно, является заключение той или иной информации в традиционные формы текста. С другой стороны, вряд ли можно утверждать, что любой текст обязательно заключает в себе информацию. Вероятно, можно составить текст без смысла, а, значит, и содержания. Но такие случаи являются, скорее всего, исключением по сравнению с тем количеством текстов, которые постоянно воспроизводятся носителем языка. И также совсем не факт, что каждый произведенный текст будет нести в себе новую информацию. Например, если проанализировать стандартный учебник по русской грамматике, то можно увидеть, что как таковой новой информации он не содержит. Во всяком случае, такая информация будет восприниматься новой не всегда. Например, таковой она будет являться для студента, который русскую грамматику только изучает. Но для лингвиста подобная информация не будет новой. Новой информацией здесь можно будет считать, скорее всего, только способ донесения автором учебника содержания этой грамматики для учащегося.

В связи с этим, по всей видимости, можно говорить, что большая часть производимых текстов содержит традиционную для исследователей той или иной области научного знания информацию. Но и такую традиционную информацию можно также считать содержанием текста.

«Информационная насыщенность текста – абсолютный показатель качества текста, а информативность – относительный, поскольку степень информативности сообщения зависит от потенциального читателя» [3: 232].

А.И. Бабайлова пишет о том, что и «информативность текста – это степень его смысло-содержательной новизны для читателя, которая заключена в теме и авторской концепции, системе авторских оценок предмета мысли» [2: 12].

Н.С. Валгина пишет, что при определении содержания текста наиболее важным становится налаживание отношения между высказыванием и ситуацией, отраженной в нем. «Между ними полного соответствия нет, т.е. поверхностная структура высказывания (количество языковых знаков, присутствующих в нем) и глубинная структура (количество информации, заключенной в нем) не совпадают» [3: 233]. Это трактуется как асимметричность языкового знака. Суть этого явления заключается в том, что на уровне означающих (единиц плана выражения) обычно бывает значительно меньше единиц, чем на уровне означаемых (единиц плана содержания), попросту – слов меньше, чем выражаемых смыслов [3: 233].

В качестве носителя культурного смысла текста в лингвокультурологии нередко используется понятие концепта. В «Словаре русской культуры» Ю.С. Степанов пишет, что «концепт – явление одного порядка, что и понятие. По своей внутренней форме в русском языке слова *концепт* и *понятие* одинаковы: концепт является калькой латинского *conceptus* «понятие» от глагола *concipere* «зачинать», т.е. значит буквально «поятие, зачатие»; *понятие* от глагола *пояти* др.-рус. «схватить, взять в собственность, взять женщину в жены» буквально значит, в общем, то же самое. В научном языке эти два слова также иногда выступают как синонимы, но так они употребляются лишь изредка. В настоящее время они довольно четко разграничены» [12: 40].

После Ю.С. Степанова на явление концепта обращали внимание многие другие исследователи. Вместе с тем, в сухом остатке под концептом стало подразумеваться некое значимое для конкретного текста слово, что в общем-то большой новизны в себе не несет.

В последние годы активность в сфере выявления носителей культурного смысла в тексте существенно снизилась, поскольку, по нашему мнению, авторы, если исключить некий научный и околонуучный антураж их исследований, приходили к одному заключению, согласно которому носителем культурного смысла текста выступают

слова, т.е. лексика, в ряду которой какое-то слово несет большую культурную нагрузку, а какое-то – меньшую.

Как бы там ни было по части терминологии, но проблема лингвокультурологического анализа текста, в отличие от многих других проблем современной лингвокультурологии, до сих пор остается актуальной. Это означает, что не потеряла актуальности и проблема концентратора культурного смысла в тексте. В свою очередь, нерешенность вопроса о концентраторе культурного смысла делает сам процесс лингвокультурологического анализа весьма размытой и слабо научной процедурой.

Решая вопрос о носителе культурного смысла в тексте, на современном этапе, конечно, не следует возвращаться к лексическому уровню в основном его проявлении. Возможно, следует исходить из того, что в самом тексте лежит почти на поверхности.

Из исследований М.К. Бисималиевой, М.П. Брандес, Е.С. Кубряковой, О.В. Александровой и др. на сегодняшний день известно, что текст имеет свои особенности построения. В нем проявляются черты, не свойственные предложению. Наблюдения над характером связи между частями текста показали, что отдельные части текста объединяются не только привычными формами связи – союзами, союзными словами, но и другими, менее четко выделяемыми в ткани текста. К ним относятся повторения слов, словосочетаний, предложений, однотипных структур. Кроме того, даже ассоциации могут служить средствами связи отдельных частей, следующих одна за другой, а также расположенных на некотором расстоянии друг от друга.

Интересный пример использования экспрессивных возможностей семантики для высвечивания носителя культурной информации находим в стихотворении Х. Ваншенкине:

«Неизвестный художник давнишнего века –
Может, был он известен, но в узком кругу –
Написал на холстине портрет человека
Так, что глаз от него оторвать не могу...»

Официальное выражение *неизвестный художник* свидетельствует о том, что автор картины не установлен. Поэт вкладывает в него другой, главный, смысл. Полотна неизвестных художников выставлены в крупнейших музеях мира и обладают огромной эстетической ценностью. Что значит: художник неизвестен? Мы не знаем его имени, но знаем его произведения, ценим его, ставим в один ряд с художниками знаменитыми. Следовательно, неизвестный художник – это великий художник, произведения которого бессмертны.

И в конце произведения появляется еще одно выражение, восходящее к первым строкам, – *неизвестный солдат*. Оно не только в стихотворении поэта, но и в современной культуре получило особое, высокое, патриотическое значение и стало символом подвига – безымянной гибели за Родину. Поэт увидел нечто общее в обоих выражениях. И не случайно в последних строках слово *неизвестный* в обоих случаях написано с большой буквы.

Таким образом, и как бы это ни звучало по отношению к исследованиям концентраторов культурной информации в тексте, как таковых формально закрепленных, типовых носителей такой информации, по всей видимости, не существует. Авторский текст великого писателя всегда окажется сложнее любых попыток его формализовать. Формализация и систематизация лексики может объяснить устройство культурного содержания текстов лишь с низкой художественностью, как то: текстов рекламы или низкого уровня художественной прозы.

Одной из самых важных проблем современной лингвокультурологии выступает выявление носителя культурного смысла в живой речи и письменном тексте. Актуальность данного вопроса диктуется самой сущностью лингвокультурологии как направления в лингвистике, изучающего механизмы взаимодействия языка и культуры. Иными словами, лингвокультурология находится в поиске своего рода инструментария, с помощью которого она недвусмысленно может указать на участки текста, где культурное содержание имеет наиболее отчетливое отражение.

Самая распространенная точка зрения на концепт – определение его как лингвокогнитивного явления. Представим здесь картину взглядов отечественных исследователей на феномен концепта.

«Концепт – термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*) всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [6: 90].

Существует точка зрения, согласно которой концепт – это абстрактное научное понятие (в том числе и трактовка концепта как синонима термина «понятие»). Ср., например, определение понятия, данное в «Лингвистическом энциклопедическом словаре»: «Понятие – 1) мысль, отражающая в обобщенной форме предметы и явления действительности посредством фиксации их свойств и отношений; последние (свойства и отношения) выступают в понятии как общие и специфические признаки, соотношенные с классами предметов и явлений; 2) то же, что грамматическая категория, обычно не высшего уровня обобщения, например, понятие двойственного числа, понятие события, понятие неактуального настоящего времени и т.п.; в этом значении стал часто употребляться термин «концепт»» [7: 383-384].

Другим примером рассматриваемого подхода к концепту является определение, данное ему А. Соло-

моником. Разграничивая термины «понятие» и «концепт», ученый отмечает их различное происхождение: «Лишь пользуясь научными методами анализа, дедукцией и обобщением, можно вывести следующие за конкретными абстрактные понятия. Тогда они становятся еще и концептами» [11: 246].

Концепт как лингвокультурное явление в рамках новой научной дисциплины – лингвокогнитологии – определяется в работах В.А. Масловой, В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина, С.Г. Воркачева и др.: «Концепт – это семантическое образование, отмеченное лингвокультурной спецификой и тем или иным образом характеризующее носителей определенной этнокультуры. Концепт, отражая этническое мировидение, маркирует этническую языковую картину мира и является кирпичиком для строительства «дома бытия» (по М. Хайдеггеру)» [8: 47].

Г.Г. Слышкин отмечает следующие признаки концепта:

- 1) комплексность бытования (концепт направлен на комплексное изучение языка, сознания и культуры);
- 2) ментальная природа («Если предлагаемая Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым логоэпистема является, по сути, элементом значения слова и локализуется в языке, а введенная В.В. Воробьевым лингвокультурема определяется как единица межуровневая, т.е. не имеющая определений локализации, то концепт находится в сознании» [11: 221]);
- 3) ограниченность сознанием носителя (концепт существует в индивидуальном или коллективном сознании);
- 4) ценность (ценность проявляется в двух аспектах – оценочности и актуальности);
- 5) условность и нечеткость, обусловленные синкретичностью сознания;
- 6) когнитивно-обобщающая направленность;
- 7) полиапеллируемость (к концепту можно апеллировать вербальными единицами различных уровней и невербальными средствами);
- 8) изменчивость;
- 9) трехуровневое лингвистическое построение (концепт существует как:
 - а) системный потенциал, т.е. совокупность средств апелляции к концепту, предлагаемых носителю языка культурой, как накопленное культурой лингвистическое достояние, зафиксированное в лексикографии;
 - б) субъективный потенциал, т.е. лингвистическое достояние, хранящееся в памяти индивида;
 - в) текстовые реализации, т.е. апелляции к концепту в коммуникативных целях).

С.Г. Воркачев среди характеристик концепта отмечает «переживаемость» (концепты должны эмоционально переживаться); семиотическую плотность – «представленность в плане, выраженная целым рядом языковых синонимов (слов и словосочетаний, тематических рядов и полей, пословиц, поговорок, фольклорных сюжетов и синонимизированных символов (произведений искусства, ритуалов, поведенческих стереотипов, предметов материальной культуры)», ориентированность на план выражения – «включенность имени концепта в ассоциативные парадигматические и синтагматические связи, сложившиеся в лексической системе языка, в семиотическом «теле» которого тот концепт опредмечивается: «значимость» этого имени и включенность его в ассоциативную сеть «вещных коннотаций» – наличие специфической языковой метафористики» [4: 15-16, 45].

Ю.С. Степанов определяет концепт как культурное явление: «Концепт – понятие, за которым в нашем сознании возникает давно знакомое содержание, это описание ситуации культуры» [13: 19]; «Концепт – основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [12: 43].

Ю.Е. Прохоров, объединяя теории своих предшественников, предлагает следующее определение концепта: «Концепт – сложившаяся совокупность правил и оценок организации элементов хаоса картины бытия, детерминированная особенностями деятельности представителей данного лингвокультурного сообщества, закрепленная в их национальной картине мира и транслируемая средствами языка в их общении» [10: 159].

Для лингвокультурологии не релевантно отождествление концепта с отдельным словом или словозначением, а также классификация концептов по лексико-фразеологическому основанию. К одному и тому же концепту можно апеллировать при помощи языковых единиц различных уровней: лексем, фразеологизмов, свободных словосочетаний, предложений. Наиболее актуальные концепты получают реализацию не только в вербальных, но и в невербальных единицах.

Так, в рамках русскоязычной коммуникации к концепту «глупец» можно апеллировать при помощи лексических единиц *глупец, балбес, баран, болван, бревно, дубина, дурак, дурачок, межеумок, оболтус, олух, осел*; фразеологизмов *дубина стоеросовая, дурак набитый, медный лоб, пустая бабка, олух царя небесного, без царя в голове, тупой как сибирский валенок*; жестов – постукивание пальцем по лбу и подкручивание пальцем у виска. Для активизации в сознании носителя русского языка концепта «деньги» можно использовать не только лексему *деньги*, но и *финансы, капиталы, монеты, гроши, бабки, капуста, мани, презренный металл, золотой телец* и т.п. К этому же концепту можно апеллировать паралингвистическими средствами: жестом протирания большим пальцем об указательный и безымянный. Апелляция к некоторым концептам может осуществляться при помощи морфем (уменьшительно-ласкательные суффиксы > концепт «нежность») или словоформ (глагольная форма *ложить* > концепт «безграмотность»).

Ю.С. Степанов различает научные (изоляты) и ненаучные (художественные) концепты. Научные концепты «формируются как синонимичные, минимум парами, являются парными утверждениями (или в большем

количестве), не являются изолированными» [13: 20]. Ненаучные концепты «не поддаются парному утверждению» и являются «абсолютными изолятами» [Там же: 21].

В лингвокультурологии тема концепта как концентратора культурного смысла в тексте была популярна приблизительно пятнадцать лет, с середины 80-х по конец 90-х годов XX века. С начала XXI века интерес к проблематике концепта стал сходиться на нет. Стало очевидно, что та существенная культурно-смысловая нагрузка, которая приписывалась концептам, чаще всего просто отсутствует. Оказалось, что концептология исследует не что иное, как лексическое значение часто употребляемых слов. При этом культурно-смысловая нагрузка данных слов существенно меняется в зависимости от контекста – от нейтральной до весьма значимой в данном тексте или дискурсе.

Именно поэтому культурно-смысловую нагрузку слова возможно определить лишь в рамках конкретного текста или дискурса.

Данный вывод диктует необходимость пересмотра отношения к проблеме концентрации культурного смысла в слове. Заранее заданных актуальных лексем-носителей культурной информации не существует. Есть слово, присутствующее в словаре языка, а есть слово, звучащее в тексте или дискурсе. С точки зрения культурного содержания, это разновесные единицы. Попытки формализовать культурное содержание слова, т.е. закрепить за словарным словом культурное значение ведет не только к примитивизации исследовательского подхода, но и к формированию лженаучных исходных позиций.

Более продуктивно, на взгляд автора, в качестве концентраторов культурного смысла рассматривать не концепты, а лингвокультурные универсалии, по своей природе более привязанные не к словарю, а к текстовой и дискурсивной конкретике.

Проблема универсалий возникла в античной философии и связана с именами Платона и Аристотеля. У Платона под универсалиями имеются в виду понятия, при помощи которых говорящий доносит до слушателя ту или иную информацию. При этом для Платона очень важна была трактовка понятий в зависимости от ситуации общения. Прежде чем употреблять какое-то значимое понятие, говорящий должен уточнять его значение. То есть для каждого авторского текста, по Платону, существуют свои универсалии. Объективно единых универсалий для Платона не существовало [9: 132-135].

Для Аристотеля универсалия – понятие прежде всего лингвистическое, означающее общее для языка и культуры значение. Характерно, что среди универсалий Аристотель выделял как общие, присущие языку и текстам в целом, так и особенные, присущие языку и текстам определенного автора. Последние он называл предикативными универсалиями. Общие универсалии, таким образом, есть акт общественный. Но они становятся субъектными при переводе их в логико-грамматические (языковые) структуры конкретного текста [1: 10].

Лингвокультурная универсалия – это лексическая единица, несущая в конкретном тексте, группе текстов или на локальном участке культуры, в лингвокультурной ситуации особо значимый смысл (по сравнению с другими лексическими единицами данного текстового поля). Этот смысл служит основой для возникновения контекста и подтекста, вносящих в основной текст дополнительные культурные смыслы.

Если понятие концепта пришло в лингвистику (и гуманитарную сферу вообще) относительно случайно, когда после фактического закрытия грамматической проблематики понадобились свежие темы, то понятие универсалии имеет под собой чрезвычайно существенное философское обоснование.

Схема преобразования универсалий у Аристотеля такова: объективное, свойственное всем суждение (например, фразеологизм) – субъективация суждения (звучание фразеологизма в устах конкретного человека) – индивидуальное языковое преобразование суждения (пересказ смысла фразеологизма конкретным человеком).

Обсуждение проблемы универсалий продолжилось в раннехристианской мысли, для которой категория универсалии имела основополагающее значение в связи с идеей творения мира при помощи Слова. Божественные Слова в этом смысле представлялись и анализировались, собственно, как универсалии, наполненные культурным и созидательным смыслом. Иными словами, категория универсалии в раннехристианской мысли несла лингвофилософское значение.

Дальнейшее рассмотрение категории универсалии, связанное с именами Дж. Локка, Дж. Беркли, Д. Юма, Т. Гоббса, Г. Лейбница и др., имело как философский, так и сугубо лингвистический характер. Для нас же наиболее близка позиция М. М. Бахтина, который мыслил в рамках своей основной концепции – единства диалога устоявшихся универсальных смыслов внутри культуры. Понятие универсалии стало использоваться и в современной лингвокультурологии, где таковая ни в коем случае не синонимична понятию концепта. Если определение концепта претендует на общекультурную функцию, транслируемую из текста к тексту, из речи одного поколения носителей языка к другому, то универсалия носит более локальный характер.

В лингвокультурологии и лингвистике текста универсалия является носителем культурного смысла на пространстве конкретного текста. Понятие текста в данном случае может принимать расширительное значение: текст литературного произведения, текст социальной страты, текст города, текст эпохи. Не случайно поэтому понятие универсалии широко используется в описании так называемой лингвокультурной ситуации, т.е. некоего временного среза (локального текста) определенной культурной эпохи в жизни страны и народа.

Научные основания понятия универсалии позволили провести ее дифференциацию. Так, в современной лингвокультурологии используются такие субпонятия, как лингвокультурная доминанта и лингвокультурная деталь. Не исключено, что в будущем станет возможна еще более глубокая дифференциация этих понятий.

Таким образом, многомерное исследование понятия универсалии дает основания уточнить понятие лингвокультурной универсалии как концентратора культурного смысла текста. Это, по нашему мнению, лексическая единица, несущая в конкретном тексте, группе текстов или на локальном участке культуры, в лингвокультурной ситуации особо значимый смысл (по сравнению с другими лексическими единицами данного текстового поля). Этот смысл служит основой для возникновения контекста и подтекста, вносящих в основной текст дополнительные культурные смыслы. Следовательно, значение лингвокультурной универсалии в тексте выходит за рамки лексической единицы, и это значение уже не измеряется грамматически. Лингвокультурную универсалию не следует абсолютизировать и придавать ей общекультурный смысл, поскольку в другом тексте слово, обозначенное где-то как лингвокультурная универсалия, таковой может и не являться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристотель. Метафизика. Сочинения в 4-х томах. Том I / Аристотель. – М.: Мысль, 1981.
2. Бабайлова, Н. С. Теория грамматики / Н. С. Бабайлова. – М., 1987.
3. Валгина, Н. С. Теория текста / Н. С. Валгина. – М.: Логос, 2003.
4. Воркачев, С. Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа / С. Г. Воркачев. – Краснодар, 2002.
5. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – М., 2004.
6. Кубрякова, Е. С. Концепт / Е. С. Кубрякова // Краткий словарь когнитивных терминов. Отв. Ред. Е. С. Кубрякова. – М., 1996.
7. Лингвистический энциклопедический словарь – Москва, 1990.
8. Маслова, В. А. Лингвокультурология / В. А. Маслова. – М.: Издательский центр «Академия», 2007.
9. Платон. Сочинения в 4-х томах. Том 3. Часть 2 / Платон. – М., 2007.
10. Прохоров, Ю. Е. В поисках концепта / Ю. Е. Прохоров. – М., 2008.
11. Слышкин, Г. Г. Лингвокультурные концепты и метапонятия / Г. Г. Слышкин. – Волгоград: Перемена, 2004.
12. Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
13. Степанов, Ю. С. Концепты. Тонкая плёнка цивилизации / Ю. С. Степанов. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 248с.

Материал поступил в редакцию 19.02.16.

THEORETICAL ISSUES OF LEARNING THE INTERCONNECTION BETWEEN LANGUAGE AND CULTURE AT THE LEVEL OF LEXICAL CONCENTRATORS OF TEXT CONTENT

Faje Fatu Diop, Postgraduate Student
Peoples' Friendship University of Russia (Moscow), Russia

Abstract. *The article analyses the issues of lexical concentrators of text content, including in particular conceptually relevant vocabulary and linguistic and cultural universals in terms of linguistic theory. One of the most essential issues of the modern cultural linguistics is finding a bearer of cultural implication in oral and written speech. The relevance of this issue is determined by the very essence of cultural linguistics as a field of linguistics, which studies the mechanism of interaction between language and culture. The notion of concept is mostly used as a bearer of cultural implication of the text in cultural linguistics.*

Keywords: *text, lexical concentrators, concept, linguistic and cultural universals, information richness.*

Languages of Peoples of the Russian Federation
Языки народов Российской Федерации

УДК 811.512.165

ОБ УСТОЙЧИВОМ СЛОВАРНОМ ФОНДЕ НОГАЙСКОГО ЯЗЫКА*

И.Н. Новгородов, доктор филологических наук, профессор-исследователь
Кафедра восточных языков и страноведения, Институт зарубежной филологии и регионоведения,
Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова (Якутск), Россия

***Аннотация.** Как показывает анализ, устойчивый словарный фонд ногайского языка восходит к тюркскому лексическому фонду, и в нем обнаруживаются процессы иноязычного влияния, а также инновации.*

***Ключевые слова:** ногайский, устойчивый словарный фонд, заимствования, инновации.*

Работа продолжает исследования, представленные публикациями, например, «О наиболее устойчивой лексике», «Об устойчивом словарном фонде в изучении дивергенции праязыка», “Some Notes on the Leipzig–Jakarta List of the Chulym Language”, “On a Multidisciplinary Study of South Siberian Turkic Varieties (in Comparison with Yakut). Part I”, с которыми можно ознакомиться на сайте leipzig-jakartalist.ru.

В этой работе предпринята попытка установления происхождения устойчивого словарного фонда ногайского языка согласно списку проекта «Типология заимствования»:

http://en.wikipedia.org/wiki/Leipzig%E2%80%93Jakarta_list

Прежде чем приступить к исследованию, следует представить общие сведения об изучаемом языке и его носителях.

Ногáйцы, ногáи (устар. *нага́и, ногайские татары*, также *крымские степные татары*, самоназвание – *ногай*, мн.ч. – *ногайлар*) – тюркоязычный народ на Северном Кавказе, на юге Нижнего Поволжья, в Крыму, главным образом, в Турции. Всего ногайцев – 4100000 человек. Традиционная религия – ислам ханафитского мазхаба. Язык – ногайский, входящий в тюркскую языковую семью.

Материалы и методы

Словарный материал выписан из «Русско-ногайского словаря», г. Москва, 1956 г. [НРС 1956] и «Ногайско-русского словаря», г. Москва, 1963 г., [НРС 1963]. Основным методом исследования является сравнительный метод.

Результаты и выводы

Перед презентацией фонда следует указать, что цифра 1 является порядковым номером пункта устойчивого словарного фонда; ‘ant’ – значением пункта на английском языке; (3. 817) – идентификационным номером списка базы данных “World loanword”, которая доступна по адресу: <http://wold.clld.org/meaning>; ног. – сокращением ногайского языка; [НРС 1963 : 444] – указанием источника слова; *кумырска* – формой слова; ‘муравей’ – значением слова; < тюрк. [ЭСТЯ, 2000 : 140] – указанием на происхождение слова, сведения об источнике и его странице.

Далее представлен устойчивый словарный фонд ногайского языка:

- 1 ant 3. 817 ног. [НРС, 1963 : 187] *кумырска* ‘муравей’ < тюрк. [ЭСТЯ, 2000 : 140];
- 2 arm/hand 4.33 ног. [НРС, 1963 : 169] *кол* ‘рука, кисть руки’ < тюрк. [ЭСТЯ, 2000 : 37];
- 3 ash 1.84 ног. [НРС, 1963 : 192] *куьл* ‘зола’ < тюрк. [ЭСТЯ, 1997 : 137];
- 4 back 4.19 ног. [НРС, 1963 : 46] *арка* ‘спина’ < тюрк. [ЭСТЯ, 1974 : 174];
- 5 big 12.55 ног. [НРС, 1963 : 382] *уллы* ‘великий, большой’ < тюрк. [ЭСТЯ, 1974 : 593], ног. [НРС, 1963 : 388] *уьйкен* ‘большой, крупный, огромный’ < тюрк. [ЭСТЯ, 1974 : 630];
- 6 bird 3.581 ног. [НРС, 1963 : 189] *кус* ‘птица; птичий’ < тюрк. [ЭСТЯ, 2000 : 180];
- 7 to bite 4.58 ног. [НРС, 1963 : 353] *тислев-* ‘кусать; брать в зубы, хватать зубами’ < тюрк. [ЭСТЯ, 1980 : 242];
- 8 bitter 15.37 ног. [НРС, 1963 : 55] *ашы* ‘горький’ < тюрк. [ЭСТЯ, 1974 : 89], ног. [НРС, 1963 : 340] *ув татык* ‘горький’ < ног. [НРС, 1963 : 377] *ув ‘яд’* < тюрк. [ЭСТЯ, 1974 : 67] + *татык ‘?’* < тюрк. **tāt* ‘вкус’, ‘вкусать, пробовать’ [СФТЯ, 1970 : 197, ЭСТЯ, 1980 : 162];
- 9 black 15.65 ног. [НРС, 1963 : 147] *кара* ‘черный’, ‘траур’, ‘черное пятно; очертание, силуэт, тень’ < тюрк. [ЭСТЯ, 1997 : 286];
- 10 blood 4.15 ног. [НРС, 1963 : 143] *кан* ‘кровь’, ‘кровяной; кровеносный’ < тюрк. [ЭСТЯ, 1997 : 251];

- 11 to blow 10.38 ног. [НРС, 1963 : 391] *уьруьв-* (*уьр-*) ‘дуть’ < тюрк. [ЭСТЯ, 1974 : 635], ног. [НРС, 1963 : 442] *эсуьв-* (*эс-*) ‘дуть, веять (о ветре)’ < тюрк. [ЭСТЯ, 1974 : 553];
- 12 bone 4.16 ног. [НРС, 1963 : 313] *суьек* ‘кость; костяной, костный’ < тюрк. [ЭСТЯ, 2003 : 357];
- 13 breast 4.41 ног. [НРС, 1963 : 435] *эмшек* ‘грудь (женская)’ < тюрк. [ЭСТЯ, 1974 : 271];
- 14 to burn 1.852 ног. [НРС, 1963 : 464] *януьв* (*ян-*) ‘гореть’, ‘горение’ < тюрк. [ЭСТЯ, 1989 : 112];
- 15 to carry 10.61 ног. [НРС, 1963 : 339] *масув-* (*масы-*) ‘носить, возить; таскать, переносить’ < тюрк. [ЭСТЯ, 1980 : 170], ног. [НРС, 1956 : 353] *алып барув* ‘нести’ < тюрк. [ЭСТЯ, 1974 : 127, ЭСТЯ, 1978 : 64];
- 16 child 2.43 ног. [НРС, 1963 : 68] *бала* ‘ребенок’ < тюрк. [ЭСТЯ, 1978 : 47];
- 17 to come 10.48 ног. [НРС, 1963 : 159] *келуьв-* ‘приходить; приезжать; прибывать’ < тюрк. [ЭСТЯ, 1980 : 14];
- 18 to crush/to grind 5.56 ног. [НРС, 1963 : 337] *тартув-* (*тарт-*) ‘молоть’ < тюрк. [ЭСТЯ, 1980 : 154];
- 19 to cry/to weep 16.37 ног. [НРС, 1963 : 128] *йылав-* (*йыла-*) ‘плакать’ < тюрк. [ЭСТЯ, 1974 : 79];
- 20 to do/to make 9.11 ног. [НРС, 1963 : 199] *кылуьв-* (*кыл-*) ‘делать, исполнять, совершать’ < тюрк. [ЭСТЯ, 2000 : 205];
- 21 dog 3.61 ног. [НРС, 1963 : 118] *ийт* ‘собака; собачий’ < тюрк. [ЭСТЯ, 1974 : 385];
- 22 to drink 5.13 ног. [НРС, 1963 : 122] *ишуьв* (*иш-*) ‘пить’ < тюрк. [ЭСТЯ, 1974 : 391];
- 23 ear 4.22 ног. [НРС, 1963 : 186] *кулак* ‘ухо’ < тюрк. [ЭСТЯ, 2000 : 124];
- 24 to eat 5.11 ног. [НРС, 1963 : 54] *ашав-* (*аша-*) ‘есть, кушать, принимать пищу’ < тюрк. [ЭСТЯ, 1974 : 210], ног. [НРС, 1963 : 104] *ев-* (*е-*) ‘есть, кушать, употреблять в пищу’, ‘точить, подтачивать (о червях)’, ‘размывать, подмывать (о воде)’ < тюрк. [ЭСТЯ, 1974 : 333];
- 25 egg 5.97 ног. [НРС, 1963 : 449] *юмыртка* ‘яйцо’ < тюрк. [ЭСТЯ, 1989 : 250], ног. [НРС, 1956 : 725] *тукымлык* ‘яйчко’, ср. уйг. *тухум* ‘яйцо’;
- 26 eye 4.21 ног. [НРС, 1963 : 176] *ковз* ‘глаз; глазной’ < тюрк. [ЭСТЯ, 1980 : 60];
- 27 to fall 10.23 ног. [НРС, 1963 : 126] *йыгылуьв-* (*йыгыл-*) ‘падать’ < тюрк. [ЭСТЯ, 1989 : 273], ног. [НРС, 1963 : 372] *туьсуьв* (*туьс-*) ‘спускаться, опускаться, перемещаться сверху вниз’ < тюрк. [ЭСТЯ, 1980 : 330];
- 28 far 12.44 ног. [НРС, 1963 : 40] *алыс* ‘далекий, дальний; далеко’ < монг. *alus* [Räs, 1969 : 17b], ног. [НРС, 1963 : 379] *узак* ‘долгий, длинный, продолжительный; долго, продолжительно’, ‘даль; далекий, дальний; далеко’ < тюрк. [ЭСТЯ, 1974 : 570];
- 29 fire 1.81 ног. [НРС, 1963 : 252] *от* ‘огонь; огненный’ < тюрк. [ЭСТЯ, 1974 : 483];
- 30 fish 3.65 ног. [НРС, 1963 : 69] *балык* ‘рыба; рыбий’ < тюрк. [ЭСТЯ, 1978 : 59];
- 31 flesh/meat 4.13 ног. [НРС, 1963 : 442] *эт* ‘мясо; мясной’ < тюрк. [ЭСТЯ, 1974 : 311];
- 32 fly 3.83 ног. [НРС, 1963 : 419] *шыбын* ‘муха’ < тюрк. [Räs, 1969 : 110a];
- 33 to give 11.21 ног. [НРС, 1963 : 78] *беруьв-* ‘давать, отдавать’ < тюрк. [ЭСТЯ, 1978 : 114];
- 34 to go 10.47 ног. [НРС, 1963 : 70] *барув-* (*бар-*) ‘идти’ < тюрк. [ЭСТЯ, 1978 : 64], ног. [НРС, 1963 : 451] *юруьв-* (*юр-*) ‘ходить, идти, двигаться’, ‘ход, ходьба’ < тюрк. [ЭСТЯ, 1989 : 229];
- 35 good 16.71 ног. [НРС, 1963 : 473] *яхшы* ‘хороший’ < тюрк. [ЭСТЯ, 1989 : 63];
- 36 hair 4.14 ног. [НРС, 1963 : 407] *шаиш* ‘волосы; волосяной’ < тюрк. [ЭСТЯ, 2003 : 216], ног. [НРС, 1963 : 199] *кыл* ‘волос, волосок, шерстинка; волосяной’ < тюрк. [ЭСТЯ, 2000 : 204];
- 37 hard 15.74 ног. [НРС, 1963 : 155] *каты* ‘твердый’ < тюрк. [ЭСТЯ, 1997 : 334];
- 38 he/she/it/him/her 2.931 ног. [НРС, 1963 : 244] *ол* ‘он, она, оно’ < тюрк. [ЭСТЯ, 1974 : 444];
- 39 to hear 15.41 ног. [НРС, 1963 : 441] *эситуьв* (*эсит-*) ‘слышать; слушать’ < тюрк. [ЭСТЯ, 1974 : 318];
- 40 heavy 15.81 ног. [НРС, 1963 : 23] *авыр* ‘тяжелый’ < тюрк. [ЭСТЯ, 1974 : 85];
- 41 to hide 12.27 ног. [НРС, 1963 : 472] *ясыруьв* (*ясыр-*) ‘прятать’ < тюрк. [ЭСТЯ, 1989 : 160];
- 42 to hit/to beat 9.21 ног. [НРС, 1963 : 300] *согуьв* (*сок-*) ‘ударять, бить’ < тюрк. [ЭСТЯ 2003 : 286], ног. [НРС, 1963 : 383] *урдыруьв-* (*урдыр-*) понуд. от *уруьв-* ‘велеть (заставлять) ударять, бить, колотить’ < тюрк. [ЭСТЯ, 1974 : 599];
- 43 horn 4.17 ног. [НРС, 1963 : 228] *муьйиз* ‘рог; роговой’ < тюрк. [ЭСТЯ, 1978 : 243];
- 44 house 7.12 ног. [НРС, 1963 : 387] *уьй* ‘дом, хата, сакля, изба, жилище, здание’ < тюрк. [ЭСТЯ, 1974 : 513], ног. [НРС, 1963 : 451] *юрт* ‘дом, жилище’ < тюрк. [ЭСТЯ, 1989 : 254];
- 45 I/me я 2.91 ног. [НРС, 1963 : 221] *мен* ‘я’ < тюрк. [Räs, 1969 : 333b];
- 46 ‘in’ (12.012): ног. аффикс местного падежа *-да, -де, -нда, -нде* ‘в’ < тюрк. [Щербак, 1977 : 39, 175];
- 47 knee 4.36 ног. [НРС, 1963 : 349] *тиз* ‘колени’ < тюрк. [ЭСТЯ, 1980 : 336];
- 48 to know 17.17 ног. [НРС, 1963 : 81] *билуьв-* ‘знать’ < тюрк. [ЭСТЯ, 1978 : 137];
- 49 to laugh 16.25 ног. [НРС, 1963 : 193] *куьлуьв* (*куьл-*) ‘смеяться’ < тюрк. [ЭСТЯ, 1980 : 98];
- 50 leaf 8.56 ног. [НРС, 1963 : 466] *япырак* лист < тюрк. [ЭСТЯ, 1989 : 130];
- 51 leg/foot 4.35 ног. [НРС, 1963 : 56] *аяк* нога < тюрк. [ЭСТЯ, 1974 : 103];
- 52 liver 4.45 ног. [НРС, 1963 : 64] *бавыр* < тюрк. [ЭСТЯ, 1978 : 17];
- 53 long 12.57 ног. [НРС, 1963 : 380] *узун* ‘длинный; длинно’, ‘высокий (о росте)’ < тюрк. [ЭСТЯ, 1974 : 570];
- 54 louse 3.811 the head louse, 3.8112 the body louse ног. [НРС, 1963 : 80] *бийт* ‘вошь’, ‘гля (растительная)’ < тюрк. [ЭСТЯ, 1978 : 151];

- 55 mouth 4.24 ног. [НРС, 1963 : 23] *авыз* 'рот' < тюрк. [ЭСТЯ, 1974 : 81];
- 56 name 18.28 ног. [НРС, 1963 : 51] *ат* 'имя' < тюрк. [ЭСТЯ, 1974 : 198];
- 57 navel 4.43 ног. [НРС, 1963 : 166] *киндик* 'пуп' < тюрк. [ЭСТЯ, 1997 : 68];
- 58 neck 4.28 ног. [НРС, 1963 : 225] *мойын* 'шея' < тюрк. [ЭСТЯ, 1978 : 180];
- 59 new 14.13 ног. [НРС, 1963 : 465] *яньы* 'новый' < тюрк. [ЭСТЯ, 1989 : 124];
- 60 night 14.42 ног. [НРС, 1963 : 164] *кеше* 'ночь' < тюрк. [ЭСТЯ, 1980 : 40], ног. [НРС, 1963 : 370] *туьн* 'ночь' < тюрк. **түн* 'ночь' [СФТЯ, 1970 : 198];
- 61 nose 4.23 ног. [НРС, 1963 : 90] *бурын* 'нос; носовой' < тюрк. [ЭСТЯ, 1978 : 269];
- 62 not 24.06 ног. [НРС, 1963 : 124] *йок* 'нет, не имеется, отсутствует; не существует' < тюрк. [ЭСТЯ, 1989 : 211];
- 63 old 14.15 ног. [НРС, 1963 : 151] *карт* 'старый' < тюрк. [ЭСТЯ, 1997 : 314-316], ног. [НРС, 1956 : 595] *картайган* 'старый' < ног. [НРС, 1963 : 151] *картаюв-* (*картай-*) 'стареть' < тюрк. [ЭСТЯ, 1997 : 314-316];
- 64 one 13.01 ног. [НРС, 1963 : 81] *бир* 'один, одна, одно' < тюрк. [ЭСТЯ, 1978 : 146];
- 65 rain 1.75 ног. [НРС, 1963 : 463] *ямгыр* 'дождь; дождевой' < тюрк. [ЭСТЯ, 1989 : 57];
- 66 red 15.66 ног. [НРС, 1963 : 197] *кызыл* 'красный' < тюрк. [ЭСТЯ, 2000 : 194];
- 67 root 8.54 ног. [НРС, 1963 : 332] *тамыр* 'корень, жилка', 'кровеносный сосуд' < тюрк. [ЭСТЯ, 1980 : 143], ног. [НРС, 1963 : 370] *туьп* 'куст', 'корень' < тюрк. [Räs, 1969 : 505a];
- 68 rope 9.19 ног. [НРС, 1963 : 46] *аркан* 'аркан', 'веревка, толстая веревка' < тюрк. [ЭСТЯ, 1974 : 175], ног. [НРС, 1963 : 69] *бав* 'веревка' < тюрк. [ЭСТЯ, 1978 : 13];
- 69 to run 10.46 ног. [НРС, 1963 : 400] *шабув-* (*шан-*) 'скакать (на лошади); ехать вскачь', 'бежать', 'скачка', 'бег' < тюрк. **чан-* 'скакать' [СФТЯ, 1970 : 198], ног. [НРС, 1963 : 156] *кашув-* 'бежать, убежать, обращаться в бегство, ускользать' < тюрк. [ЭСТЯ, 1997 : 340];
- 70 salt 5.81 ног. [НРС, 1963 : 364] *туз* 'соль' < тюрк. [ЭСТЯ, 1980 : 288];
- 71 sand 1.215 ног. [НРС, 1963 : 187] *кум* 'песок' < тюрк. [ЭСТЯ, 2000 : 133], ног. [НРС, 1963 : 139] *кайыр* 'песок (речной или морской)' < тюрк. [ЭСТЯ, 1997 : 217];
- 72 to say 18.22 ног. [НРС, 1963 : 30] *айтув-* (*айт-*) 'говорить, высказывать, высказываться', [НРС, 1956 : 131] '(выражать мысли, сообщать)' < тюрк. [ЭСТЯ, 1974 : 111], ног. [НРС, 1963 : 306] *совйлев-* (*совйле-*) 'говорить, разговаривать, рассказывать', 'разговор', [НРС, 1956 : 131] '(владеть устной речью)', '(выражать мысли, сообщать)' < тюрк. [ЭСТЯ, 2003 : 318];
- 73 to see 15.51 ног. [НРС, 1963 : 181] *коьрув-* (*коьр-*) 'видеть', 'смотреть' < тюрк. [ЭСТЯ, 1980 : 77];
- 74 shade/shadow 1.63 ног. [НРС, 1963 : 178] *коьлетки* 'тень, сень' < тюрк. [ЭСТЯ, 1997 : 96];
- 75 skin/hide 4.12 ног. [НРС, 1963 : 347] *тери* 'кожа, шкура, шкурка' < тюрк. [ЭСТЯ, 1980 : 207];
- 76 small 12.56 ног. [НРС, 1963 : 168] *кишкей* 'маленький, меньший, младший' < тюрк. [ЭСТЯ, 1997 : 75-77];
- 77 smoke 1.83 ног. [НРС, 1963 : 373] *туьтин* 'дым; дымовой' < тюрк. [Räs, 1969 : 507b];
- 78 soil 1.212 ног. [НРС, 1963 : 358] *топырак* < тюрк. [Räs, 1969 : 489b];
- 79 to stand 12.15 ног. [НРС, 1963 : 366] *турув-* (*тур-*) 'стоять' < тюрк. [ЭСТЯ, 1980 : 296];
- 80 star 1.54 ног. [НРС, 1963 : 447] *юлдыз* 'звезда' < тюрк. [ЭСТЯ, 1989 : 279];
- 81 stone/rock 1.44 ног. [НРС, 1963 : 338] *таc* 'камень; каменный' < тюрк. [ЭСТЯ, 1980 : 167];
- 82 to suck 5.16 ног. [НРС, 1963 : 304] *сорув-* (*соры-*) 'сосать, высасывать', 'сосание, высасывание' < тюрк. [ЭСТЯ, 2003 : 311], ног. [НРС, 1963 : 435] *эмуьв-* (*эм-*) 'сосать, кормиться (материнским молоком)' < тюрк. [ЭСТЯ, 1974 : 271];
- 83 sweet 15.35 ног. [НРС, 1963 : 169] с. 341 *таьтли* 'сладкий, вкусный' < тюрк. [ЭСТЯ, 1980 : 162];
- 84 tail 4.18 ног. [НРС, 1963 : 185] *куйрык* 'хвост' < тюрк. [ЭСТЯ, 2000 : 114];
- 85 to take 11.13 ног. [НРС, 1963 : 39] *алуьв-* (*ал-*) 'брать, взять' < тюрк. [ЭСТЯ, 1974 : 127];
- 86 thick 12.63 ног. [НРС, 1963 : 142] *калын* 'толстый (о плоских предметах)', 'густой' < тюрк. [ЭСТЯ, 1997 : 238];
- 87 thigh 4.351 ног. [НРС, 1963 : 91] *бут* 'бедро, ляжка' < тюрк. [ЭСТЯ, 1978 : 280], ног. [НРС, 1963 : 464] *яньбас* анат. 'бедро' < тюрк. [ЭСТЯ, 1989 : 116];
- 88 this 24.07 ног. [НРС, 1963 : 87] *бу* мест. указ. 'этот, эта, это' < тюрк. [ЭСТЯ, 1978 : 225-228], ног. [НРС, 1963 : 304] *сосы* мест. указ. 'этот', ср. тур. *şu* 'этот; тот', ног. [НРС, 1963 : 227] *мунав* мест. указ. 'этот, эта, это' < тюрк. [ЭСТЯ, 1978 : 225-228];
- 89 to tie 9.16 ног. [НРС, 1963 : 66] *байлав-* (*байла-*) 'вязать, связывать, привязывать', 'привязывание' < тюрк. [ЭСТЯ, 1978 : 13];
- 90 tongue 4.26 ног. [НРС, 1963 : 350] *тил* 'язык; языковый' < тюрк. [ЭСТЯ, 1980 : 228];
- 91 tooth 4.27 ног. [НРС, 1963 : 353] *тис* 'зуб; зубной' < тюрк. [ЭСТЯ, 1980 : 242];
- 92 water 1.31 ног. [НРС, 1963 : 309] *суьв* вода < тюрк. [ЭСТЯ, 2003 : 325];
- 93 what? 17.64 ног. [НРС, 1963 : 235] *не* 'что' < тюрк. [Räs, 1969 : 352a];
- 94 who? 17.68 ног. [НРС, 1963 : 166] *ким* 'кто' < тюрк. [ЭСТЯ, 1997 : 67];
- 95 wide 12.61 ног. [НРС, 1963 : 160] *кень* 'широкий; широко' < тюрк. [ЭСТЯ, 1980 : 46], ног. [НРС, 1963 : 436] *элли* 'широкий (о материи)' < тюрк. [ЭСТЯ, 1974 : 352];

- 96 wind 1.72 ног. [НРС, 1963 : 104] *el* 'ветер; ветряной' < тюрк. [ЭСТЯ, 1989 : 174];
 97 wing 4.392 ног. [НРС, 1963 : 141] *канат* 'крыло; крылья', 'плавник' < тюрк. [ЭСТЯ, 1997 : 252];
 98 wood 1.43 ног. [НРС, 1963 : 25] *агаи* 'дерево (материал); деревянный' < тюрк. [ЭСТЯ, 1974 : 71];
 99 yesterday 14.49 ног. [НРС, 1963 : 370] *туьнегуьн* 'вчера' < тюрк. [ЭСТЯ, 1980 : 315];
 100 you (singular) 2.92 ног. [НРС, 1963 : 294] *сен* 'ты' < тюрк. [ЭСТЯ, 2003 : 232].

Переходя к краткому анализу ног. устойчивого словарного фонда, следует отметить, что в нём развита синонимия, например, пункты: 5, 8, 11, 24, 25, 27, 28, 34, 36, 42, 44, 60, 63, 67, 68, 69, 71, 72, 82, 87, 88, 95.

Синонимия обусловлена различными процессами, но, главным образом, процессами, происходящими с формированием лексики самих кыпчакских языков, к которым относит ног. язык А. М. Щербак. Например, указанная синонимия ног. языка наблюдается и в кирг. Примеры:

34 to go ног. *барув-* (*бар-*) 'идти' < тюрк., ног. *юруьв-* (*юр-*) 'ходить, идти, двигаться', 'ход, ходьба' < тюрк.; ср. кирг. *жур-* 'двигаться, быть в движении; ходить, ездить' < тюрк., кирг. *бар-* 'двигаться (идти, ехать, плыть, лететь), отправляться (удаляясь от говорящего или минуя его)' < тюрк.;

42 to hit/to beat ног. *согув* (сок-) 'ударять, бить' < тюрк., ног. *урдырув-* (*урдыр-*) понуд. от *урув-* 'велеть (заставлять) ударять, бить, колотить' < тюрк.; ср. кирг. *ур-* 'ударять, бить' < тюрк., кирг. *сок-* 'ударять, бить' < тюрк.;

72 to say ног. *айтув-* (*айт-*) 'говорить, высказывать, высказываться' < тюрк., ног. *соьйлев-* (*соьйле-*) 'говорить, разговаривать; рассказывать', 'разговор' < тюрк.; ср. кирг. *айт-* 'говорить, сказать' < тюрк., кирг. *де-* 'сказать, молвить' < тюрк., кирг. *суйлө-* 'говорить' < тюрк. и т.д.

Если отвлечься от происхождения 25 egg ног. *тукымлык* 'яичко', ср. уйг. *тухум* 'яйцо', то в ног. устойчивом словарном фонде обнаруживается единственное монг. заимствование, ср. 28 far ног. *алыс* 'далекий, дальний; далеко' < монг. *alus* > кирг. *алыс* 'далеко'.

В ног. фонде обнаруживается аналитическое глагольное образование, например: 15 to carry ног. *алып барув* 'нести' < тюрк.;

Значения устойчивого словарного фонда являются семантической базой для развития новых значений ног. слов. Например: 9 black ног. *кара* 'черный', 'траур', 'черное пятно; очертание, силуэт, тень' < тюрк.; 24 to eat ног. *ев-* (*е-*) 'есть, кушать, употреблять в пищу', 'точить, подтачивать (о червях)', 'размывать, подмывать (о воде)' < тюрк.;

В целом, устойчивый словарный фонд ног. языка отражает развитие тюрк. форм и значений, вместе с тем, в нём прослеживается иноязычное влияние и инновации.

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №14-04-00346 «Устойчивый словарный фонд тюркских языков»

Примечания

Сокращения:

- кирг. – киргизский
 монг. – монгольский
 ног. – ногайский
 тур. – турецкий
 тюрк. – тюркский
 уйг. – уйгурский

НРС 1956 – Русско-ногайский словарь. Под редакцией проф. Басакова Н.А., около 20 000 слов. Государственное издательство иностранных и национальных словарей. Москва, 1956 г. Составители словаря Абдулжалилов Ф.А., Джанбидева К.К., Калмыкова (Джанибекова) С.А., Курманалиев М.К. 734 с.

НРС, 1963 – Ногайско-русский словарь. 15000 слов. Государственное издательство иностранных и национальных словарей. Москва, 1963 г. Под редакцией Н.А. Басакова. 560 с.

ЭСТЯ 1974 – Севортян Э.В., (1974), Этимологический словарь тюркских языков. Общeturкские и межтюркские основы на гласные. Москва: Наука. 767 с.

ЭСТЯ 1978 – Севортян Э.В., (1978), Этимологический словарь тюркских языков. Общeturкские и межтюркские основы на букву «Б», под редакцией Н.З. Гаджиевой, Москва: Наука. 349 с.

ЭСТЯ 1980 – Севортян Э.В., (1980), Этимологический словарь тюркских языков. Общeturкские и межтюркские основы на букву "И", "Г", "Д", под редакцией Н.З. Гаджиевой, Москва: Наука. 395 с.

ЭСТЯ 1989 – Этимологический словарь тюркских языков. Общeturкские и межтюркские основы на букву "Ж", "Ж", "Й", (1989), под редакцией Л.С. Левитской, Москва: Наука. 293 с.

ЭСТЯ 1997 – Этимологический словарь тюркских языков. Общeturкские и межтюркские лексические основы на букву "К", "К", (1997), Москва: Языки русской культуры. 368 с.

ЭСТЯ 2000 – Этимологический словарь тюркских языков. Общeturкские и межтюркские лексические основы на букву "К", (2000), Москва: Языки русской культуры. 265 с.

ЭСТЯ 2003 – Этимологический словарь тюркских языков. Общeturкские и межтюркские лексические основы на букву "Л", "М", "Н", "П", "С", (2003), Москва: Восточная литература, РАН. 446 с.

СФТЯ 1970 – Щербак А. М., (1970), Сравнительная фонетика тюркских языков, под редакцией А.Н. Кононова, Ленинград: Наука. 204 с.

Щербак 1977 – Щербак А. М., (1977), Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. Имя, под редакцией С.Н. Иванова, Ленинград: Наука. 191 с.

Räs 1969 – Räsänen, M., (1969), Versuch einen etymologischen Wörterbuchs der Türk Sprachen, Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura. 533 S.

Материал поступил в редакцию 02.03.16.

ON THE LEIPZIG-JAKARTA LIST OF THE NOGAI LANGUAGE

I.N. Novgorodov, Dr. habil., Research Professor
Department of Oriental languages and Regional studies,
Institute of Modern Languages and International Studies,
M.K. Ammosov North-Eastern Federal University (Yakutsk), Russia

Abstract. *The Nogai Leipzig-Jakarta list is considered. The majority of the list includes the words of the Turkic origin. Just one borrowing can be traced in the Leipzig-Jakarta list of the Nogai language.*

Keywords: *Nogai, the most resistant words, Turkic similarities, borrowing.*

УДК 811.11

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СЛОВАРНЫХ ПОМЕТ

Г.А. Баева, доктор филологических наук, профессор
 Санкт-Петербургский государственный университет, Россия

***Аннотация.** В статье рассматриваются особенности словарных помет, отражающие изменения в значении и употреблении отдельных лексем на протяжении более чем 100 лет. В качестве источника используются более десяти изданий «Немецкого словаря» Германа Пауля.*

***Ключевые слова:** словарь, словарная статья, помета, лексика, лексикография, стиль.*

Традиционным способом представления системности лексики выступает лексикографическое толкование слова, отраженное в словарных дефинициях в виде комплексного описания семантической структуры слова, указания его грамматических особенностей и стилистического потенциала. Анализ лексикографической информации о слове, заключенной в словарной статье, дает богатую лингводидактическую базу как для правильного использования той или иной лексемы в речи, так и для ее толкования в письменных текстах как «синтез[а] филологии и культуры в широком смысле слова» [1, с. 6].

Существующие словари от самых первых до современных, давая описание словарного состава языка, выполняли и выполняют разнообразные лингводидактические задачи в зависимости от поставленных целей и характера словаря, но их главная их задача – помощь в понимании и интерпретации значения слова, осуществляемая через описание значения слова, приводимые примеры и использование особых словарных помет. Однако, при этом они должны учитывать, как минимум, тот факт, что словарный состав любого языка очень подвижен.

Особенности словарного состава немецкого языка во многом связаны с его тенденцией к наддиалектности, действие которой постоянно усиливалось по мере «восхождения» литературного языка от его первичной формы – территориальных вариантов письменно-литературного языка – через региональные варианты разного типа к единому национальному литературному языку как всесторонне развитому средству письменной и устной коммуникации. Эта тенденция пересекалась с тенденцией к структурно-нормативной унификации, вершиной которой явились постепенное установление и кодификация языковой нормы разных уровней национально-литературного языка [5, с.169]. Фиксация такого развития получала свое отражение в словарях в виде разнообразных указаний или помет. Словарные пометы представляют собой специальные краткие комментарии, характеризующие слово с той или иной стороны, дополняющие и уточняющие его значение. Грамматические пометы дают информацию, например, о частеречной принадлежности слова, о его грамматической форме и грамматическом значении. Стилистические пометы полифункциональны и служат для разнонаправленной квалификации слова с позиции его социальной отнесенности, функциональной принадлежности, положения в лексической системе, собственно стилистического статуса, жанровой характеристики и экспрессивных свойств. Стилистические характеристики лексемы не образуют линейного ряда, но перекрещиваются и взаимодействуют друг с другом, что вызывает объективные трудности в отнесении слова к тому или иному стилистическому разряду. Словарные пометы могут характеризовать слово по его положению в лексической системе не только по оценочной шкале (высокое – низкое), но и по временной оси – по степени новизны или архаичности и по территориальной принадлежности используются различные по составу наборы словарных помет.

Возьмем для примера широко известный и часто переиздаваемый словарь Германа Пауля. Если исходить из классификации словарей, предложенной Л.В. Щербой, и основанной на противопоставлении: 1) словарь академического типа – словарь-справочник; 2) энциклопедический словарь – общий словарь; 3) тезаурус – обычный (толковый или переводной) словарь; 4) обычный (толковый или переводной) словарь – идеологический; 5) толковый словарь – переводной словарь; 6) неисторический словарь – исторический словарь [4, с. 359], то словарь Г. Пауля можно определить как толковый исторический словарь [3, с.403–404].

В предисловии к первому изданию словаря 28 октября 1897 г. Герман Пауль указал, что «Немецкий словарь» предназначен «для всех образованных людей, у которых есть потребность серьезно задуматься о своем родном языке» [8, с. III]. Он пишет, что словарь, в первую очередь, задуман для учебных целей, включая обучение немецкому как иностранному языку. Что касается подбора лексики, то Г. Пауль поясняет, что ограничивается только теми лексемами, которые вошли (дословно *hineinragen* «вдавились») в разговорный язык образованных

людей и в территориальный (lokal) письменный язык [8, с. IV]. Он подчеркивает, что в его намерение не входило включить огромную массу диалектной лексики. Кроме этого, автор словаря указывает и на ограничение специальной лексики той, которая, по его словам, когда-то войдет в общий язык [8, с. IV]. Далее автор дает пояснения в отношении диалектографических помет [8, с. IV]. При включении той или иной лексемы в словарь решающим для Г. Пауля является ее употребительность и распространенность. Что касается стилистических помет, то, как указывает составитель словаря, он пытался учесть различия в употреблении в письменном и разговорном языке и различия между стилями и речевыми употреблениями [8, с. V].

По-видимому, вопрос лексикографических помет волновал Г. Пауля в процессе создания словаря, ибо еще до его опубликования, 3 февраля 1894 г., он сделал доклад на заседании философско-филологического и исторического отдела Баварской Королевской Академии Наук на тему «О задачах научной лексикографии с особым вниманием на немецкий словарь», в котором он указал на источник, которым обладает каждый создатель словаря родного языка – собственное чувство языка [6, с. 139].

Два последующих прижизненных издания «Немецкого словаря» Г. Пауля, появившиеся в 1908 и в 1921 гг. не содержат дополнительных указаний на особенности используемых помет, хотя количество лексем в словаре, по оценке самого автора, увеличилось примерно в пять раз.

Через 14 лет после смерти Германа Пауля, наступившей 29.12.1921г., в 1935 г. Карл Ойлинг (Karl Euling) издает 4-ю переработанную (bearbeitet) версию словаря, в предисловии к которой дается цитата из предисловия Г. Пауля и указывается на сохранение характера словаря и внесение только тех изменений, которые вызваны современным развитием знания [9, с. IX].

После войны словарь Г. Пауля начинают параллельно переиздавать как в ФРГ под руководством В. Бетца, так и в ГДР при участии А. Ширмера. Оба издания мало отличаются друг от друга и от предыдущих изданий. А. Ширмер в издании 1956 г., в частности, указывает, что изменений почти нет [10, с. III], а в издании 1959 г. говорит, что незначительные изменения коснулись многозначных слов, особенно предлогов и частиц, в то время как этимологические пометы были расширены, кроме этого также увеличилось число иностранных слов, и с пафосом заключает: “Möge somit das Paulsche Wörterbuch auch in seiner neuen Gestalt bleiben, was es bisher war: eines der besten Hilfsmittel zum Verständnis der Entstehung und Entwicklung der neuhochdeutschen Schriftsprache von Luther bis zur Gegenwart” [11, с. V].

Последующие издания словаря в ГДР (1960 и 1961 гг.) были стереотипными.

Интересно, что через 70 лет после появления словаря Г. Пауля, лексикографы из ГДР Рут Клаппенбах (Ruth Klappenbach) и Вольфганг Штейниц (Wolfgang Steinitz) в предисловии к своему «Словарию современного немецкого языка» в связи с особенностями стилистического маркирования немецкой лексики и определенного субъективизма при ее стилистической оценке снова указывают на чувство языка [13, с. 015].

После объединения Германии в 1992 г. издается 9-ое полное и заново переработанное издание словаря Германа Пауля, которое осуществили Helmut Henne und Georg Objartel при участии Heidrun Kämper-Jensen. В предисловии они подчеркивают, что сохраняют принципы построения словаря, заложенные его основателем [12, с. IX]. Поясняя структуру словарной статьи, они впервые указывают на так называемые стилистические уровни и стилистическую окраску (Stilschichten und Stilfärbungen) [12, с. XI]. Из раздела «Сокращения» вытекает, что в словаре различаются следующие пять стилистических уровней:

bildungsspr., Bildungsspr. (bildungssprachlich, Bildungssprache) dichter, (dichterisch), geh. (gehoben), poet. (poetisch), ugs., Ugs. (umgangssprachlich, Umgangssprache) [12, с. XVI].

Стилистическая окраска лексем определяется по следующим четырем параметрам:

euphem. (euphemistisch) bzw. verhüll. (verhüllend),

iron. (ironisch),

neg. wert. (negativ wertend),

scherzh. (scherzhaft).

Кроме этого, в отдельных словарных статьях используется помета „abwertend“, например:

Frack [...] abwertend >schäbiges Kleidungsstück> *ein alter F.*

Frauenzimmer [...] heute allg. abwertend.

Hellseher [...] abwertend [...] *man braucht kein H. zu sein.*

Schwarte [...] übert. abwertend >altes Buch> [...].

В разделе “Sprachgeographische Angaben” даются пояснения к использованию помет по территориальному варьированию лексики [12, с. XI]. В разделе “Angaben zu Kommunikationsbereichen” обращается внимание на «специализацию» лексики с указанием на ее профессиональное использование [12, с. XI]. Важным, на наш взгляд, является настойчивое указание на то, что речь идет “weniger um systematische als vielmehr um historische Aspekte” [12, с. XI].

Для понимания стилистических терминов, используемых для помет в словарных статьях, проследим их трактовку в самом словаре. Например:

derb „[...] >kräftig, grob< (1600 eine derbe mauschelle; PBB[H] 97,218); [...] bei Goe. meist positiv >kraftvoll, tüchtig< (“typisches G-sches Urteilswort” GoeWb) [...]”.

gehoben [...] **1.1.** > gewählt< *In der gehobenen Sprache des Redners und Dichters* [...], in dieser Bed. stilistische Kennzeichnung [...].

Указание на «книжность» лексемы осуществляется через помету **literarisch** и дано в словарной статье как производное от **Literatur**:

literarisch „nach einem vereinzelt Frühbeleg“ (Pfeifer) im 16. Jh. üblich erst im 18. Jh. (1759 Le.; W/H), *literarische Kenntnisse* (1781 Musäus; FWb) hier wohl nach Bed. (2) von **Literatur**.

В словарной статье для лексемы **Literatur** читаем под пунктом 2 следующее: „2> Gesamtheit der Texte <Was man die Litteratur eines Volkes nennt, ist der Inbegriff der Werke, die es in seiner Sprache besitzt (1773 Garve; ebd.); diese Bed. bleibt bis heute erhalten und wird durch Kontext und Situation, z.B. *medizinische L.*, spezifiziert; L. wird zu Anfang des 19. Jhs. Zur Abbeviatur [...] für >schöne Literatur [...]“.

В связи с обсуждаемым выше, необходимо сказать несколько слов о помете «разговорный» (U, umg.). Тенденция к постоянному взаимодействию между диалектом (полудиалектом) и литературным языком привела к созданию промежуточной разновидности речи – разговорной или обиходно-разговорной. Результатом такого развития является так называемая поливалентность немецкого языка со сложной функционально-стилевой дифференциацией литературного языка, делающей его гибким средством разносторонней коммуникации с большим потенциалом выразительности. Несмотря на то, что о разговорном языке начинают говорить уже в XIX в., сразу определив его двойственное положение как “doppelzügiges Wesen” [7, с. 25], он долгое время не становится объектом исследования ни лингвистов-диалектологов, ни лингвистов-исследователей нормы. Двойственность положения разговорного языка заключается в том, что в городах он ближе к стандарту, норме, а в сельской местности – к диалекту. Такая вариативность разговорного языка постепенно создает стиль повседневного общения, который проникает и в литературный язык. По своему функциональному назначению разговорная речь постепенно вытесняет диалект. О единстве разговорного языка в Германии долгое время не могло быть и речи. Само понятие «разговорный язык» в основном не использовалось, ибо большинство лингвистов, как и прежде, волновал вопрос о соотношении диалекта и письменной нормы. Появление новой формы немецкого языка в виде разговорного как феномена развития немецкого языка относят лишь к середине XX в., к послевоенному периоду 50-х годов [9, с. 161].

Постепенное и осторожное вхождение элементов разговорного языка и, прежде всего, разговорной лексики в поле зрения исследователей подтверждается и фактом их различной интерпретации в словарях, что находит отражение в использовании регистровых помет и не только в словаре Г. Пауля. Например, в «Орфографическом словаре» Дудена 1967 г. (Duden-Rechtschreibung. Mannheim, 1967) на четыре произвольно взятых буквы (G, E, K, U) только к 33 лексемам дана помета «разговорный», в издании 1973 г. – уже 194. К сходным результатам приходит и П. Браун, анализируя словарные статьи на другие буквы [5, с. 30]. Интересно, что в словарях, изданных примерно в одно и то же время в ГДР и в ФРГ, есть расхождения в маркировках разговорной лексики. Многие лексемы, отмеченные в 6-томном словаре “Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache” (WDG), изданном в ГДР в 1977 г. под редакцией Р. Клаппенбах и В. Штейница, как «разговорные» (umg.), в 6-ти томном словаре “Duden. Das Große Wörterbuch der deutschen Sprache” (GWB), изданном в ФРГ в 1976 г. под редакцией Г. Дроздовски, даются уже без пометы, т.е. как нейтральные слова, а маркируемые в WDG как «фамильярные» (salopp) в GWB во многих случаях определяются как «разговорные» (umg.). Трудно соотнести объективную картину лексического строя немецкого языка и субъективизм составителей словарей, но фактом остается включение и продуктивное усвоение системой языка значительного количества лексических единиц, «порожденных разговорной стихией». Как пишет В. Д. Девкин в предисловии к Немецко-русскому словарю разговорной лексики: «Когда разговорно окрашенное слово нужно и актуально в предметно-понятийном отношении, если оно отвечает требованиям «назывной техники», в меру четко, удобно, своеобразно, неповторимо, легко понимается и запоминается, кодификация в будущем ему обеспечена» [2, с. 19].

Вернемся к различным изданиям словаря Германа Пауля и проследим на примерах, как изменялась стилистическая окраска некоторых произвольно выбранных лексем:

Лексема	ANGESICHT	ANTLITZ
1-е изд. 1897	без пометы	jetzt nur in feierlicher Rede
2-е изд. 1908	nur in gehobener Sprache	jetzt nur in feierlicher Rede
3-е изд. 1921	nur in gehobener Sprache	jetzt nur in feierlicher Rede
4-е изд. 1935	nur in gehobener Sprache	jetzt nur in feierlicher Rede
5-е 1956 (ГДР)	nur in gehobener Sprache	jetzt nur in feierlicher Rede
5-е 1966 (ФРГ)	nur in gehobener Sprache	jetzt nur in feierlicher Rede
7-е 1976 (ФРГ)	nur in gehobener Sprache	nur in feierlicher Rede
9-е 1992	heute gehoben wie Antlitz	Wort des gehobenen Stils

Синонимичные лексемы высокого стиля “Angesicht” и “Antlitz”, как видно из приведенных данных из разных изданий словаря, практически не изменили своего стилистического статуса, сохраняя на протяжении столетия принадлежность к высокому, торжественному стилю речи (у “Angesicht”, если судить по пометам, это происходит чуть позже, чем у “Antlitz”).

Практически то же самое можно сказать о глаголах сниженного стиля “flennen” и “greinen”:

Лексема	FLENNEN	GREINEN
1-е изд. 1897	vulgär, verächtlich für “weinen”	vulgär verächtliche Bezeichnung für “weinen”
2-е изд. 1908	vulgär, verächtlich für “weinen”	vulgär verächtliche Bezeichnung für “weinen”
3-е изд. 1921	vulgär, verächtlich für “weinen”	vulgär verächtliche Bezeichnung für “weinen”
4-е изд. 1935	vulgär, verächtlich für “weinen”	vulgär verächtliche Bezeichnung für “weinen”
5-е 1956 (ГДР)	umgangssprachl., verächtlich für “weinen”	umgangsspr. verächtliche Bezeichnung für “weinen”
5-е 1966 (ФРГ)	U., verächtlich für “weinen”	U. abschätzig für “weinen”
7-е 1976 (ФРГ)	U., verächtlich für “weinen”	U. abschätzig für “weinen”
9-е 1992	ugs., verächtlich für “weinen”	ugs. abwertend “weinen”, “jammern”

Несколько иной путь развития можно увидеть, проследив за словарными пометами лексемы высокого стиля “Aar” и ругательства “Aas”:

Лексема	AAR	AAS
1-е изд. 1897	als edlere, vorzugsweise poetische Bezeichnung	как ругательство не зафиксировано
2-е изд. 1908	nur als edlere, vorzugsweise poetische Bezeichnung	häufig als Schimpfwort
3-е изд. 1921	nur als edlere, vorzugsweise poetische Bezeichnung	häufig als Schimpfwort
4-е изд. 1935	nur als edlere, vorzugsweise poetische Bezeichnung	gewöhnlich als Schimpfwort
5-е 1956 (ГДР)	nur edlere, vorzugsweise poetische Bezeichnung	häufig als Schimpfwort
5-е 1966 (ФРГ)	nur als edlere, vorzugsweise poetische Bezeichnung	häufig als Schimpfwort
7-е 1976 (ФРГ)	nur als edlere, vorzugsweise poetische Bezeichnung	häufig als Schimpfwort
9-е 1992	in der 2.H. d.18.Jhs. wird A. “Adler” poet. wiederbelebt; heute veraltet.	grobes Schimpfwort

Лексема “Aar” уже в первом издании словаря маркируется как использующаяся для «более благородного (edlere), преимущественно поэтического обозначения», которое «возобновляется» во 2-ой половине XIX в., сегодня же слово воспринимается как устаревшее. Лексема “Aas” первоначально трактуется как нейтральное и только позже начинает употребляться как ругательство, а затем и как грубое ругательство.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян, Ю. Д. Лексикографическая концепция Нового большого англо-русского словаря / Ю. Д. Апресян, Э. М. Медникова, А. В. Петрова и др. // Новый большой англо-русский словарь. – М., Русский язык, 1993, т. 1, сс. 6–17.
2. Девкин, В. Д. Немецко-русский словарь разговорной лексики / В. Д. Девкин. – М., 1994.
3. Зиндер, Л. Р. Современный немецкий язык / Л. Р. Зиндер, Т. В. Строева. – М., 1957.
4. Щерба, Л. В. Языковая система речевая деятельность / Л. В. Щерба. – М., 2004.
5. Braun, P. Tendenzen in der Entwicklung der deutschen Sprache / P. Braun. – München, 1992.
6. Henne, H. Sprachtheorie, Sprachgeschichte, Philologie. Reden, Abhandlungen und Biographie / H. Henne, J. Killian, P. Hermann. – Tübingen 1998. Reihe Germanistische Linguistik, 200.
7. Mattheier, K. J. Pragmatik und Soziologie der Dialekte. Einführung in die kommunikative Dialektographie des Deutschen / K. J. Mattheier. – Heidelberg, 1980.
8. Paul, H. Deutsches Wörterbuch / H. Paul. – Halle/Saale, 1897.
9. Paul, H. Deutsches Wörterbuch. 4. Aufl. Bearbeitet von K. Euling / H. Paul. – Halle/Saale, 1935.
10. Paul, H. Deutsches Wörterbuch. 5. Aufl. Bearbeitet von A. Schirren / H. Paul. – Halle/Saale, 1956.
11. Paul, H. Deutsches Wörterbuch. 6. Aufl. Bearbeitet von A. Schirren / H. Paul. – Halle/Saale, 1959.
12. Paul, H. Deutsches Wörterbuch. 9., vollständig neu bearbeitete Auflage von H. Henne und G. Objartel unter Mitarbeit von H. Kämper-Jensen / H. Paul. – Tübingen, 1992.
13. Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache / Hrsg. von R. Klappenbach und W. Steinitz. 6 Bde. Berlin, 1961–1977.

Материал поступил в редакцию 29.02.16.

LINGUODIDACTIC POTENTIAL OF DICTIONARY FIELD LABELS

G.A. Baeva, Doctor of Philological Sciences, Professor
Saint-Petersburg State University, Russia

***Abstract.** The article deals with the peculiarities of field labels in dictionaries reflecting the changes in meaning and use of selected lexemes over the period of more than 100 years. As the source of data over ten editions of Deutsches Wörterbuch by Hermann Paul have been used.*

***Keywords:** dictionary, dictionary entry, field label, lexicon, lexicography, style.*

УДК 811.111

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В АУТЕНТИЧНЫХ СТАТЬЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

М.М. Иванова¹, А.А. Лукина², В.В. Левченко³

^{1, 2} преподаватель, ³ доцент

Кафедра «Иностранные языки-1»,

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Москва), Россия

***Аннотация.** Статья посвящена комплексному исследованию использования медицинской терминологии в аутентичных текстах экономической направленности. Цель работы – представить общую картину функционирования специальной медицинской лексики в языке, а также проследить ее использование на конкретных примерах. Основное внимание уделяется причинам перехода терминов из одной терминологической системы в другую, выделяются характерные особенности терминологических систем, приводится классификация терминов по широте использования в специальном обиходе. Основное содержание статьи составляет анализ англоязычных новостных ресурсов, посвященных экономическому спаду и последствиям кризиса в различных странах, где наиболее частотное употребление медицинских терминов с переносом значения.*

***Ключевые слова:** терминологическая система, термины, детерминологизация, медицинская терминология, экономическая область употребления.*

Тема статьи – процесс перехода и активное использование медицинской терминологической лексики в экономических текстах. Этот вопрос в своих работах поднимали такие авторы, как Н.И. Ануфриева, В.М. Лейчик, В.А. Пономаренко и другие.

Для того, чтобы охарактеризовать и объяснить процессы, которым подвергается терминологическая система английского языка, следует определить само понятие «термин». Под терминами мы привыкли понимать слова или словосочетания, называющие специальные понятия какой-либо сферы производства, науки, искусства. Как известно, в основе каждого термина обязательно лежит определение (дефиниция) обозначаемой им реалии, благодаря чему термины представляют собой ёмкую и в то же время сжатую характеристику предмета или явления. Лингвисты дают различные определения данному понятию. А.А. Реформатский определяет термины как «однозначные слова, лишённые экспрессивности» [13: 8]. По мнению М.М. Глушко, «термин – это слово или словосочетание для выражения понятий и обозначения предметов, обладающее, благодаря наличию у него строгой и точной дефиниции, четкими семантическими границами и поэтому однозначное в пределах соответствующей классификационной системы» [6: 33]. И.В. Арнольд даёт такое определение: «Термин – слово или словосочетание, обозначающее понятие специальной области знаний, науки или культуры» [3: 229].

Важно подчеркнуть, что, в отличие от профессионализмов и жаргонизмов, терминологическая лексика употребляется преимущественно в письменной речи. Интересно отметить, что профессионализмы воспринимаются как «полуофициальные слова», не имеющие строго научного характера, а жаргонная лексика, в свою очередь, обозначает понятия, которые в общенародном языке уже имеют наименования, но данные понятия используются определённым кругом носителей языка, объединённых общностью интересов, занятий, положением в обществе [7].

В составе терминологической лексики можно выделить несколько «слоёв», различающихся сферой употребления и особенностями обозначаемого объекта. В наиболее общих чертах это деление отражается в разграничении общенаучных терминов (они составляют общий понятийный фонд науки в целом, не случайно обозначающие их слова оказываются наиболее частотными в научной речи) и специальных, которые закрепляются за определёнными областями знания.

Терминологическая лексика включает в себе больше информации, чем всякая другая, поэтому употребление терминов в научном стиле является необходимым условием краткости, лаконичности, точности изложения. В отличие от слов общеупотребительных, которые часто бывают многозначными и экспрессивно окрашенными, терминам свойственны однозначность и отсутствие экспрессии.

Научно-технический прогресс обусловил интенсивное развитие научного стиля и его активное влияние на другие функциональные стили современного литературного языка. Использование терминов за пределами научного стиля стало своеобразной приметой времени.

В зависимости от широты использования в специальном обиходе, степени известности и употребляемости в общем обиходе, выделяются две разновидности терминов. К первой разновидности относятся термины, входящие в состав только одной терминологической системы, то есть узкоспециальные. В специальных текстах не требуется, как правило, особого выделения и пояснения единиц этого разряда. К данной группе относятся профессиональные названия некоторых инструментов и медицинских препаратов, лингвистические термины и т.д.

Однако, многим носителям русского языка подобная лексика чаще всего неизвестна, поэтому её необходимо растолковывать в сносках или ссылаться на терминологические словари. Кроме того, возможно доступное пояснение специального термина и путём подбора понятного, русского или давно освоенного синонима или синонимичного выражения.

Во вторую группу входят термины, которые могут входить в разные терминологические системы. Термины подобного рода имеют более широкий спектр употребления, поэтому они могут переходить в общий обиход, в другие стили речи и даже стать выразительным средством публицистической и художественной речи.

В данной статье речь пойдет о причинах и частотности перехода медицинской терминологии в экономическую сферу употребления. Цель работы – представить общую картину функционирования специальной медицинской лексики в языке, а также проследить ее использование на конкретных примерах в текстах экономической направленности.

Существует ряд причин перехода терминов из одной терминологической системы в другие. Как уже было сказано выше, зачастую это происходит из-за расширения сферы употребления. Активному проникновению терминов в общий обиход способствует технический прогресс и освоение научно-технических достижений. Более того, специальная лексика в настоящее время стала основным источником пополнения общенародного словарного запаса. При переходе специального слова в общее употребление наблюдается также явление так называемой детерминологизации, которое связано с расширением семантики, образованием переносных значений, установлением смысловых связей, неизвестных в узкоспециальных сферах знания. Данное явление было достаточно подробно рассмотрено Б.Б. Абилахасимовой в статье «Детерминологизация в современном газетном тексте». [9: 83] Благодаря определению Н.Ф. Непийводи, под детерминологизацией мы привыкли понимать процесс превращения научного термина в общеупотребительное слово путем нейтрализации его дефинитивной функции [3]. Постоянное взаимодействие между общеупотребительной лексикой и лексикой ограниченного употребления (в данном случае – специальной) традиционно выражается, в частности, и в том, что отдельные термины, расширяя сферу применения, употребляются в несвойственных им контекстах, вследствие чего переосмысляются. В результате, такие слова или вовсе перестают быть терминами, или развивают новые лексико-семантические варианты, не имеющие специального, узкопрофессионального значения. Расширение сферы употребления специальной лексики, сопровождаемое её детерминологизацией, постепенно приводит к олитературиванию терминов, то есть формированию новых, часто образных значений и закреплению этих значений в общих толковых словарях. Так, например, в словарях у многих терминов отмечены новые значения, которые даются уже без пометы «спец.», указывающей на узкоспециализированное употребление лексических единиц, что свидетельствует об их переходе в общий обиход. Следует отметить, что обозначенная тенденция наиболее характерна для точных и естественных наук, в частности для медицины.

Появление медицинских терминов в сфере экономики можно также объяснить антропоморфизмом. Данный процесс подразумевает под собой наделение человеческими качествами некоторых предметов и явлений. Это происходит не только со словами, которые претерпевали смысловые изменения в течение долгого временного периода, но и с вполне современными терминами. Процесс идёт и сейчас. Продолжится он, вероятнее всего, и в будущем.

Рассмотрим переход терминов из медицинской сферы употребления в экономическую на примере статей средств массовой информации о кризисной обстановке в различных странах мира.

С 2010 года Греция не сходит с полос новостных лент. Напомним, что с 2010 года эта страна официально была вынуждена просить финансовой помощи у ЕС для того, чтобы избежать банкротства. От греческого финансового кризиса пострадали непосредственно банки, которые обеспечивают государственный долг и владеют основной частью греческих государственных облигаций. Само слово «кризис» (англ. crisis) имеет медицинское происхождение и в переводе с греческого языка означает поворотный пункт, исход, тяжелое переходное состояние. Данное понятие используется в медицине как в широком значении при ухудшении состояния больного, так и, согласно Большой медицинской энциклопедии, в более узком, конкретном значении, когда речь идет об одной из форм третьего периода лихорадки. В экономическом же смысле слово «кризис» приобрело значение «нарушение обычного течения хозяйственной жизни, вызванное той или иной причиной», а также «экономическое потрясение переломного характера» [1].

Предположим, что экономика любой страны воспринимается как одушевлённый предмет, который имеет «здоровье», которое, как и у любого живого существа, может улучшаться или ухудшаться. Данный случай является ярким примером процесса антропоморфизма в действии. Слово “health” используется, чтобы передать идею об общем состоянии тела или разума, в русском языке мы используем для этого значения слово «здоровье». В случае с Грецией, экономика страны «заболела», и её состояние на первый квартал 2015 года не предвещало никакого улучшения, что видно из примеров: “Greek cash-strapped banks, whose health – or lack of it – has been so much under scrutiny in recent months” [15]; “The primary cause of the desperate worsening of Greece’s economic and financial plight is the pernicious interaction between a chronically weakened banking system and an economy being plunged back into recession” [16]. Обратим внимание на еще один медицинский термин – “recession”, или рецессия, произошло от латинского слова “recession”, что означает отступление, отдаление. В медицине данный термин употребляется, когда речь идет о хирургической операции по исправлению косоглазия, заключающегося в перемещении кзади места прикрепления к склере одной из наружных мышц глаза. Чуть

позже данный термин стал использоваться при обозначении каких-либо анатомических дефектов, например, уменьшение количества ткани за счет некроза [5]. И в английском, и в русском языках слово с этим значением из узкоспециального перешло в ранг широко употребляемых терминов, при этом практически полностью изменив свое исходное семантическое значение. В экономическом смысле данное слово приобрело значение относительно умеренного, некритического спада производства или замедления темпов экономического роста [8].

Постепенное ухудшение и ослабление экономической системы вылилось в полноправную рецессию без надежды на выздоровление, более того, Греция даже балансировала на «границе смерти» в июле 2015 года: *“Presumably the explanation is that Greece's near-death experience in July”* [17]. Тем не менее, аналитики видят некий свет в конце туннеля; кризис сравнивается с раной, которую немедленно нужно прижечь: *“The conventional wisdom is now that we can allow a Grexit and just cauterise the wound, but it's not that simple”* [18]. Здесь мы также сталкиваемся с образом скорой помощи, который всё-таки внушает нам некую надежду на выход из сложившейся ситуации: *“a path to genuine recovery”* [17]; *“aid to the poorest pensioners”* [15], *“additional emergency lending”* [19].

Уязвимость здоровья экономики Греции также прослеживается благодаря следующим словосочетаниям: *“an economy with a private sector as feeble as Greece's”* [20], *“to be economically and financially vulnerable”* [Там же]. Нам бы хотелось не только сравнить кризис экономики в Греции с болезнями, присущими живым, полноценно функционирующим организмам, но и привести некую образность, применяя заимствование медицинских терминов для наибольшей метафоричности и образности клишированного текста.

Как было указано выше, мы рассматриваем экономику как одушевленный предмет, как пациента, которому требуется лечение, которое на данный момент согласно некоторым экспертам, к сожалению, не только не приносит никаких результатов, но и ухудшает ситуацию, усиливая боль, подвергая всех депрессии. Таким образом, вместо привычной табуированной лексики мы можем наблюдать такие выражения, как *“Rather than nursing the economy back to health, the result was deep wage and pension cuts and a downturn on the scale of the great depression”*: *“Far from healing the Greek economy, the troika's shock therapy heightened the pain of deep spending cuts – and the Greek people's sense that they had lost control of their destiny”* [21].

Рассмотрим медицинский термин «депрессия» (англ. depression). Это состояние, согласно профессиональной терминологии, характеризуется мрачным настроением, подавленностью или печалью, что может быть выражением плохого здоровья. В медицинском контексте термин относится к болезненному психическому состоянию, при котором доминирует пониженное настроение и которое часто сопровождается рядом ассоциативных симптомов, в частности тревогой, агитацией, ощущением собственной неполноценности, суицидальными мыслями, различными соматическими симптомами, физиологической дисфункцией (например, бессонница) и жалобами. Депрессия как симптом или синдром является основной или значимой особенностью в целом ряде категорий заболеваний. Термин широко используется для обозначения симптома, синдрома и болезненного состояния. В экономическом же контексте слово “depression” имеет сходное значение со словом “recession”, и финансовые толковые словари нередко ставят их в ряд синонимов. Так, современный экономический словарь дает этому термину следующее определение: «застой в экономике, характеризуемый отсутствием подъема производства и деловой активности, низким спросом на товары и услуги, безработицей. Обычно депрессия возникает после и в результате экономического кризиса. Депрессия после кризиса свидетельствует, что экономический кризис перешел в завершающую фазу, и следует ожидать оживления, а затем и подъема экономики» [4].

Примером употребления данного термина в сфере экономики может стать и нынешняя ситуация в России. Всем известен тот факт, что избыток санкций, которое сравнивают с полнокровием, и резкое падение цен на нефть нанесли значительный вред экономике нашей страны, тем самым подвергая депрессии уровень доходов: *“The downgrade could not only harm Russia's image among investors, but also push up its borrowing costs”*; *“The enduring slump in oil prices sharply depresses export revenues”* [22]; *“Rather, it is the oil-exporter that is subject to a plethora (полнокровие, избыток) of Western sanctions”* [23].

Возвращаясь к ситуации в Греции, следует добавить, что реабилитация и выздоровление ее экономики, по мнению автора, все же возможны, но только при том условии, что Греция прислушается к советам стран Европейского союза и примет предложенные ими болезненные меры по восстановлению экономики и выходу из кризиса, которые однажды принесут облегчение: *“painful austerity measures”* [16], *“rehabilitating the banks”* [20], *“the Greek economy remain in intensive care”* [24], *“So for all the relief throughout the Eurozone that Syria has finally been battered into submission, the new bailout will only hold if Tsipras can offer hope of better times ahead”* [17].

Однако не только Греция в последние два десятилетия находится в затруднительном положении. Европейский Союз также «был весь в синяках» из-за перманентной финансовой помощи Португалии и республике Ирландия: *“Since 2008 the Eurozone has been badly bruised by the massive bailouts provided for Greece, the Republic of Ireland and Portugal”* [25]. Крайне любопытен тот факт, что оказываемое Брюсселем содействие этим двум странам сравнивается с лекарством, которое вроде бы должно было вылечить, а оно, наоборот, практически загубило их, но помогло избежать частых визитов к доктору, то есть в Брюссель: *“Portugal and Ireland are taking their medicine, and while it nearly killed them, their forbearance is being rewarded with fewer visits from the doctor”* [Там же]. Налогоплательщики Западной Европы выражают своё недовольство из-за постоянной поддержки «ослабевающих» банков Южной Европы: *“There is a widespread reluctance to commit more EU taxpayers’*

money to *ailing banks in southern Europe*” [Там же]. Любопытно, что в первом значении глагол “ail” переводится как «болеть, хворать», однако при переводе с английского языка на русский медицинский оттенок практически утрачивается. Поскольку значения единиц разных языков полностью не совпадают, замещающие друг друга элементы оригинала и перевода, как правило, не тождественны по смыслу. В данном случае полисемия английского слова “ail” позволяет нам компенсировать утерянное исходное значение за счет подбора менее узкоспециального синонима в русском языке.

Также интересно рассмотреть экономическую ситуацию, сложившуюся в 2008 году в Великобритании. Напомним, что в связи с национализацией нерентабельных банков, сокращением налогов на 20 млрд. и снижением процентной ставки, британской экономике не подошло «традиционное лечение», поэтому было принято решение обратиться за радикальными идеями к Америке, для так называемой реанимации пациента: “*As the British economy fails to respond to conventional medicine, the Bank of England is now looking towards America for more radical ideas that might help to resuscitate (реанимировать) the patient*” [26]. Поскольку «пациент» находился на аппарате, обеспечивающем жизнедеятельность, то есть уже в совсем плачевном состоянии, управляющему Банку Англии Мервину Кингу пришлось прибегнуть к более рискованному и опасному лечебному средству: “*With much of the financial system already on life support, Mervyn King is preparing to resort to ever more dramatic and risky remedies*”; “*King’s staff, like number-crunchers in many other crisis-hit countries, are busily drawing up contingency plans for what to do when they have run out of rate-cutting medicine*”; “*It’s as if you have a medicine that only works when the patient recovers*” [Там же]. Сложившаяся ситуация крайне тяжело отразилась на настроениях в обществе: рос уровень безработицы, и малый и средней бизнес трещал по швам; экономисты только разводили руками и были крайне нерешительны в своих действиях, а точнее даже были парализованы: “*Nick Bloom, an economist at Stanford University, has carried out research on 16 ‘uncertainty shocks’, and found that they tend to paralyze decision-makers*” [Там же]. В качестве одного из вариантов в сложившейся ситуации была предложена так называемая «шоковая терапия»: “*King may soon decide it is time to resort to the monetary equivalent of shock treatment*” [Там же].

На данный момент все внимание британской экономики приковано к ценам на нефть. Согласно мнению экспертов, сегодняшнее положение дел на нефтяном рынке послужит толчком к восстановлению города Лидс, и это станет катализатором многомиллионных инвестиций в данный регион: “*A new arena will lead the economic regeneration of Leeds city centre and be the catalyst for hundreds of millions of pounds of new investment, a senior councillor has claimed*” [27].

Также обратимся к экономике Зимбабве. Известно, что на сегодняшний день уровень инфляции в данной африканской стране является рекордно высоким. Само слово «инфляция» (англ. inflation), если мы взглянем на этимологию этого слова, тоже имеет свои корни в медицинской терминологии. Первоначально это слово обозначало «болезненное вздутие какого-либо органа» [10] и было заимствовано в экономическую область еще в 19 веке. Английское слово “inflation” происходит от латинского “inflatio” – вздутие, вздувание и от “inflare” – вздуть, от in – в- и flare – дуть, вздуть. Слово используется главным образом как экономическое понятие для обозначения роста цен и обесценивания денег. Возможно использование в переносном значении – обесценивание идей и чувств.

Вернемся к кризисной ситуации в Зимбабве. Правительство надеется на помощь своих зарубежных коллег, то есть доноров, которые помогут не только оживить экономику, но поспособствуют выздоровлению экономики с последующим поддержанием ее здоровья: “*The president is demanding foreign donors to aid to revive the economy*”; “*We have no option but to take this drastic measure in order to maintain sanity in the financial system*” [27]. Слово “sanity” является устаревшим синонимом слова “health” и сейчас мало употребим, однако не утратил такие значения, как «разумность, здравый смысл, благоразумие; нормальная психика» [12]. И хоть данные значения вряд ли могут попасться в текстах экономической направленности, связь с медициной этот термин все же сохранил.

Давайте взглянем на ситуацию в экономике в Австралии, согласно мнению аналитиков, ее состояние можно охарактеризовать как вялое: “*The cause of these poor results is clear. The Australian economy has been sluggish for the past seven years*” [28], по большей части из-за слабого роста или вообще снижения заработной платы: “*Weak wages growth is a double-edged sword for the economy*” [29]. Одной из рекомендаций стало сохранение штрафной ставки как панацеи для восстановления экономики: “*Until the economy does pick up steam, the wages and unemployment data should silence those arguing for further wage cuts, including penalty rates as some sort of panacea for fixing the economy*” [Там же]. Большой медицинский словарь говорит, что «панацея» – это универсальное средство, исцеляющее от всех болезней, поиском которого занимались алхимики [5]. И в английском, и в русском языках данный термин уже давно покинул границы одной медицинской терминологической системы и проник как в состав лексики повседневного обихода в общем, так и в сферу экономики, в частности, практически не изменив своего первичного значения, что мы и видим на примере последнего предложения.

Стоит также отметить, что медицинские термины, употребляемые в статьях на экономическую тематику, обладают негативной коннотацией, поэтому, проанализировав статьи о странах с наиболее стабильной и развитой экономикой, мы пришли к выводу, что термины медицинской тематики практически не употребляются в вышеупомянутых статьях. Это же в своей работе отмечает и Б.Б. Абилхасимова, подчеркивая, что «расширению использования медицинской терминологии на страницах газет способствует, с одной стороны, высокий

авторитет медицины в обществе, пропаганда медицинских знаний; с другой стороны, многие медицинские термины в силу особенностей своей тематики оказываются благодатным материалом для характеристики различных отрицательных явлений» [9: 85].

Подводя итог, хотелось бы сказать, что проведенный анализ перехода терминов из медицинской терминологической системы в экономическую представляет собой еще не до конца изученную, но, тем не менее, очень интересную область для исследования. Более того, касательно этой темы остаются не изученными некоторые вопросы, например, что является препятствием или катализатором проникновения терминов из одной сферы деятельности в другую, с какой периодичностью это происходит, и какие предпосылки предшествуют этому процессу. Учитывая тот факт, что само понятие «термин» не имеет единственно правильного определения и может трактоваться по-разному, а также то, что этот процесс продолжается до сих пор, мы хотим подчеркнуть, что поднятая в этой статье проблема остается актуальной и по сей день.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азрилиян, А. Н. Большой экономический словарь / А. Н. Азрилиян. – Институт новой экономики. – М.: 1997.
2. Ануфриева, Н. И. Из медицины – в экономику: приключения терминов / Н. И. Ануфриева, О. Б. Куприянова. – URL: http://www.ecotrends.ru/images/Journals/2010-2019/2011/N04/3_Articles/184Anufrieva2011_04.pdf (дата доступа 25.12.2015).
3. Арнольд, И. В. Лексикология современного английского языка: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / И. В. Арнольд – М.: Высшая школа, 1986.
4. Беленький, Н. С. Справочный коммерческий словарь / Н. С. Беленький, Г. И. Натансон. – М., 1926.
5. Большой медицинский словарь. – М., 2000.
6. Глушко, М. М. и др. Функциональный стиль общественного языка и методы его исследования / М. М. Глушко – М.: 1974.
7. Голуб, И. Б. Стилистика русского языка / И. Б. Голуб. – 10-е изд. – М.: Айрис-пресс, 2008.
8. Материалы международной научно-теоретической конференции «Актуальные вопросы современной филологии: теоретические проблемы и прикладные аспекты». – Алма-Ата, 2012. – с. 82-85.
9. Непийвода, Н. А. Детерминологизация как результат взаимодействия общелитературной и терминологической лексики: Автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.02 - Языки народов СССР / Н. Ф. Непийвода, 1983. – 21 с.
10. Новый большой англо-русский словарь в 3 томах под ред. Апресяна Ю.Д. – М.: 2002, Русский язык.
11. Подгузов, В. Можно ли победить инфляцию в условиях рыночной экономики. К вопросу о понятии [Электронный ресурс] / В. Подгузов. – URL: <http://proiv.ru/articles.shtml/podguzov?inflacia> – (дата обращения 25.12.2015).
12. Райзберг, Б. А. Современный экономический словарь – 2-е изд., испр. / Б. А. Райзберг, Л. Ш. Лозовский, Е. Б. Стародубцева. – М.: ИНФРА-М., 1999. – 479 с.
13. Реформатский, А. А. Что такое термин и терминология / А. А. Реформатский. – М., 1959
14. <http://www.bbc.com/news/business-33505555>
15. <http://www.bbc.com/news/business-33531743>
16. <http://www.bbc.com/news/business-33847273>
17. <http://www.theguardian.com/world/2015/mar/17/deadlock-over-greek-debt-crisis-could-play-into-russias-hands>
18. <http://www.bbc.com/news/business-33403008>
19. <http://www.bbc.com/news/business-33860780>
20. <http://www.bbc.com/news/business-33435602>
21. <http://www.theguardian.com/commentisfree/2015/jul/05/greece-let-down-by-partners-and-leaders>
22. <http://www.theguardian.com/business/2015/jan/26/russia-sovereign-credit-rating-cut-standard-poors>
23. <http://www.economist.com/blogs/freeexchange/2015/04/russian-financial-rally>
24. <http://www.bbc.com/news/business-33595861>
25. <http://www.bbc.com/news/world-europe-21885301>
26. <http://www.theguardian.com/world/2015/feb/16/brussels-blunt-bargaining-presents-austerity-as-greeces-only-option>
27. <http://www.theguardian.com/business/2008/dec/07/banking-crisis-liquidation>
28. <http://www.theguardian.com/leeds/2010/nov/03/leeds-arena-is-catalyst-for-regenerating-city-centre-senior-councillor>
29. <http://www.theguardian.com/world/2008/oct/09/zimbabwe>
30. <http://www.theguardian.com/commentisfree/2015/aug/12/as-long-as-the-economy-stays-sluggish-fiddling-around-the-edges-will-not-help>

Материал поступил в редакцию 22.01.16.

USING MEDICAL TERMINOLOGY IN THE AUTHENTIC ECONOMIC ARTICLES

M.M. Ivanova¹, A.A. Lukina², V.V. Levchenko³

^{1, 2} Lecturer, ³ Associate Professor

“Foreign Languages-1” Department,

Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow), Russia

Abstract. *The article is devoted to a comprehensive analysis of the usage of medical terminology in the authentic economic texts. The aim of the study is to present an overall picture of special medical vocabulary functioning in the language and to trace its usage by way of specific examples. The main focus is on the causes of terms transition from one terminological system to the other, the characteristics of terminological systems and classification of terms by a wide range of usage in special practice are provided. The main part of the article comprises the analysis of news content in the English language related to economic downturn and ramifications of the crisis in different countries, where a frequent usage of medical terms with transfer of meaning can be found.*

Keywords: *terminological system, terms, determinologization, medical terminology, economic area of usage.*

УДК 811.111

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ В ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Е.М. Китаева, кандидат филологических наук, доцент
Санкт-Петербургский Государственный Университет, Россия

***Аннотация.** Категории времени и пространства являются определяющими для жанровой направленности текста, поэтому выявление средств, воплощающих эти категории, может способствовать дальнейшей разработке типологии текстов. В статье описаны стилистические средства и приемы, функции которых, наряду с прочим, создают художественное пространство и время в тексте детской английской литературной сказки. Из всех экспрессивных средств только повтор может создавать временной пласт, определяя продолжительность действия. Однако в создании пространственных характеристик используются гипербола, сравнение, олицетворение и др. Отмечается, что выбор упомянутых средств и функции, которые они выполняют в тексте, создают пространственно-временной континуум, свойственный только литературной сказке.*

***Ключевые слова:** категория художественного времени, категория художественного пространства, детская литература, стилистические средства и приемы, повтор, олицетворение, гипербола, сравнение, инверсия.*

Цель данной работы – описать экспрессивные средства языка в текстах детской литературной сказки, участвующие в создании временного и пространственного континуума, провести анализ функционирования выявленных средств и определить особенности пространственно-временной модели, которые создаются вследствие использования экспрессивных средств языка. Известно, что категории «время» и «пространство» существуют не только объективно, но и субъективно, воспринимаются и переживаются людьми по-разному, в зависимости от возраста, социальной группы, условий жизни и многих других факторов, вследствие чего возникают особенности их функционирования и реализации. В текстах литературы время и пространство преобразуются в художественное время и пространство, становятся текстообразующими категориями. М. Бахтин писал, что время и пространство в литературе имеют существенное жанровое значение, что жанр и жанровые разновидности определяются именно хронотопом [1]. Если принять во внимание возрастные особенности адресатов детской сказки, было бы интересно проследить структуру и функционирование данных категорий в текстах для детей и определить жанровую специфику этих текстов.

Среди языковых средств, воплощающих категорию художественного времени и пространства на уровне текста, выделяют стилистические средства и приемы и отмечают их значимость для данной категории. Исследования различных типов текстов показывают, что такие стилистические приемы, как эпитеты, метафоры, сравнения, повторы, инверсии усиливают взаимодействие различных временных и пространственных планов, углубляют психологизм и субъективность повествования. Некоторые стилистические приемы могут самостоятельно, при отсутствии лексических указателей, создавать темпоральную и пространственную многоплановость. Стилистические приемы могут использоваться при характеристике отдельных свойств времени и пространства, таких как прерывность / непрерывность, однократность / многократность, замкнутость / открытость, продолжительность действия (время) и узость / широта, конкретность / абстрактность, статичность / динамика (пространство) и др. [2]. Количество и значимость используемых стилистических средств и приемов обуславливается типом текста. Правильное декодирование, например, метафоры, метонимии, перифраза и др., требует не только развитого чувства языка, но и определенного тезауруса. Анализ текстов детской литературной сказки показывает, что стилистические средства подчинены, как и предполагалось, специфике рассматриваемого жанра художественной литературы. В детской литературной сказке экспрессивность языка создается не за счет появления новых экспрессивных средств, а за счет своеобразной организации уже существующих. Состав стилистических средств и приемов устойчив, т.е. в сказках, принадлежащих перу разных авторов, прослеживается тенденция к использованию одних и тех же экспрессивных средств. В целом, можно выделить преобладание таких экспрессивных средств, употребление которых позволяет приблизить язык сказок к разговорной речи: звукоподражание, различные виды повторов, сравнения и гиперболы. Метафора, метонимия, перифраз и другие стилистические средства и приемы, для декодирования которых требуется определенный тезаурус, употребляются редко.

Экспрессивные средства, отражающие временные параметры, в основном, сводятся к различным видам повтора:

“He climbed and he climbed and he climbed. And as he climbed he sang a little song to himself” [6: 30].

Пример показывает, что лексический, синтаксический повторы, полисиндетон, повтор звуков (аллитерация) отражают продолжительность действия, и продолжительность характеризует характер действия. Анализ

текстов свидетельствует о том, что продолжительность событий в сказках прямыми, эксплицитными средствами не обозначается. Повторы же встречаются достаточно часто.

Пространственные характеристики выражаются более широкой группой стилистических средств, которая выглядит следующим образом: повтор, олицетворение, гипербола, сравнение, инверсия. Но количественно тексты сказок насыщены данными стилистическими средствами. В текстах сказок прослеживается полифункциональность стилистических средств. С точки зрения создания пространственной структуры, стилистические средства реализуют несколько функций, а именно: создание широкого, в большинстве случаев абстрактного и открытого пространства. Кроме того, определяется расстояние и создается описание места действия. Например: "So he scraped and scratched and scrabbled and scrooged and then he scrooged again and scrabbled and scratched and scraped working, busily with his little paws and muttering to himself, "Up we go! Up we go!..." [5: 44]. "White star walked. White star trotted. White star cantered. White star galloped". [3: 21].

Здесь мы видим несколько видов повторов, а именно: синтаксический, синонимический, тождественный, дистантный и контактный, аллитерация, полисиндетон и хиазм. Все виды повторов обозначают расстояние (длинный – короткий путь), и дают опосредованную характеристику места действия.

Использование параллелизмов в целом отражает жанровую специфику сказок. Это относится, в частности, к коротким сказкам, которые часто строятся на параллелизме эпизодов.

"Lucy likes walking.
One day she went for a walk.
.....
Lucy walked a little further,
and came to a palace
.....
Lucy walked a little further.
There was an old woman..." [4].

Использование параллелизмов обуславливает пространственную структуру сказки в целом, определяя объем, расстояние и такие качества, как открытость / замкнутость пространства.

Можно отметить, что в количественном отношении повтор самый распространенный стилистический прием, используемый в текстах сказки.

Литературной сказке, как и фольклорной, свойственен антропоморфизм; «очеловечиванию» подвергается буквально все: звери, птицы, растения, предметы быта, природа в целом. В качестве средств, реализующих пространственную структуру, олицетворение выполняет такие функции, как описание места действия, особенно пейзажа и ландшафта, и общего пространства в целом. Так, например, в следующем предложении описание природы посредством олицетворения создает живую и динамичную картину, делает ее более наглядной, что необходимо для конкретного детского мышления:

"The reserved rustic road was presently joined by a shy little brother in the shape of canal, which took its hand and ambled along by its side in perfect confidence, but with the same tongue-tied, incommunicative attitude towards strangers" [5: 239].

Большой удельный вес в рассматриваемых текстах имеют сравнения, которые также создают эмоционально насыщенную, наглядную «картинку». При обозначении расстояния конкретные цифры ничего не скажут маленькому читателю, не создадут никакой образной картины, в то время как, сравнивая нашу планету с апельсином по размерам, можно ярко представить, как далеко залетел герой сказки: "Presently he could see the world far below looking no bigger than an orange" [3: 74].

Наряду со сравнением, но в значительно меньшей степени, функцию обозначения расстояния могут реализовывать такие стилистические средства, как инверсия и гипербола. Гипербола, кроме того, служит для выражения характеристики места, где происходит действие. Например: "There seemed to be no end to this wood, and no beginning, and no difference in it, worst of all, no way out" [5: 97].

Все вышесказанное дает возможность сделать некоторые выводы. Анализ текстов детской литературной сказки показывает, что в рассматриваемых текстах стилистические средства и приемы выполняют функции создания пространства и времени, создавая выразительную и экспрессивную «картину», при этом они отражают наиболее нейтральные общие понятия, не требующие широких и специальных знаний, определенного уровня абстрактного мышления и хорошо развитой способности к обобщениям. Следовательно, экспрессивные средства способствуют созданию определенной пространственно-временной модели, свойственной исключительно детской литературной сказке как отдельному типу текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики / М. М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1975. – 500 с.
2. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман. – СПб.: Искусство, 1998. – 285с.
3. Bisset, D. Hazy Mountain / D. Bisset. – London. Puffin Books, 1975.
4. Bisset, D. Hello Lucy! / D. Bisset. – London, Benn, 1966.

5. Grahame, K. *The Wind in the Willows* / K. Grahame. – Moscow, Progress Publishers, 1981.
6. Milne, A. A. *Winnie-the-Pooh* / A. A. Milne. – London, Methuen Children's Books, 1978.

Материал поступил в редакцию 05.02.16.

STYLISTIC MEANS OF EXPRESSING SPACE AND TIME IN CHILDREN'S LITERATURE

E.M. Kitaeva, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Saint-Petersburg State University, Russia

Abstract. *Time and space continuums are the defining categories for the genre of the text, so exposure of the means embodying them can contribute to the further development of text typology. The article describes stylistic means and devices whose functions, among other things, create artistic space and time continuum in English fairytales for children. Among all evocative means it is reiteration that can create a time layer by determining the duration of action. However, the means of hyperbole, comparison, personification etc. are used to create the space characteristics. It is noted that the choice of abovementioned means and the functions they fulfil in the text creates a time and space continuum inherent in a fairytale only.*

Keywords: *artistic time continuum, artistic space continuum, children's literature, stylistic means and devices, reiteration, personification, hyperbole, comparison, inversion.*

УДК 81'42

КОГНИТИВНЫЙ ДУАЛИЗМ КОНЦЕПТА СТИЛИСТИЧЕСКОГО ПРИЕМА «ЛИТОТА»

О.Н. Павленкова, магистр лингвистики и межкультурной коммуникации, учитель английского языка
СОШ №10 (Дмитров), Россия

Аннотация. Исходя из современных подходов к изучению языка, автор затрагивает некоторые вопросы, связанные с когнитивными исследованиями английского языка. Особый интерес для данной статьи представляет стилистический прием «литота». Рассмотренные на материале английского языка тенденции позволяют говорить о сложности и многогранности этого стилистического приема.

Ключевые слова: литотная конструкция, концептологическое поле, когнитивный дуализм, стилистический прием.

Рассмотрение различных лингвистических приемов с точки зрения когниции дает возможность увидеть новые грани давно известных понятий. В частности, это касается стилистического приема литоты. Литота представляет собой троп, который строится на отрицании отрицания и подразумевает понятие, противоположное сказанному. Сложность литоты заключается в том, что она не просто отрицает противоположное, а создает совершенно новое, качественно окрашенное единство, образованное на стыке двух противоположных концептологических полей¹ и частично аккумулирующее образы из обоих антонимических концептов.

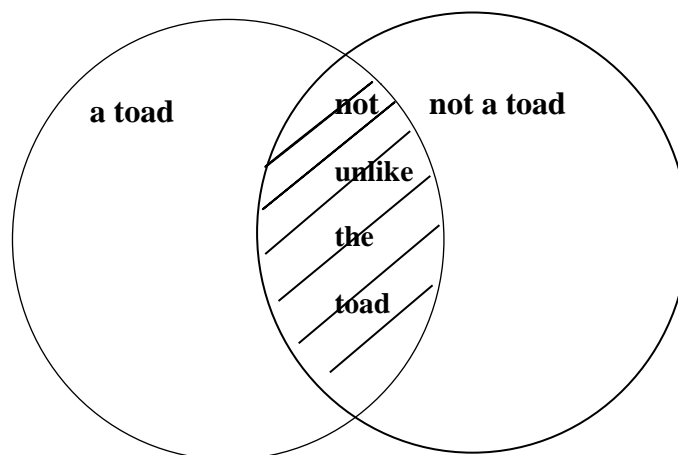
Декодирование читателями значений используемых авторами литот представляет собой достаточно креативный процесс. Он происходит синхронно в момент восприятия информации. Когнитивные модели литотных конструкций, которые возникают в сознании интерпретатора, конструируются не только в процессе восприятия текста, но и из имеющегося у него опыта.

Например, в приведенном ниже предложении из эссе *Hours of Spring*, автор Дж. Ричард описывает жабу, которую он видит неожиданно зимой из своего окна:

Something grey and spotted and puffy, not unlike a toad, moved about under the gorse of the garden hedge one morning, half hidden by the stalks of old grasses....

Литота *not unlike* (не непохожа) передает сомнения автора, который видит характерные для жабы внешние признаки “grey, spotted, puffy”, однако что-то в описываемом объекте его смущает: вроде бы жаба, а вроде бы и нет.

Семантическое значение литоты лежит между двух концептологических полей: похожа на жабу (*like a toad*) – не похожа на жабу (*unlike a toad*).



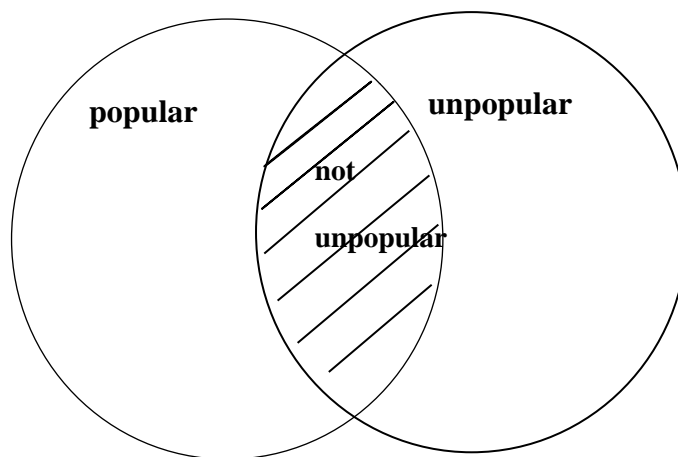
Таким образом, для того, чтобы понять литотную конструкцию *not unlike the toad*, в сознании реципиента два концепта (жаба и непонятное живое существо) должны образовать новый, смешанный концепт: существо, чем-то напоминающее жабу, т.е. обладающее признаками, которые типичны и одновременно не типичны для нее.

Рассмотрим еще один пример из статьи Р. Вильяма Bethan Jenkins *just don't Call her a Sell out* блога газеты *Independent*. В статье речь идет о самом молодом члене Ассамблеи Уэльса Б. Дженкинс и ее работе. Когда автор пишет об одном из основных занимающих ее вопросов, который касается борьбы с неправильным режимом питания, то в начале абзаца он использует сочетание *not unpopular*, чтобы показать всю сложность существующей проблемы и неоднозначное отношение к ней в Уэльсе, где на нее привыкли закрывать глаза. В конце

литота *not without its problems* подчеркивает, что, несмотря на достигнутый положительный результат, в этом вопросе еще остается много нерешенных моментов:

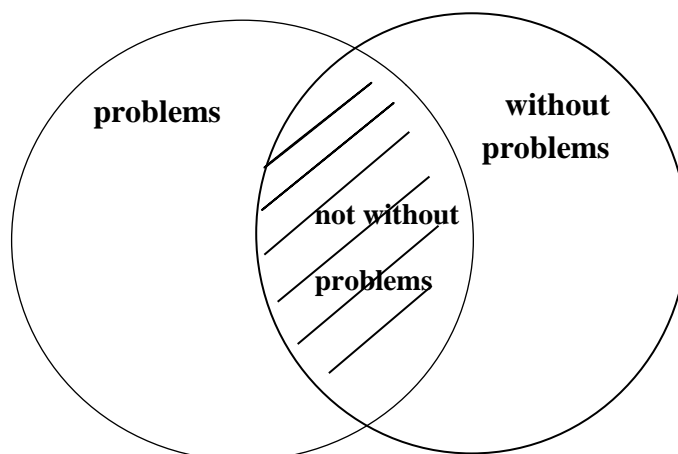
Her main profile work has been on an issue that, though perhaps not unpopular, has been neglected in Wales: namely eating disorders. "I had lots of constituents come to me as soon as I was elected. These were people who had to go to England for treatment. They were people who were dying basically. They were skeletons of people. I had only been elected for a week and I thought I can't let this fall behind me and ignore it." Jenkins claims that up until that point eating disorders had been ignored in Wales. She formed a cross-party group, lobbied the relevant minister, helped secure funding and developed a framework. This was all progress that Jenkins describes as "massive", though not without its problems. "There is still no dedicated eating disorder treatment center in Wales, and yet no way of monitoring the new framework," she admits.

Значение первой литотной конструкции *not unpopular* (не непопулярный) находится в концептуальном поле, образованном наложением двух концептов: *popular* (популярный) и *unpopular* (непопулярный).



Созданный таким образом новый концепт *not unpopular* (не непопулярный) объединяет в себе образы двух противоположных концептов. С одной стороны, с проблемой неправильного питания сталкиваются многие жители Уэльса (концепт *popular*), с другой стороны, она относится к тем проблемам, о которых не принято говорить (концепт *unpopular*).

В конце приведенного выше абзаца встречается еще одна литотная конструкция *not without its problems* (не без проблем), которая строится на наложении концепта *problems* (проблемы) и концепта *without problems* (без проблем).



Поясним, что в приведенном примере продолжается речь о том, какие успехи были достигнуты вновь избранным политиком в области борьбы с неправильным питанием. Для того, чтобы упростить реципиенту понимание вновь созданного концепта *not unpopular* (не непопулярный), автор вводит в свое изложение информацию из концепта *popular* (*She formed a cross-party group, lobbied the relevant minister, helped secure funding and developed a framework. This was all progress that Jenkins describes as "massive" <...>*) и информацию из концепта *unpopular* (*"There is still no dedicated eating disorder treatment center in Wales, and yet no way of monitoring the*

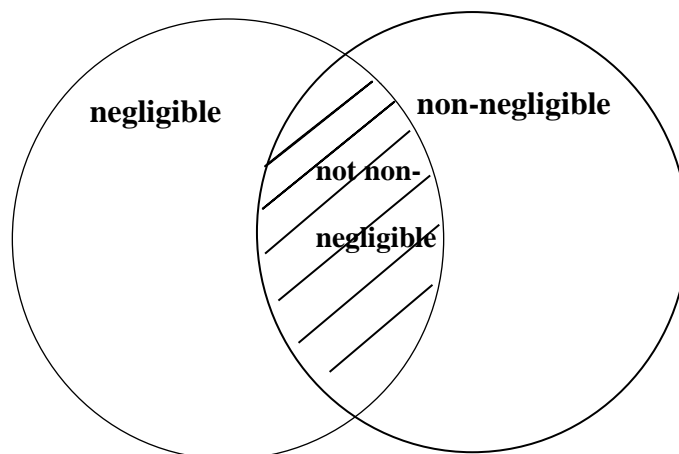
new framework,” <...>).

Таким образом, употребленная автором литотная конструкция *not unpropular* создает в сознании адресата концепт, частично совмещающий в себе образы двух антонимичных концептологических полей.

Еще один пример литоты встречается в статье Egypt: \$ 3.2 bn May not Be Enough блога газеты The Financial Times, где автор С. Вэгстил высказывает свои сомнения относительно состояния египетских банков.

Revised calculations suggest that Egypt’s external financing has gone up by at least \$ 2.5bn since then given the issue of dollar-denominated bills, reaching around \$ 14bn, including \$ 5bn just for the current account deficit. And even that assumes there will be no more capital flight – which seems optimistic, to put it mildly. The risk of “a loss of confidence” in Egypt’s banks “is not non-negligible now”, says Agha.

В статье речь идет об экономическом кризисе, с которым столкнулся Египет, а именно об увеличении внешнего долга. Как результат есть риск, что доверие к египетским банкам может упасть. Для понимания литоты *not non-negligible* (*не не ничтожный*) необходимо, чтобы у адресата сформировался новый концепт, расположенный между двумя противоположными: *negligible* (*ничтожный*) и *non-negligible* (*заметный*) и объединяющий характеристики, типичные для них обоих.



Таким образом, литота *not non-negligible* (*не не ничтожный*) создает в сознании говорящего качественно новый образ: риск потерять доверие у египетских банков достаточно высок, несмотря на некоторые оптимистические тенденции в экономике, такие как прекращение оттока капитала.

Итак, исходя из вышеизложенного, можно сказать, что литота обладает особым когнитивным дуализмом и образуется от понятий, имеющих противоположную категориальную пару, наложением двух антонимичных концептологических полей, в результате которого появляется качественно новый концепт со смешанными характеристиками.

Примечания

¹ Под концептологическим полем или концептом мы понимаем «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода...» (Цит. по Шведова 2005, 601).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шведова, Н. Ю. Русский язык: Избранные работы / Н. Ю. Шведова. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 64 с.
2. Richard, J. Hours of Spring / J. Richard [Электронный ресурс] <http://grammar.about.com/od/classicessays/a/Hours-Of-Spring-By-Richard-Jefferies.htm>. Дата обращения: 28.02.2016.
3. The Financial Times [сайт] <http://search.ft.com>. Дата обращения: 23.05.2014.
4. The Independent [сайт] <http://blogs.independent.co.uk>. Дата обращения: 30.01.2013.

Материал поступил в редакцию 01.03.16.

COGNITIVE DUALISM OF THE CONCEPT OF LITOTES STYLISTIC DEVICE

O.N. Pavlenkova, Master of Linguistics and Intercultural Communication, Teacher of English Language
General Education School No. 10 (Dmitrov), Russia

Abstract. *In reliance on present-day approaches to the study of language, the author touches upon some issues related to cognitive research of English. The stylistic device of litotes is of special interest in this article. The trends considered on the basis of English suggest complexity and multifacetedness of this stylistic device.*

Keywords: *litotes construction, conceptological field, cognitive dualism, stylistic device.*

УДК 811.161.1

**ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ
КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ****С.В. Пахаренко**, старший преподаватель кафедры иностранных языков для технических специальностей
«Северо-Кавказский федеральный университет» (Ставрополь), Россия

***Аннотация.** В статье рассматриваются причины проникновения и ассимиляции лексических заимствований из англо-американского языка в лексико-семантическую систему русского языка. На современном этапе данные процессы характеризуются особой масштабностью и интенсивностью. Отмечается, что использование англицизмов становится нормой речевой и письменной коммуникации. Приводятся источники проникновения и этапы их ассимиляции.*

***Ключевые слова:** заимствования, англицизмы, причины заимствования англицизмов, этапы ассимиляции англицизмов.*

Общаясь друг с другом, люди образуют языковую среду, специфическую для определенного коллектива в определенный момент времени. В то же время, языковая деятельность носит опытный характер, что означает поддержание определенных языковых традиций. Трактовка языковых знаков протекает с опорой на индивидуальный и социальный языковой опыт, который в совокупности с непосредственной окружающей средой (контекстом в широком смысле слова) позволяет конструировать значения в процессе языковых взаимодействий. Другими словами, человек, как правило, использует в своей речи или в письме такие слова и выражения, которые он уже слышал или читал; и наоборот, способен понять то, что уже знакомо. Значение заимствованной языковой единицы так же формируется с опорой на контекст, за счет опоры на уже знакомые единицы (иносказание, определение и др.). Создание новых номинаций осуществляется на основе определенного языкового опыта, так как «креативность в основном проявляется в выборе неких форм из числа готовых» [7, с. 74], т.е. тех, опыт взаимодействий с которыми уже имеется.

Согласно исследованию Е.Ф. Володарской [2, с. 102-104], в течение XX в. доля англицизмов в словарном составе русского языка возросла с 2,57 % в начале века до 25 % в конце. Это говорит о том, что в современной жизни российского общества использование англоязычных элементов становится нормой речевой и письменной коммуникации. Проникновение англицизмов в лексико-семантическую систему русского языка на современном этапе характеризуется особой масштабностью и интенсивностью, использование англоязычных элементов становится узואльно закрепленной нормой в речи и письме [5].

Основной предпосылкой заимствований иностранных слов по праву считается контакт языка-реципиента с языком-источником, при этом двуязычие только в половине случаев является результатом территориальных контактов двух живущих рядом народов. Благоприятной почвой для заимствования иностранных слов и терминов служат такие виды речевой деятельности, как перевод и комментирование иностранной прессы, чтение научной и публицистической литературы, участие в международных конференциях, симпозиумах, конгрессах, общение в процессе разработки совместных технических и научных проектов и т.п. Так при заимствовании нового понятия происходит расширение картины мира. Это может по-разному проявляться в языке. Во-первых, для выражения нового понятия может заимствоваться новое слово. Такой случай является наиболее распространенным, и его часто рассматривают как появление симметрии между языком и картиной мира: границы картины мира раздвигаются, одновременно возникает новое средство ее отражения в языке. При этом возможна ситуация, что «понятие и его обозначение заимствуются... одновременно из одного источника» [10, с. 462].

Однако новая лексическая единица не всегда появляется как результат возникновения нового предмета или понятия. Иногда новым словом могут быть названы уже имеющиеся понятия или предметы. В таком случае новое слово более четко, более глубоко и более правильно выражает их суть, или – в большинстве случаев – появляется как ответ на стилистические потребности говорящего, когда возникает необходимость передать разного рода экспрессивно-эмоционально-оттеночные значения. Такие лексические единицы называются заимствования-проникновения. Характерной чертой таких заимствований является наличие полного или частичного синонима в русском языке [3, с. 23]. Они возникают в языке не только с целью дать новое имя, но и отражают

стремление говорящих употреблять более экспрессивные формы. В такой ситуации картина мира не трансформируется, но как результат взаимодействия языков изменяется способ ее отражения в языке. В связи с этим возникает вопрос о причинах замены одного средства выражения другим. Одной из наиболее распространенных причин является престижность иностранного языка по сравнению с родным. Во-вторых, немаловажным основанием заимствований подобного типа может служить тот факт, что заимствуемая лексическая единица представляется значительно более точной или выразительной, чем синонимичное слово родного языка. Данный феномен можно объяснить тем, что при сравнении родного и иностранного языка объем понятия «чужого» слова обычно представляется меньшим и имеющим более четкие границы. В-третьих, иностранное слово представляется обычно более экспрессивным, чем родное. Интересно, что при этом чрезвычайно важным является и такой фактор, как формальная простота иноязычного показателя слова в сравнении с расплывчатостью значения существующего в родном языке своего.

Сюда можно отнести следующие слова:

– менеджер (англ./амер. manager – «специалист по управлению производством») [6, с. 617]. Ср. управляющий – «лицо, ведущее дела какого-н. хозяйства, учреждения, предприятия» [9, с. 825].

– дизайнер (англ. designer «художник-конструктор, специалист по дизайну») [6, с. 346]. Ср. мастер, художник – «человек, который творчески работает с какой-либо областью искусства, выполняет что-н. с большим художественным вкусом, мастерством» [9, с. 858].

– мэтр (англ. – «учитель, в современном понимании – почтительное наименование человека, имеющего выдающиеся заслуги в области искусства, литературы, науки») [6, с. 662]. Ср. наставник – «учитель и воспитатель, руководитель» [9, с. 386].

На сегодняшний день основными источниками появления в русском языке англицизмов традиционно считаются следующие:

– реклама. Этот жанр служит одним из важнейших источников англоязычных заимствований в русском языке. Согласно Т. Н. Лившиц, заимствованная лексика в рекламном тексте способствует возникновению «иллюзии уникальности», т.е. помогает создать впечатление о неповторимости, важности того или иного товара или услуги [8, с. 35]. Российские специалисты в сфере рекламы порой не имеют достаточного опыта для создания рекламы, соответствующей требованиям сегодняшнего дня, поэтому зачастую они калькируют англоязычную рекламу, наполняя русскоязычные тексты англицизмами: донатсы, имидж, тур, вип, сейл, блокбастер, груминг.

– интернет. Неуклонный рост числа пользователей всемирной сети привел к повсеместному распространению специальной лексики, а порой и компьютерного сленга: e-mail, CDROM, интерактивный, блог, твитнуть, месенджер, провайдер, флешка, капча.

– кинематограф. Популярность американских фильмов послужила причиной появления в русском языке таких новых слов как: хоррор, аватар, блокбастер, камбэк, прайм-тайм, кастинг, терминатор, квест.

– музыка. Отношение к Америке как к центру музыкальной моды спровоцировало появление таких слов как: хит, ремейк, диджей, саунд-трэк.

– спортивная лексика: кайтинг, дайвинг, вуузела, гиммик, гипербол, шейпинг, сёрфинг.

– косметические термины: лифтинг, гоммаж, пилинг.

Итак, к основным причинам заимствования относят следующие:

1. Необходимость в номинации новых явлений жизни общества: девайс, инфляция, киднеппинг, девелопер.

2. Потребность в специализации некоторых понятий: даунлайт (светильник), джоггинг (бег), джоббер (спекулянт на фондовой бирже).

3. Употребление в международной практике сложившейся системы спортивных, экономических, компьютерных и других терминов на основе английского языка: аутплейсмент (часть программы поддержки увольняемых сотрудников), евробонд (еврооблигация), домен (организационная единица в Интернете, служащая для идентификации узла или группы родственных узлов), ролл-овер (возобновление).

4. Желание употребить модное, более современное слово. Этот фактор особенно широко распространен в молодежной среде, где знание английского языка считается не только нормой, но и показателем престижности, принадлежности к более образованному слою. Например: драйв (внутренний подъем), мейкап (макияж), консалтинг (консультирование) [1, с. 192-193].

Здесь стоит отметить, что все заимствованные единицы проходят несколько этапов ассимиляции. Первый этап – этап *проникновения*. На этом этапе заимствование ещё связано с той реальностью, которая его породила. Постепенно иностранное слово, благодаря частому употреблению в устной или письменной речи, приживается. Его внешняя форма приобретает неизменный вид, происходит адаптация слова к нормам языка-реципиента. Это период *заимствования*, или вхождения в язык. На данном этапе сильно проявляется семантическое влияние языка-источника. На этапе *усвоения* заимствование испытывает воздействие «народной этимологии». Когда иностранное слово воспринимается как непонятное, его пустую звуковую форму стараются наполнить содержанием близко звучащего и близкого по значению исконного слова. Заключительный этап проникновения иноязычной лексической единицы в язык-реципиент – *укоренение*. На данном этапе заимствование широко используется в среде принимающего языка и полностью приспосабливается к грамматическим

нормам этого языка. Оно включается в полноценную жизнь: может обрастать однокоренными словами, образовывать аббревиатуры, приобретать новые оттенки значений, употребляясь в новой языковой среде [4 с. 87].

Количество англицизмов, используемых в повседневной жизни, возрастает с каждым днем. Свидетельством тому, что заимствование прочно вошло в русский язык является его метафоризация и подчинение правилам русской грамматики. В некоторых случаях иноязычное заимствование полностью приспосабливается к словоупотреблению, характерному для русского языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алиева, В. Н. Заимствованные экономические термины в лексической системе современного русского языка / В. Н. Алиева // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – Том 23. № 3, 2010. С. 191-195.
2. Володарская, Е. Ф. Заимствования как отражение русско-английских контактов / Е. Ф. Володарская // Вопросы языкознания. – 2002. – № 4. С. 96-118.
3. Елисеева, И. С. Заимствования и процесс номинации в языке современной газетной публицистики. Аста albanthenica, cossia polonica. VII міжнародная наукова конференція «Беларуска-руська-польська супастаўляльная мовазнаўства, літаратуразнаўства, культуралогія»: Зборнік навуковых артыкулаў/ пад агульн. рэд. Г. М. Мезенка / И. С. Елисеева. – Віцебск: Выдавецтва УА «ВДУ імя П. М. Машэрава», 2006. С. 54-61.
4. Ильина, О. В. Семантическое освоение русским языком иноязычных лексических инноваций / О. В. Ильина // «Языковые единицы в семантическом и лексикографическом аспектах». Новосибирск: Наука, 1998. 327 с.
5. Крысин, Л. П. О русском языке наших дней [Электронный ресурс] / Л. П. Крысин // Philology.ru. Русский филологический портал. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/krysin-02.htm>
6. Крысин, Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. 3-е изд., доп. / Л. П. Крысин. – М.: Рус. яз., 2005. 1210 с.
7. Кубрякова, Е. С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования / Е. С. Кубрякова. – М.: Знак, 2012. 208 с.
8. Лившиц, Т. Н. Специфика рекламы в прагматическом и лингвистическом аспектах: дисс. ... канд. филол. Наук / Т. Н. Лившиц. – Таганрог, 1999. 354 с.
9. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. М.: АЗЪ, 1995. 928 с.
10. Пауль, Г. Принципы истории языка / Г. Пауль. – М.: Издательство иностранной литературы, 1960. 501 с.

Материал поступил в редакцию 25.02.16.

LEXICAL BORROWINGS IN THE RUSSIAN LANGUAGE AS A SUBJECT OF CULTURAL LINGUISTICS RESEARCH

S.V. Pakharenko, Senior Teacher of the Department of Foreign Languages for Technical Students
North-Caucasus Federal University (Stavropol), Russia

Abstract. *The article deals with the causes of intrusion and assimilation of lexical borrowings from American English into lexico-semantic system of Russian. At the present stage, these processes are characterized by exceptional immensity and intensity. It is noted that the usage of Anglicisms develops into a norm of oral and written communication. The sources of intrusion and the degrees of assimilation are specified.*

Keywords: *borrowings, Anglicisms, causes of borrowings from English, stages of borrowing assimilation.*

Comparative Historical, Typological and Comparative Linguistics
Сравнительно-историческое, типологическое
и сопоставительное языкознание

УДК 81-13

ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В ИССЛЕДОВАНИИ АНГЛИЙСКОГО
СЛОВООБРАЗОВАНИЯ (КВАНТИТАТИВНЫЙ ПОДХОД)

Е.И. Дмитриева¹, А.А. Грешнякова²

¹ кандидат филологических наук, доцент, ² воспитатель, педагог дополнительного образования

¹ Московский государственный университет путей сообщения (МИИТ),

² Школа №1223 «Лингвистический центр» (Москва), Россия

***Аннотация.** Статья посвящена квантитативному анализу словообразовательных полей в английском языке в диахроническом аспекте (сопоставление данных 1966 года и современных неологизмов). Рассматриваются изменения в аффиксации, словосложении и других способах словообразования.*

***Ключевые слова:** английский язык, словообразование, диахронический подход, квантитативный подход*

Роль словообразования в типологическом изучении языков признается многими исследователями, данной проблеме посвящены работы В.Д. Аракина, Е.С. Кубряковой, Л.А. Телегина, Дж. Гринберга. Определенный интерес представляет диахронический анализ словообразовательных особенностей языка. Подобный анализ на материале английского языка и является целью данной статьи.

Источником материала послужила электронная версия словаря OxfordDictionaries.com. Данный ресурс регулярно обновляется (ежеквартально). Последние изменения (на момент выполнения работы) относятся к декабрю 2014 года. Для работы были задействованы материалы с ноября 2010 года (самые ранние материалы) по конец 2014 года.

При анализе материала мы воспользовались методом количественного анализа в интерпретации, представленной Е.С. Кубряковой. В связи с ограниченностью рассматриваемого материала (только слова, зафиксированные с 2010 по 2014 год), 6 словообразовательных полей по Е.С. Кубряковой были объединены в 4:

Таблица 1

Словообразовательные поля по Е.С. Кубряковой	Словообразовательные поля в исследовании
Чистая суффиксация	Суффиксация
Относительная суффиксация	
Словосложение	Словосложение
Относительная префиксация	Префиксация
Чистая префиксация	
Другое	Другое

Всего было рассмотрено 400 слов, отобранных методом сплошной выборки. Соответственно было произведено 4 блока подсчетов представленности словообразовательных полей.

Результаты представлены в таблице:

Таблица 2

	№ 1	№2	№3	№4	Среднее значение
суффиксация	13 %	8 %	11 %	14 %	9 %
словосложение	55 %	47 %	60 %	63 %	56,25 %
префиксация	4 %	2 %	5 %	5 %	4 %
другое	38 %	43 %	24 %	18 %	30,75 %

Сравним полученные средние данные с материалами Е. С. Кубряковой:

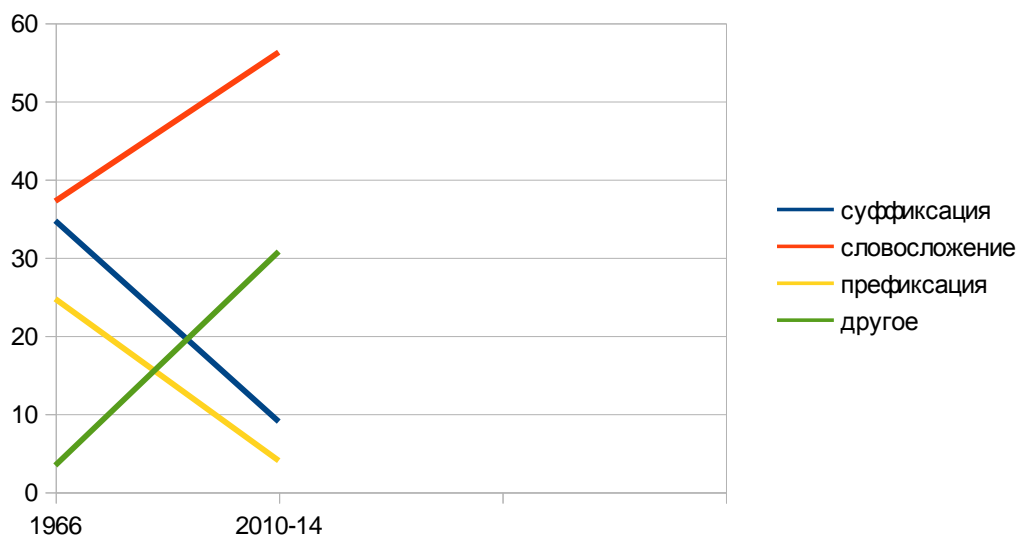
Таблица 3

	Е.С. Кубрякова	исследование
суффиксация	34,7 %	9 %
словосложение	37,2 %	56,25 %
префиксация	24,7 %	4 %
другое	3,4 %	30,75 %

Как видно из вышеприведенной таблицы, по сравнению с 1966 годом (публикация статьи Е.С. Кубряковой) наблюдаются крайне значительные изменения.

В первую очередь, наблюдается увеличение числа слов, относящихся к полю «другое». Данное явление можно объяснить увеличением частоты использования таких способов словообразования, как аббревиация и усечение основы. Соответственно, уменьшается и доля аффиксальных способов словообразования (префиксации и суффиксации). Доля словосложения, в тоже время, незначительно возрастает.

Динамика изменений представлена на графике:



Как видно из вышеприведенных данных, система словообразования является активно меняющейся и поэтому требует постоянного изучения в своей динамике. Кроме того, необходимо учитывать, что любые полученные количественные данные могут уточняться и корректироваться в зависимости от типа исследуемого материала. В настоящей работе мы использовали наименее консервативный языковой материал — неологизмы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дмитриева, Е. И. Словообразовательный тип как средство выражения категории качества (на материале русского и немецкого языков) / Е. И. Дмитриева // Формирование культурной и языковой компетентности в процессе изучения иностранного языка. интернет и изучение иностранного языка – М., МГОУ, 2014.
2. Заботкина, В. И. Новая лексика современного английского языка / В. И. Заботкина – М.: Высшая школа, 1989.
3. Кубрякова, Е. С. О путях изучения типологических особенностей языка в области словообразования (на материале современных германских языков) / Е. С. Кубрякова // Структурно-типологическое описание современных германских языков. – М., 1966.

Материал поступил в редакцию 26.01.16.

**DIACHRONIC ASPECT IN THE STUDY
OF ENGLISH WORD FORMATION (QUANTITATIVE APPROACH)**

E.I. Dmitrieva¹, A.A. Greshnyakova²

¹ Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, ² Nursery Teacher, Supplementary Education Teacher

¹ Moscow State University of Railway Engineering (MIIT),

² "Linguistics Center" School No.1223 (Moscow), Russia

Abstract. *The article is devoted to the quantitative analysis of English word-formation fields in diachronic aspect. (comparing the data of 1966 and the modern neologisms). Changes in affixation, stem-composition and other types of word formation are considered.*

Keywords: *the English language, word formation, diachronic approach, quantitative approach.*

UDK 81-119

**LEXIKALISCHE TRANSFORMATIONEN BEI DER WIEDERGABE
VON KULTURONYMEN (AM BEISPIEL DER DEUTSCHEN ÜBERSETZUNG
VON M. BULGAKOWS "ADAM UND EVA")***

A.I. Milostiwaja, Kandidat der philologischen Wissenschaften,
Dozent des Lehrstuhls für Translationstheorie und Translationspraxis
Föderale Universität des Nordkaukasus (Stawropol), Russland

***Zusammenfassung.** Der Artikel setzt sich mit dem Problem der Wahl der äquivalenten Entsprechung in der deutschen Übersetzung von M. Bulgakows "Adam und Eva". Dabei werden die Kulturonyme unter der Berücksichtigung der Möglichkeit von der Darstellung des semiotischen Kulturcodes untersucht. Aus der Analyse ergibt sich, dass der Gebrauch der lexikalischen Transformationen dazu beiträgt, die Folgen der Kulturasymmetrie zwischen der Ausgangs- und Zielsprache zu beseitigen.*

***Schlüsselwörter:** lexikalische Transformationen, Kulturonym, der semiotische Kulturcode, deutsche Übersetzung, M. Bulgakow*

In der modernen Translationswissenschaft steht die Tatsache fest, dass die Translation ohne Transformationen unmöglich ist. Zu den translatorischen Transformationen sind in erster Linie eine Umgestaltung der Äußerung sowie lexikalische, syntaktische und morphologische Substitutionen zu zählen. Die translatorischen Transformationen sind auf verschiedene grammatische und semantische Gründe zurückzuführen, wobei die Bedeutung am wichtigsten ist, denn die Kulturasymmetrie zwischen der Ausgangs- und Zielsprache spielt in der interkulturellen Kommunikation eine große Rolle.

Zunächst möchte ich auf verschiedene Definitionen des Terminus "Transformation" in der modernen Translationswissenschaft genauer eingehen. Zu dieser Frage bestehen verschiedene Auffassungen der Forscher. Eine Klassifikation von den translatorischen Transformationen ist von L. S. Barchudarov entwickelt [1, S. 191-231]. Dazu gehören Transpositionen, Substitutionen, Additionen, Eliminationen. Ich würde unterstreichen, dass die Klassifikation von Transformationen sehr vage sei, denn es gibt die obengenannten Kerntypen nicht sehr oft. Meistens greift der Übersetzer zu vielen Transformationen zugleich, also entstehen komplexe Transformationen dabei.

Im Anschluss an L. L. Nelubin verstehe ich unter der translatorischen Transformation folgendes:

- Eine Methode der Generation von sekundären Sprachstrukturen, die als algorithmisierte Umgestaltung von Grundmodellen zum Vorschein kommt.
- Die Umgestaltung des Kernmodells der Ausgangssprache, die sekundäre Zielsprachestrukturen erzeugt.
- Die Interpretation der Zeichen mit Hilfe der anderen Zeichen derselben Sprache.
- Die Substitution einer Äußerung durch die andere, die volle Übereinstimmung des Sinns in beiden Fällen nicht beeinflusst.
- Die Grundlage der Translation, die in der Änderung der formalen Eigenschaften der Ausgangstextes (lexikalische und grammatische Transformationen) oder seiner semantischen Merkmale (semantische Transformationen) bei der Sinnidentität in der Ausgangs- und Zielsprache offenbart.
- Translationsverfahren, das durch das Abweichen von dem semantisch-strukturellen Parallelismus des Ausgangs- und Zieltextes zu charakterisieren ist [3, S. 193].

Als Basis für meine Analyse habe ich die Klassifikation von translatorischen Transformationen genommen, die der russische Forscher J. I. Retsker geschaffen hat, denn diese Typologie der Transformationen ist meines Erachtens logisch stimmig und ausführlich. Im Anschluss an J. I. Retskers Konzeption betrachte ich die folgenden lexikalischen translatorischen Transformationen: Differenziation, Konkretisation, Generalisation, Sinnpermutation, komplexe Umgestaltung, Kompensation der Verluste bei der Translation [4, S. 45].

Als Material der Untersuchung habe ich in diesem Artikel das Stück "Adam und Eva" von M. Bulgakow gewählt. Diese Entscheidung ist darauf zurückzuführen, dass die Mentalität einer kulturellen Gemeinschaft am besten in die ambivalenten historischen Perioden zum Ausdruck kommt. Dazu gehört in erster Linie die Epoche der frühen Sozialismus in der Sowjetunion, die in diesem Stück dargestellt ist. Zum Objekt der Analyse gehören in diesem Aufsatz die Kulturonyme, d.h. Realienwörter, die dem Text ein kulturspezifisches Gepräge verleihen.

Bei der Translation solcher Wörter besteht die Aufgabe des Translators darin, ihre kulturelle Eigenart zum Ausdruck zu bringen. Diese Wörter sind meistens konnotativ gefärbt, d.h. sie haben eine in den Wörterbüchern nicht kodifizierte Bedeutung, die jedoch bei den AS-Sprachträgern einige Empfindungen und Assoziationen hervorruft. Diese Assoziationen nenne ich die semiotischen Kulturcodes, die die Kulturasymmetrie an den Tag bringen.

Im Weiteren will ich Beispiele betrachten, wo translatorische Transformationen dazu beitragen können, diese Kulturdifferenzen zwischen der Ausgangs- und Zielsprache zu beseitigen.

Zunächst greife ich zur Analyse der Transformation "Differenziation". L.L. Nelubin versteht darunter vor allem die Sinnverengung bei der Translation [3, S. 41]. Aber die Differenziation ist nicht nur die Sinnverengung, sondern auch die Substitution eines Wortes mit der weiteren Semantik durch ein Wort mit der engeren Semantik. Dazu schreibt J. I. Retsker: "Die Differenziation ist ohne Konkretisation möglich, falls der Übersetzer danach strebt, den Inhalt des abstrakten Begriffs ohne seine Präzisierung im Translat wiederzugeben. Denn es wäre falsch, etwas zu konkretisieren, was im Ausgangstext indirekt ist" [4, S. 47]. Wollen wir ein Beispiel aus Bulgakows Übersetzung mit dieser Transformation analysieren:

Прописывайся у нас в жакете [2, S. 329]. – *Trag dich bei uns im Hausbuch ein* [5, S. 238].

In diesem Textabschnitt ist die lexische Transformation mit der Wiedergabe des sowjetischen Kulturonyms "Прописка" verbunden. Dieses Realienwort impliziert in der Ausgangssprache den Zugang zu allen Vorteilen des sowjetischen Lebens, was in der Zielsprache nicht markiert ist, denn der Übersetzer konkretisiert diesen Sinn der semiotischen Kulturcode nicht. Also geht es hier nur um die Differenziation der denotativen Bedeutung.

Zu den lexikalischen Transformationen zählt J. I. Retsker auch die Generalisation, d.h. die Sinnerweiterung einer Spracheinheit bei der Translation [4, S. 50]. Im Weiteren führe ich ein Auszug mit dieser Transformation an:

Ставь койку в этой квартире [2, S. 329]. – *Stell dir ein Klappbett in dieser Wohnung auf* [5, S. 238].

Das russische Wort "койка" impliziert folgenden Sinn: das kleine Bett, das meistens schlicht ist und in einem Wohnheim oder in einer Kaserne steht. Diese Konnotation fehlt in der Zielsprache bei der deutschen generalisierten Entsprechung "Klappbett". Das ist eher «раскладушка» oder «складная кровать».

Die Konkretisation ist eine antonymische translatorische Transformation in Bezug auf die Generalisation. Sie ermöglicht die Sinnerweiterung bei der Übertragung eines Wortes oder einer Wortgruppe [4, S. 48]:

Я об одном сожалею, что при этой сцене не присутствовало советское правительство. Чтобы я показал ему, с каким материалом оно собирается построить бесклассовое общество [2, S. 330]. – *Mir tut nur leid, daß die Sowjetregierung bei dieser Szene nicht zugegen war, dann hätte ich ihr gezeigt, mit was für Menschenmaterial sie die klassenlose Gesellschaft aufbauen will!* [5, S. 238].

Die Addition des Stammes "Menschen-" im deutschen Text konkretisiert meines Erachtens den abstrakten sowjetischen Ideologem über den Menschen als Objekt in der Gesellschaft.

Die Sinnpermutation hat mit der Substitution einer Einheit in der Ausgangssprache mit dem Zielsprachezeichen auf Grund eines logischen Verhältnisses zu tun [4, S. 51]:

Какой странный аппарат. Это заграничный? [2, S. 332]. – *Ein sonderbarer Apparat. Ausländisches Fabrikat?* [5, S. 241].

Das Wesen der oben genannten lexikalischen Transformation besteht darin, dass die Addition des Wortes "Fabrikat" in der Zielsprache die Möglichkeit bietet, den Gedanken des Ausgangstextautors über die Vorteile der ausländischen Waren im Vergleich mit den sowjetischen Erzeugnissen zu veranschaulichen.

Die komplexe Umgestaltung als translatorische Transformation kommt vor, wenn die innere Form eines Wortes, einer Wortgruppe oder eines Satzes komplex umgebaut wird [4, S. 60]:

Ах, завидно на вас смотреть, Ева Артемьевна! И красивый, и инженер, и коммунист [2, S. 328]. – *Ach, ich beneide Sie, Eva Artemjewna. Er sieht gut aus, ist Ingenieur und in der Partei* [5, S. 236].

In diesem Beispiel gibt es komplexe Umgestaltung bei der Wiedergabe des russischen Wortes «коммунист». Diese lexikalische Einheit gebraucht die handelnde Person bei der Charakterisierung des guten Bräutigams, der ein Mitglied der kommunistischen Partei der UdSSR ist und alle Privilegien, die dazu gehören, besitzt. Also geht es dem Ausgangstextautor hier nicht um die kommunistische Gesinnung der handelnden Person, sondern um ihre soziale Stellung. Deswegen wäre die Entsprechung in der Zielsprache, die wörtlich mit dem Original nicht übereinstimmt, ganz korrekt.

Die Kompensation der Verluste bei der Translation kommt an den Tag, falls die Substitution einer unübersetzbaren Einheit aus der Ausgangssprache durch ein Zeichen anderer Natur in der Zielsprache am Platze ist, was die translatorische Wiedergabe der künstlerischen Intention des Autors nicht beeinträchtigt [4, S. 64]:

«Придет и останется». – «Как?» – «А так, – говорю, – что они сегодня расписались!» [2, S. 328]. – *"Sie kommt und bleibt." – "Wieso?" – "Na so", sag ich, "sie haben heute geheiratet"* [5, S. 236].

Die Kompensation kommt hier folgenderweise vor: an einer Stelle erfolgt der Verlust des sowjetischen Kulturcodes «Расписываться в загсе», d.h. schnell heiraten, ohne Kirche zu besuchen. Das war Sitte in die sowjetische Periode. An anderer Stelle (*сегодня – heute*) wird der oben beschriebene Verlust geglichen, indem die Reduktion der Flexion –e vom Wort "heute" zu Stande kommt.

Verallgemeinert lässt sich sagen, dass die adäquate Entzifferung der semiotischen Kulturcodes bei der Übersetzung des Stückes "Adam und Eva" von M. Bulgakow unter Einsatz der lexikalischen Transformationen, und zwar der Differenziation, Konkretisation, Generalisation, Sinnpermutation, der komplexen Umgestaltung, sowie Kompensation der Verluste bei der Translation möglich ist. Dieses Verfahren hilft die Systemdifferenzen zwischen der Ausgangs- und Zielsprache sowie die Kulturasymmetrie zu überwinden.

* Gefördert von Erasmus Mundus Aurora II. Projekt AURORA2013B392

LITERATURVERZEICHNIS

1. Бархударов, Л. С. Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода / Л. С. Бархударов. – М.: ЛКИ, 2008. – 240 с.
2. Булгаков, М. А. Адам и Ева / М. А. Булгаков // Булгаков, М. А. Собрание сочинений. В 5 т. Т. 3. – М.: Художественная литература, 1992. – С. 326-380.
3. Нелюбин, Л. Л. Толковый переводоведческий словарь / Л. Л. Нелюбин. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 320 с.
4. Рецкер, Я. И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода / Я. И. Рецкер. – М.: Р.Валент, 2004. – 244 с.
5. Bulgakow, M. Adam und Eva / M. Bulgakow // Russische Stücke 1913-1933. – Berlin: Henschelverlag, 1988. – S. 233-298.

Материал поступил в редакцию 19.02.16.

**ЛЕКСИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРИ ПЕРЕДАЧЕ КУЛЬТУРОНИМОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ПЕРЕВОДА ПЬЕСЫ М. БУЛГАКОВА «АДАМ И ЕВА»)**

А.И. Милостивая, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода
Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь), Россия

***Аннотация.** Статья посвящена проблеме выбора эквивалентных соответствий в немецком переводе пьесы М. Булгакова «Адам и Ева». При этом в фокус исследовательского интереса попадают культуронимы как средства вербализации семиотических кодов культуры. Проведенный анализ показал, что использование лексических трансформаций способствует устранению последствий культурной асимметрии между исходным и переводящим языками.*

***Ключевые слова:** лексические трансформации, культуроним, семиотический код культуры, немецкий перевод, М. Булгаков.*

УДК 372.881.111.1

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В УСЛОВИЯХ ИСКУССТВЕННОГО МНОГОЯЗЫЧИЯ В ЯКУТСКОЙ ШКОЛЕ

А.И. Николаев¹, С.В. Борисова²¹ старший преподаватель кафедры иностранных языков по гуманитарным специальностям, ² студент
Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова (Якутск), Россия

Аннотация. В данной статье авторами рассмотрены особенности фонетического строя якутского языка при изучении английского языка, также приведены итоги проведенного эксперимента.

Ключевые слова: ЭОР, сравнительно-сопоставительный анализ, билингвизм, английский язык.

В условиях многонациональной страны, где учащиеся являются билингвами, т.е. носителями родного и государственного языков, вопросы и методы обучения иностранному языку приобретают большую значимость.

Актуальность исследования: современное значение английского языка носит перманентный характер, как в обиходной жизни, так и в образовании. В России учащиеся образовательных учреждений изучают иностранные языки (чаще – английский) со 2 класса. По стандартам ФГОС, признанным подходом в обучении выступает системно-деятельностный, т.е. учение, направленное на решение задач проектной формы организации обучения, в котором важным является наблюдение, моделирование, учебный диалог и пр. Таким образом, задача изучения английского языка по современным стандартам диктует не только элементарное знание языка, а также умения применения активных форм познания, описанных выше и умения говорить чисто, без явных акцентов.

Якутский язык, относящийся к тюркской языковой группе языков, является родным для жителей Республики Саха (Якутия). Он изучается во всех школах республики, существует большое количество школ, где обучение проводится только на якутском языке. В том числе и английский язык. Другими словами, изучение английского, объяснение теоретического материала тоже идет на якутском языке. У учащихся-билингвов перенос навыков произношения происходит из двух языков, в нашем случае якутского и русского языков. Дело в том, что якутский алфавит имеет звуки, которые полностью идентичны некоторым звукам английского алфавита. Например, если русскоговорящего ученика учат проговаривать «General Motors» как «Дженерал Моторс», учащиеся дети на якутском языке без труда смогут произнести «Дьенерал Моторс». Всё дело в том, что английский звук [dʒ] похож на якутский [дь]. Похожих звуков достаточно количество в обоих языках. Но вопрос обучения английскому языку (с опорой на родной язык) на фонетическом уровне недостаточно исследован.

Таким образом, из основных положений актуальности исследования вытекает **цель исследования:** исследование похожих звуков, выявление положительного влияния родного языка (якутского) на изучаемый иностранный язык на уровне фонетики.

Предмет исследования: сопоставительная лингвистика.

Объектом исследования: особенности фонетики якутского языка при изучении английского языка.

В соответствии с целью исследования нами выдвинуты следующие **задачи:**

- изучить методическую литературу по исследуемой теме;
- выявить фонетические особенности якутского языка при обучении английского языка;
- разработать ЭОР с учетом фонетических особенностей родного языка;
- разработать методику элективного корректирующего курса по фонетике;
- экспериментально доказать гипотезу исследования (во время педагогической практики).

Гипотеза исследования: усвоение фонетического аспекта иностранного языка в якутской школе будет более эффективным, если:

- при обучении учитывать фонетические особенности якутского языка;
- разработать и применить элективный корректирующий курс по фонетике с использованием ЭОР.

Для подтверждения выдвинутой проблематики нами разработан эксперимент, призванный выявить интерферентное влияние родного языка на изучение иностранного языка.

Для того чтобы выявить идентичные звуки в якутском и английском языках, мы провели диагностирующее анкетирование преподавателей, учителей якутского и английского языков Северо-Восточного федерального университета и Саха гимназии г. Якутска. Преподавателям предлагалось определить схожесть звуков, например, в словах *sing* и *хатын* (береза – пер. с якутского языка).

По результатам анкетирования, были выделены следующие схожие звуки:

[dʒ] - [дь] *enjoy* – *дьахтар* (женщина);

[bə:d] - [e] – *birdman* – *өрүс* (река);

[h] -[h] - *horror* – *сыһыан* (отношение);

[ŋ] - [ɲ] - think – чараҥ (роща);

[ju:] - [y] - tube – үүт (молоко).

На основе этого анкетирования нами была разработана обучающая программа с упражнениями. Эксперимент был проведен во время педагогической практики. Для эксперимента был выбран 9 «б» класс муниципального образовательного бюджетного учреждения «Саха гимназия» г. Якутска.

В классе: 26 учащихся – 13 мальчиков и 13 девочек. Экспериментируемый класс был разбит на 2 группы: экспериментальная и контрольная. «Разбивкой» учеников на две группы занималась их учитель английского языка по результатам тестирования. Экспериментальная группа занималась по разработанной программе; контрольная группа проходила тему по учебнику.

По результатам эксперимента было выявлено следующее: группы показали такие результаты усвоения звуков:

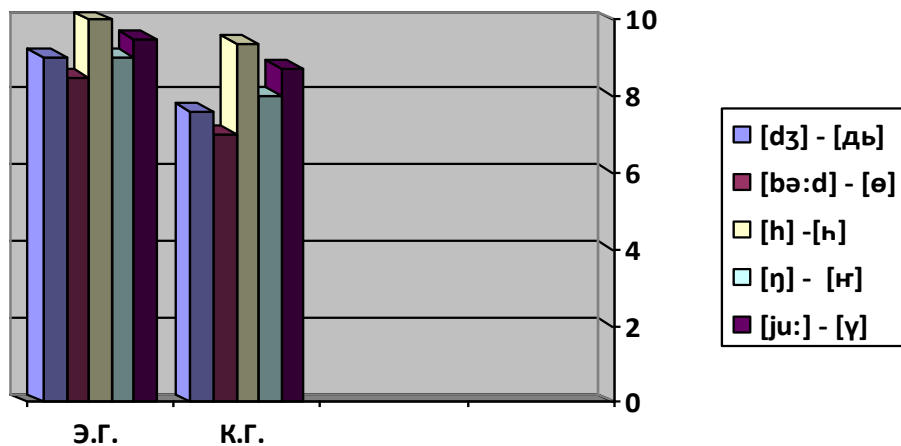


Диаграмма 1. Соотношение освоенных знаний группами

В процентном соотношении, освоение звуков сложилось таким образом:

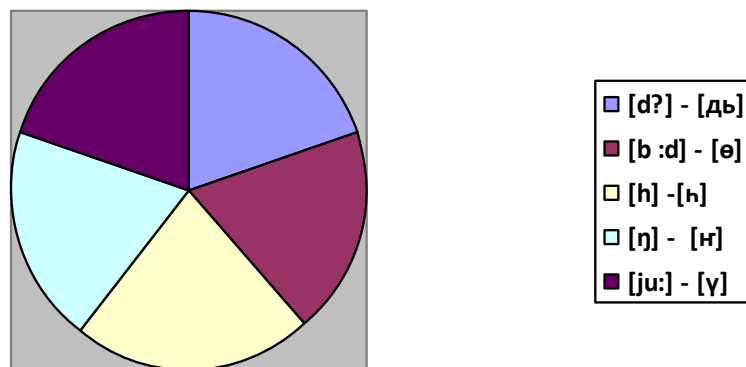


Диаграмма 2. Процент освоения звуков

Заключение. По результатам проведенного эксперимента было выявлено то, что экспериментальная группа дала эффективный результат при сравнительно-сопоставительном анализе по сравнению с другой группой. Цели исследования были достигнуты, т.е. были выявлены схожие звуки в английском и якутском языках. На основе этих данных нами был разработан комплекс упражнений с опорой на якутский язык. Выполнение этих упражнений подтвердило выдвинутую гипотезу о положительном влиянии родного языка на изучаемый иностранный язык.

Следовательно, приходим к выводу о том, что создание и разработка ЭОР (электронно-образовательного ресурса) с опорой на родной язык способствует улучшению навыков произношения и изучения иностранного языка в якутской школе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Буранов, Дж. Сравнительная типология английского и тюркских языков: Учеб. пособие для пед. ин-тов. / Дж. Буранов. – М.: Высш. шк., 1983. – 267 с.
2. Реформатский, А.А. Введение в языковедение: Учебник. / А.А. Реформатский. – М.: Аспект Пресс, 1999. – 536 с.
3. Хромов, С.С. Фонетика английского языка / С.С. Хромов. – М.: IDO Press, Университетская книга, 2012. – 56 с.
4. Шарафутдинова, Н. С. Лингвистическая типология и языковые ареалы: учебное пособие / Н. С. Шарафутдинова. – 3-е изд., перераб. и доп. – Ульяновск: УлГТУ, 2012. – 168 с.

Материал поступил в редакцию 29.02.16.

**ISSUES OF LEARNING FOREIGN LANGUAGES UNDER THE CONDITIONS
OF ARTIFICIAL MULTILINGUALISM AT THE YAKUT SCHOOL**

A.I. Nikolaev¹, S.V. Borisova²

¹Senior Teacher of Humanities of Foreign Languages Department, ²Student
M.K. Ammosov North-Eastern Federal University (Yakutsk), Russia

***Abstract.** In this article authors considered features of phonetic system of Yakut during studying English, results of the made experiment are also given.*

***Keywords:** electronic learning resource, contrastive-comparative analysis, bilingualism, English.*

УДК 80

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ РОДСТВЕННОГО ДОПОЛНЕНИЯ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Н.А. Спичко, кандидат педагогических наук, доцент
Институт иностранных языков,
ГАОУ ВО Московский городской педагогический университет, Россия

Аннотация. Статья посвящена вопросам употребления глагола с дополнением, образованным от него. В ней анализируются различные типы такой конструкции и взгляды различных ученых на нее, делается обобщающий вывод о семантических особенностях конструкции в русском и английском языках.

Ключевые слова: родственное дополнение, конструкции с родственным дополнением (СОС), событийный / глагольный тип СОС, референциальный / номинальный тип СОС.

Согласно Словарю лингвистических терминов О.С. Ахмановой, родственным дополнением является некое «внутреннее дополнение», также называемое внутренним или избыточным объектом (inner / internal / cognate object). Это существительное в функции прямого дополнения, обычно лексически совпадающее с управляющим глаголом и служащее более развернутому обозначению действия, выраженному управляющим глаголом, и нередко образованное от того же корня [2, с. 141]. Внутренним такой тип дополнения называется потому, что в отличие от внешнего, дополнение содержит понятие, присущее глаголу, а не отличное от него [3, с. 98]. Условно можно представить родственное дополнение следующей формулой:

$$V+O_v,$$

где V – глагол=сказуемое, O_v – дополнение, образованное от этого глагола. Обычно это дополнение выражено существительным без предлога, и, следовательно, подпадает под категорию прямого дополнения. Может быть, поэтому в словаре-справочнике авторов Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой [5] и В. Н. Немченко [4] тип родственного дополнения отдельно не выделяется.

Ю. Апресян включает родственное дополнение в разновидность семантической гапологии (от *haploos* – простой, одиночный), по аналогии с составными частями сложных слов. Он выделяет 3 случая семантической гапологии: 1) синтаксически связанные слова, обеспечивающие связность текста (напр., *врач лечит, нож режет, читать книгу, есть пищу*); 2) повторение компонента слова А в синтаксически связанном с ним слове В (напр., подниматься выше, отступать назад); 3) повторяющийся компонент семантической роли не играет и может быть сокращен (напр., *чувство уважения = уважение, лингвистическая наука = лингвистика* и т.д.) [1, с. 88-89] Процесс сокращения автор называет «зачеркиванием».

Русский язык является синтетическим языком, следовательно, существительные, образуемые от глагола (или наоборот), так или иначе претерпевают определенные изменения (в аффиксах, окончаниях). Например, *жить* (глагол) – *жизнь* (сущ.), *спать* – *сон*, *умирать* – *смерть*. Поэтому конструкции с родственным дополнением (*жить полной жизнью, спать беспробудным сном, умереть героической смертью*) не воспринимаются в русском языке как тавтология. Однако представляется, что Ю. Д. Апресян прав, относя данные конструкции к третьему случаю из рассмотренных выше. Это подтверждается процессом «зачеркивания» повторяющегося элемента: *жить полной ~~жизнью~~ = жить полно / полноценно, спать беспробудным ~~сном~~ = спать долго / беспробудно, умереть героической ~~смертью~~ = умереть героически*.

Различные источники приводят и другие примеры в русском языке (*думать думу, кликать клич, горе горевать*), но, как кажется, данные примеры больше относятся к старому стилю изложения.

Английский язык, в свою очередь, относится к аналитическим языкам, в которых чаще используется такой способ словообразования, как конверсия. При наличии нулевых морфем переход из одной части в другую дает в результате два одинаковых слова с разными парадигмами. Например, (*a*) *hand* – (*to*) *hand*. Существительное *hand* имеет парадигму: *a hand, hands*, в то время как глагол – *to hand, handed, hands, handing, etc.* Отсюда у читающего или слушающего возникает чувство тавтологии при встрече с вариантами *to sleep a sleep, to smile a smile*. Однако в случаи родственного дополнения попадают и более «нормальные» варианты: *to live a life, to die a death*, схожие с русским языком.

Родственное дополнение в английской грамматике называется когнатным дополнением (cognate object). В последнее время к грамматической структуре с родственным дополнением (СОС – Cognate Object Construction) проявляется немалый интерес [7-9]. Особенно хочется отметить монографию Силке Хёе [6], основанную на исследовании BNC (British National Corpus), Британского национального корпуса, включающего в себя современные тексты разных жанров и тематики. В монографии присутствует более 30000 примеров СОС, разобранных по значениям и грамматическим составляющим.

Вкратце, все рассмотренные исследования в плане использования родственного дополнения в английском языке приводят к следующим выводам:

1) самыми распространенными примерами родственного дополнения в британском и американском вариантах английского языка являются *to live a life*, *to sing a song*, *to smile a smile* и *to tell a tale* [6, 7, 9]. Среди других глаголов, образующих СОС, можно выделить: *sigh*, *dance*, *dream*, *sleep*, *sing*, *laugh*, *grin*, *die*, *fall*, *grow*, *drop*, *bounce*, *blow*, *slide*, *blush*;

2) между глаголом и его однокорневым дополнением обычно стоит прилагательное. Ученые [7, 8] выделяют два типа фраз, связанных с ним. Прилагательное может относиться к глаголу или к дополнению.

а) если прилагательное относится к глаголу, то данный тип называется событийным (eventual) [7] или глагольным (verbal) [8], manner type [9], напр. *He smiled a sad smile*. Данный тип характеризуется возможностью перефразирования, т.е. вместо прилагательного и существительного можно использовать наречие (обстоятельство образа действия), напр. *He smiled sadly*. Кроме того, в родственное дополнение событийного типа нельзя добавить другое наречие (обстоятельство), напр. *He smiled a sad smile softly*¹, т.к. идет наложение как бы двух обстоятельств образа действия (*He smiled a sad smile (=sadly) softly*).

б) если прилагательное относится к дополнению, данный тип называется референциальным или относительным (referential) [7] или номинальным (nominal) [8], non-manner type [9]. Данный тип характеризуется невозможностью перефразирования, напр. *He told a second tale* нельзя перефразировать как *He told secondly*. Однако в этом случае возможно использование наречия, характеризующего образ действия, напр. *He told a second tale sadly*, т.к. в данном случае нет наложения двух обстоятельств.

Проверить, к какой конструкции относится тот или иной случай, можно довольно просто. Возьмем такой СОС, как *to live a long life*. Если данная конструкция не может быть употреблена в пассивном залоге (*A long life is lived*), к ней нельзя задать специальный вопрос (*What life do you live?*), нельзя заменить один из элементов на местоимение (*to live it*), нельзя поставить определенный артикль или лимитирующее определение (*to live the long life of the celebrity*) и нельзя поставить дополнение в начало (*A long life, he lived*), то данный СОС относится к первому типу (событийный или глагольный).

Следует уточнить, что, как в любом правиле, и здесь есть свои исключения, так, например, С. Хёе обнаружил СОС первого типа в пассивных конструкциях, которые с разными словосочетаниями составили от 2 до 24 % от общего количества каждого из словосочетаний [6]. Представляется, что здесь нашли свое отражение современные влияния языка, желание выразиться, авторский стиль.

Также Т. Огата предполагает, что глаголы с родственным дополнением, не имеющие в конструкции описательного определения (*to sing a song*, *to dance a dance*) являются не СОС, а просто тавтологическими конструкциями или псевдо СОС [8]. С этим можно согласиться, но каждый отдельный случай все же лучше рассматривать в контексте.

3) С некоторыми глаголами, использующими после себя родственное дополнение, не используются другие, «неродственные» дополнения. Так, например, в словосочетании *to live a long life* практически нельзя использовать другие дополнения, как то: *to live a long event*, *to live a long dream*. Однако можно использовать, напр., *to sing a popular melody* (вместо *song*). Видимо, родственные и «неродственные» дополнения должны семантически и синтаксически почти полностью «дублировать» друг друга.

4) Ученые не пришли пока к единому мнению, считать ли родственное дополнение обычным дополнением (complement) или дополнением атрибутивным, определительным (adjunct) [9]. Большинство ученых склоняются к выводу, что родственные дополнения – это не совсем прямые дополнения (см. пункт 2), т.к. они имеют определенные характеристики. Поэтому, скорее всего, современные словари лингвистических терминов не совсем правы, когда полностью обходят данное явление стороной.

Предполагаем, что основной вывод, который делают ученые, в равной степени относится как к английскому, так и к русскому языку: родственные дополнения акцентируют внимание слушающего на объекте действия, а не на самом действии. Так, в английском:

a) *He lived a happy life.*

b) *He lived happily.*

первый пример (a) фокусирует наше внимание на том факте, что жизнь (объект действия) была счастливая, а второй пример (b) показывает, каким образом совершалось само действие. То же мы видим и в русском языке:

a) *Он прожил счастливую жизнь.*

b) *Он прожил (жил) счастливо.*

Таким образом, как в русском, так и в английском языках, если позволяет глагол (т.е. если глагол имеет возможность использования после себя родственного дополнения), говорящий выбирает конструкцию (a) или (b) в зависимости от того, что он хочет подчеркнуть, на чем хочет заострить внимание. При этом конструкция с родственным дополнением безусловно является более эмфатической по сравнению с конструкцией с наречием.

Примечание

¹ Звездочкой обычно маркируются грамматически неправильные варианты, иллюстрирующие объективную возможность использования какого-либо правила.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян, Ю. Д. Избранные труды, том 1. Лексическая семантика: синонимические средства языка. 2-ое изд., испр. и доп. / Ю. Д. Апресян. – М.: Школа «Языки русской культуры», Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. – 472 с.
2. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – 608 с.
3. Марузо, Ж. Словарь лингвистических терминов / Ж. Марузо. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. – 511 с.
4. Немченко, В. Н. Грамматическая терминология: словарь-справочник / В. Н. Немченко. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. – 592 с.
5. Розенталь, Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – М.: Просвещение, 1985. – 399 с.
6. Höche, S. Cognate Object Constructions in English. A Cognitive-Linguistic Account / S. Höche. – Tübingen: Narr, 2009. – 312 p.
7. Kim, J-B. English Cognate Object Construction: A Usage-based, Construction Grammar Approach / J-B. Kim, J. Lim – December 1, 2012. [Электронный ресурс]. <http://web.khu.ac.kr/~jongbok/research/final-papers/cog-obj-jn-sub-preprint.pdf>, свободный доступ.
8. Ogata, T. Cognate Objects as Categorical Expressions / T. Ogata – [Электронный ресурс]. http://www.lib.chikushi-u.ac.jp/kiyo/3_1.pdf, свободный доступ.
9. Sailer, M. The Family of English Cognate Object Constructions / M. Sailer. – CSLI Publications, 2010. – [Электронный ресурс]. <http://web.stanford.edu/group/cslipublications/cslipublications/HPSG/2010/sailer.pdf>, свободный доступ.

Материал поступил в редакцию 15.02.16.

THE USAGE PECULIARITIES OF COGNATE OBJECT IN RUSSIAN AND ENGLISH

N.A. Spichko, Candidate of Pedagogic Sciences, Associate Professor
Foreign Language Institute, Moscow City Pedagogical University, Russia

Abstract. *The article is devoted to the issues of using a verb with an object formed from the same verb. It analyses different types of such construction and views of different scientists concerning it. A generalization of semantic peculiarities of this construction in Russian and English is presented.*

Keywords: *cognate object, cognate object constructions (COC), eventual / verbal type of COC, referential / nominal type of COC.*

УДК 81

**ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ДИСТАНЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В РЕСПУБЛИКЕ САХА (ЯКУТИЯ)**

А.И. Николаев¹, В.П. Каратаева²

¹ старший преподаватель кафедры иностранных языков по гуманитарным специальностям Института зарубежной филологии и регионоведения СВФУ,

² студент 3-го курса филологического факультета

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова (Якутск), Россия

***Аннотация.** В статье рассматривается возможность использования коммуникационной программы Skype при изучении иностранных языков с носителями языка учащимися из удаленных районов Республики Саха. Данный подход позволяет учащимся из дальних поселков республики общаться в реальном времени с людьми по всему миру, максимально приближаясь к ситуациям реального живого общения, что повышает мотивацию и качество овладения иностранным языком.*

***Ключевые слова:** коммуникационная программа Skype, мотивация, носитель языка, иностранный язык, высокоскоростной Интернет, информационно-коммуникационные технологии.*

Будучи жителями Республики Саха (Якутия), мы можем отметить, что дистанционное обучение, а именно общение учителя с учеником на расстоянии, в настоящее время только развивается. Примерно десять – двадцать лет назад люди, живущие здесь, не знали, что такое высокоскоростной Интернет. Но в связи с развитием информационно-коммуникационных технологий доступ к нему стал возможным.

Дистанционное обучение бывает не только двусторонним, но и односторонним. Одностороннее обучение можно использовать в самых обычных уроках, например, географии в виде интерактивного видео или видеотрансляции. Исходя из принципа наглядности дидактики, в памяти учащихся останется и усвоится та тема урока, которая была предоставлена наглядно, и в этом заключается большой плюс дистанционного обучения.

На сегодняшний день все школы республики пользуются сетью Интернет в рамках дистанционного образования. Например, для принятия участия в различных заочных конкурсах, дистанционных олимпиадах, научно-практических конференциях, для выполнения учебных и творческих заданий. Также ученики могут проходить тренировочные курсы по ЕГЭ. Несмотря на удаленность территорий, в Республике Саха (Якутия) есть немало количество проектов по развитию дистанционного обучения. Одним из них является проект «Развитие дистанционного обучения для детей-инвалидов», который начал свою работу в 2008 году. По данным 2011 года, количество детей, обучающихся по этой программе, составляло более 230 [7].

Формирование эффективной системы дистанционного образования является одним из важных факторов развития и требует все более новых подходов и методов модернизации, которая обусловлена потребностями нашего общества.

Задача учителя иностранного языка состоит в формировании коммуникативной компетенции учащихся, то есть в развитии их способности и готовности осуществлять иноязычное межличностное и межкультурное общение с носителями языка. На уроке и во внеурочной деятельности необходимо создать модель реального общения, которая способствует возникновению у учеников естественного желания и необходимости взаимодействия с другими, уверенности в себе и своих силах для осуществления коммуникации [5, С. 157].

Основная цель обучения иностранным языкам в школе – формирование и развитие коммуникативной компетенции, которая подразумевает обучение общению и формирование способности к межкультурному взаимодействию. При этом особую значимость приобретает использование дистанционных технологий при обучении иностранных языков удаленных регионов нашей республики. Ведь проблема удаленности территорий от центральных районов и больших городов характеризуется, в первую очередь, снижением уровня мотивации и качества усвоения материала при обучении иностранным языкам. Обучение иностранному языку, в нашем случае, английскому, являющемуся языком межкультурной коммуникации, требуют тесного общения с представителями культуры страны изучаемого языка и с носителями иностранного языка, которых сложно, а порой невозможно найти в далеком поселке. Овладение коммуникативной и межкультурной компетенцией невозможно без практики общения, а именно, общения в реальных ситуациях или в ситуациях, приближенных к реальным.

Использование коммуникационной программы Skype предоставляет широкие возможности для живого общения с носителями английского языка из англоговорящих стран независимо от удаленности собеседников.

Программа Skype имеет ряд преимуществ:

- Skype – это бесплатная система с большим набором функций, включающая основные необходимые для организации урока возможности (чат, голосовое общение, возможность подключения веб-камеры, пересылка файлов любого объема с максимально возможной скоростью);
- безопасность и защищенность программы Skype. В данной коммуникационной программе исключено внешнее вторжение других абонентов в процесс общения, отсутствует реклама и предоставляется эффективная спам-защита;
- в Skype-конференции может участвовать до девяти участников одновременно, а текстовой Skype-чат может объединить до 100 человек. И даже такой широкий потенциал не является пределом – при необходимости количество участников может быть расширено посредством сторонних приложений для Skype;
- понятный интерфейс программы, доступный на разных языках, и продуманный дизайн программы облегчают работу и визуальное восприятие при работе;
- программа Skype доступна для бесплатного скачивания на официальном сайте. Также на сайте доступна полная информация о программе и ее использовании [8].

Таким образом, принимая участие в онлайн общении с носителями языка, учащиеся получают уникальную возможность вступления в контакт с представителями страны изучаемого языка. Это можно назвать диалогом культур, помогающим формированию глобального мышления и культуры общения. Выявление эффективности применения коммуникационной программы Skype, способов внедрения в обучение с целью повышения мотивации и качества освоения иностранного языка учащихся из удаленных районов Республики Саха определило актуальность нашего исследования.

Цель исследования состоит в теоретическом и экспериментальном обосновании результативности обучения иностранным языкам с помощью применения коммуникационной программы Skype в Республике Саха.

Цель работы определяет следующие задачи:

- определить особенности использования дистанционных технологий при обучении иностранным языкам в РС(Я);
- разработать технологию обучения иностранным языкам с помощью программы Skype;
- организовать экспериментальное обучение иностранным языкам учащихся из удаленных районов республики посредством программы Skype;
- экспериментально обосновать результативность обучения иностранным языкам посредством программы Skype в РС(Я).

Предмет исследования – обучение иностранным языкам посредством программы Skype в РС(Я).

Объект исследования – использование дистанционных технологий при обучении иностранным языкам.

Преимущество обучения языка с помощью носителя состоит в том, что ученик и преподаватель имеют возможность общаться только на одном языке. Именно при таких условиях образуется языковая среда, которая помогает наиболее глубоко усвоить новые знания и влиться в межкультурную коммуникацию.

Очень важно и то, что для проведения занятий не нужно серьезных затрат на оборудование, вспомогательные материалы и пособия. Все, что требуется – это компьютер или ноутбук со средними характеристиками, подключенный к Интернету. Сама программа является интуитивно понятной и простой в эксплуатации, предоставляется бесплатно. А любые дополнительные материалы можно легко скачать из Интернета по ссылке, которую преподаватель может прислать ученику непосредственно во время общения. Таким образом, Skype существенно расширяет возможности современного обучения и делает его доступным абсолютно всем желающим независимо от их места проживания, возраста, сферы деятельности, графика работы и т.д.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балашова, Ю. В. Особенности личностного развития студентов при дневном и дистанционном обучении / Ю. В. Балашова // Среднее профессиональное образование. 2009. – № 6. – С. 74–75.
2. Васильев, В. Дистанционное обучение: деятельностный подход / В. Васильев // Дистанционное и виртуальное обучение. 2004. – № 2. – С. 6–7.
3. Полат, Е. С. Современные педагогические и информационные технологии в системе образования: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. 3-е изд., стер. / Е. С. Полат, М. Ю. Бухаркина. – М.: Издательский центр «Академия», 2010. – 368 с.
4. Самари, Ш. М. Пути применения дистанционного обучения в системе образования / Ш. М. Самари // Аспирант и соискатель. 2009. – № 5. – С. 84–88.
5. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – М.: Слово, 2000. – 262с.
6. <http://iyazyki.ru/2014/02/skypetecnology-englishlesson/>
7. <http://profportal.sakha.gov.ru/info/distantcionnoe-obrazovanie-shkol-nikov-respubliki-saha-yakutiya/>
8. <http://skypewith.me>

Материал поступил в редакцию 01.03.16.

**THE PECULIARITIES OF USING REMOTE TECHNOLOGIES
IN TEACHING FOREIGN LANGUAGE IN THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA)**

A.I. Nikolaev¹, V.P. Karataeva²

¹ Senior Teacher of Humanities of Foreign Languages Department, ² Third-Year Student of Philology Faculty
M.K. Ammosov North-Eastern Federal University (Yakutsk), Russia

***Abstract.** The article deals with the possibility of using Skype communication software for teaching students from remote regions of the Sakha Republic foreign languages with the help of native speakers. This approach allows online communication of students from the Republic's remote locations with the people from all around the world, so that they come as close as possible to real life communication situations, which enhances motivation and quality of foreign language acquisition.*

***Keywords:** Skype communication software, motivation, native speaker, foreign language, high-speed Internet, information and communication technologies.*

ФИЛОЛОГИЯ

Международный научный журнал

№ 2 (2), март / 2016

Адрес редакции:
Россия, г. Волгоград, ул. Ангарская, 17 «Г»
E-mail: sciphilology@mail.ru
<http://sciphilology.ru/>

Учредитель и издатель: Издательство «Научное обозрение»

ISSN 2414-4452

Редакционная коллегия:
Главный редактор: Мусиенко Сергей Александрович
Ответственный редактор: Маноцкова Надежда Васильевна

Дмитриева Елизавета Игоревна, кандидат филологических наук
Анимова Ольга Константиновна, кандидат филологических наук
Атаманова Наталья Викторовна, кандидат филологических наук

Подписано в печать 17.03.2016 г. Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Заказ № 125.